

W 11
66
12

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

7

NO LONGER FOR SALE

COFFEE

RUSSIAN ADVERTISING

мира твердаго, столь возделыннаго
для народовъ и Вѣщениосцевъ, которые
хотятъ властвовать для пользы лю-
дей, для успѣховъ нравственности, до-
бродѣтели, Наукъ, Искусствъ граж-
данскихъ, благосостоянія государ-
ственнаго и частнаго. Побѣдою устра-
нивъ препятствія въ семъ истинно
Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую ти-
шину намъ и Европѣ, чего Вы, Госу-
дарь, не совершите въ крѣпости муже-
ства, въ теченіе жизни долговременной,
общаемой Вамъ и закономъ Природы
и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюблен-
ный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли,

*Исторія предаетъ дѣянія великодуш-
ныхъ Царей, и въ самое отдаленное
потомство вселяетъ любовь къ ихъ
священной памяти. Пріимите мило-
стиво книгу, служащую тому доказа-
тельствомъ. Исторія народа принад-
лежитъ Царю.*

ВСЕМНОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

**ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА**

Декабря 8

1815

вѣрноподанный

Николай Карамзинъ.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I и II.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

РИННПРСО

АННМАЧА

ИСТОРИ

ТОМЪ 10

ТОМЪ 10

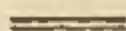

2007041102

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.

ВІДОТІН

ПЕЧАТНО

по Высочайшему повелѣнію.

1871

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

Всемилоостивѣйшій Государь!

Съ благоговѣніемъ представляю Вашему Императорскому Величеству плодъ усердныхъ, двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ : ободренный Вами, могли я не илѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я Вамъ, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ Героя, Дмитрія Донскаго — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали съ восхищительнымъ для меня вниманіемъ;

сравнивали давно-минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшій. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Россією — но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава Александрова сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастье Вашего добродѣтельнаго сердца равно Вашей славы, то Вы счастливы въ всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно единому Богу; но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія въ иѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижали откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ попомощу; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, Законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершен-

ствомъ видимаго порядка вещей , какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости , которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ , народы уже любятъ Исторію : старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеспсанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ Лѣтописцевъ. И вымыслы правятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ,

влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь создавая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, правами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и невкусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Рус-

ское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели заThemistoclea или Scipіона. Всемирная Исторія великими воспоминашми украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтѣшныя имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величій не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну Дер-

жаву съ Москвою? Менѣ ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разнообразныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ свискалъ господство надъ девятою частию міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣлнія, описанныя Геродотомъ, Фукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеніе Россіи; однакожь смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любо-

пытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Повагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междоцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобій въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государственіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, страшный даже-Димитрій, и за соимомъ доблественныхъ патріотовъ, Бояръ и граждавъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ

государственныхъ бѣдствіи, и Царь Алексій, мудрый отецъ Императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремяція безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтушіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакомъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестныя.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣписаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Оукидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый рассказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь

Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полу-тигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умплениемъ смогнемъ на Агриппину, несущую пещель Германика; съ жалостію на разсѣяныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавыи, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ

нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сіи *обозрѣнія*, сіи *картины* не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Ино-

земцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи ; но добрые Россіяне не обязапы ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслялъ, и писалъ объ *Игоряхъ*, о *Всеволодахъ*, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней *Лѣтописи* съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ ; и если, вмѣсто *живыхъ, цѣлыхъ* образовъ, представлялъ единственно *тѣни, въ отрывкахъ*: то не моя вина : я не могъ дополнять *Лѣтописи* !

Есть три рода Исторіи : первая современная, напримѣръ *Фукидидова*, гдѣ очевидный свидѣтель говорить о происшествіяхъ ; вторая, какъ *Тацитова*, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время ; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка (*). Въ *первой* и *второй*

(*) Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія : мы слышали отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ объ немъ, о *Екатеринѣ I*,

блистаетъ умъ , воображеніе Дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее , цвѣтитъ , украшаетъ , иногда творитъ , не боясь обличенія ; скажетъ : я такъ видѣлъ , такъ слышалъ — и безмолвная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта : не лѣзя прибавить ни одной черты къ извѣстному ; не лѣзя вопрошать мертвыхъ ; говоримъ , что передали намъ современники ; молчимъ , если они умолчали — или справедливая Критика заградить уста легкомысленному Историку , обязанному представлять единственно то , что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ , въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей , съ обстоятельствами : право неограниченное для истинныхъ дарованій , и Ливій , пользуясь имъ , обогатилъ свои книги силою ума , краснорѣчія , мудрыхъ наставленій. Но мы , вопреки мнѣнію Аббата Мабли , не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума

Петръ II, Анна, Елизаветъ, многое, чего нѣтъ въ книгахъ.

дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣхъ и цѣли ея; здравый вкусъ установилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цѣттиковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зеркаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости правоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историкъ, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые

уже давно безмолвствуютъ въ могиллахъ. Чтожъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣлу и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится и малому не давать правъ великаго. Итъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерова, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо (*): оба суть до-

(*) Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую Исторію народовъ. Феррерасъ, Даниель, Масковъ, Далинь, Маллетъ не равняются съ ними двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцаріи), знатоки не хва-

стойные совмѣстники Древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, какъ «писалъ бы онъ на твоёмъ мѣстѣ!» есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ рассказъ нравственные апофѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бывають для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣють большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть *долгъ* Бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль *даръ*: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодovitый въ изъясненіи при-

зять его Вступленія, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

чинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Фукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся имъ, и вѣримъ имъ. Чувство: *мы, наше*, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, неспосно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: усилъхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось

предками ; хотѣлъ , не измѣняя своему вѣку , безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества , легковѣрія , баснословія ; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ : ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я пзвѣстій , тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми ; тѣмъ менѣе выбиралъ : ибо не бѣдные , а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего , или сказать все о такомъ-то Князѣ , дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ , но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею. Прилежно *истощая* матеріалы древнѣйшей Россійской Исторіи , я ободрялъ себя мыслию , что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія : тамъ источники Поэзіи ! Взоръ нашъ , въ созерцаніи великаго пространства , не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго , яснаго — къ концу горизонта , гдѣ густѣютъ , меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость ?

Читатель замѣтитъ , что описываю дѣянія *не врознь* , по годамъ и днямъ , но *совокупляю*

ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнiя въ памяти. Историкъ не Автописецъ : послѣднiй смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣянiй : можетъ ошибиться въ распредѣленiи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчанiй и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы Древнiе : они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображенiе : тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однакожь необходимая ! Если бы все матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою : то миѣ оставалось бы единственно ссылатся; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣнiемъ. Въ волѣ Читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненiемъ или дополненiемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно : старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображенiямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются легче.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), отъ Ярославъ до Моголовъ *раздѣленною* (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III *угнетенною* (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго *побѣдоносною* (Victrix), отъ Петра до Екатерины II *процветающею*. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не *рожденія*. 2) Государство *длилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одинъ время Великаго Князя Дмитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на *Древнѣйшую* отъ Рюрика до Іоанна III, на *Среднюю* отъ Іоанна до Петра, и *Новую* отъ Петра до Александра. Система Удѣловъ была характеромъ *первой* эпохи, Единовластіе *второй*, измѣненіе гражда-

скихъ обычаевъ *третьей*. Впрочемъ, нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти Томовъ (*), могу по слабости желать хвалы и бояться оужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолубіе не могло бы дать мнѣ твердости постоялшой, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть, сдѣлать Россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество;

(*) Томъ IX изданъ не прежде 1821 года. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, вышли еще, при жизни Исторіографа, въ 1824 году, томы X и XI, а по смерти его, въ 1829, томъ XII. (Прим. издат.)

желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое оспованіе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія. . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ до XVII вѣка.

Сии источники суть:

I) *Лѣтописи*. Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный *отцемъ* Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ (*): одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, за-

(*) См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 213. Въ разныхъ спискахъ Нестора (*Пушкинскомъ, Геленбергскомъ*) находится слова: «къ нему жъ (Ѣеодосію) и азъ пріидохъ «худый, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу семнатцати отъ «роженъа моего.» Изумень Ѣеодосіи скончался въ 1074 году: и такъ Лѣтописецъ нашъ родился около 1030 года. — Въ заглавіи *Хлѣбниковскаго* списка (см. ниже) поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ названъ просто Черноризцемъ Ѣеодосіева монастыря Печерскаго. Житіе Нестора въ печатномъ Изданіи есть новѣйшее сочиненіе: его нѣтъ въ древнемъ рукописномъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 213).

писки церковныя (*), и сдѣлаея *первымъ Лѣтописцемъ* нашего отечества (**). *Второй*, именемъ *Василій*, жилъ также въ концѣ XI столѣтія: употребленный *Владимірскимъ Княземъ Дави-*

(*) См. сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 64 и 213. Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ *Несторъ* означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей.

(**) Мы должны упомянуть о *мнимомъ древнѣйшемъ Лѣтописцѣ* *Іоакимѣ*, первомъ *Новгородскомъ Епископѣ*, пріѣхавшемъ въ Россію съ Царевною *Анною*, супругою *Св. Владиміра*. *Татищевъ* рассказываетъ слѣдующее:

«*Архимандритъ Мельхиседекъ* доставилъ ему, какъ любителю древностей, три тетради, полученныя имъ отъ *Монаха Веніамина* и выписанныя изъ старой книги, съ которою *Веніаминъ* самъ ѣхалъ къ *Татищеву*, но умеръ дорогою. Въ тетрадяхъ написано, что *Несторъ* худо зналъ происшествія *Новгородскія*, гораздо лучше извѣстныя *Іоакиму*; что *Славенъ*, внукъ *Іафѣевоу*, по сказанію сего *Епископа*, основалъ городъ *Славяскъ* въ Россіи; что послѣ господствовалъ тамъ *Князь Вандакъ*, коего родственниками были *Князья Гардорики* и *Гунигары*, завоеватели многихъ странъ; что сыновья *Вандаловы* назывались *Изборъ*, *Столюсвятъ* и *Владиміръ*, женатый на *Адвиндѣ*; что отъ *Владиміра* произошелъ *Буривой*, отецъ *Гостомысла*, который изгналъ *Варяговъ* изъ Россіи и построилъ *Выборгъ*; что *Рюрикъ* ему внукъ, *Ольга Прекрасна* также родственница; что *Святославъ* мучилъ *Христіанъ*; что *Св. Владиміръ* крестился не въ *Херсонѣ*, а въ *Болгаріи*; что его сыновья, *Борисъ* и *Глѣбъ*, родились отъ Царевны *Анны*, не *Греческой* (изъясняетъ *Татищевъ*), а *Болгарской*,» и проч. См. его *Росс. Исторіи* Т. I. стр. 29 — 31.

Сію шутку многіе приняли за истину и начали съ важностію говорить о *Лѣтописцѣ* *Іоакимѣ*. Но слова *Татищева*: *Веніаминъ Монахъ* только для закрытія вымыселъ (стр. 42), доказываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о вымыслахъ. Басня о *Князѣ Славенѣ*, *Изборѣ*, и проч. давно

домъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василь-комъ, описалъ намъ великодушіе послѣдняго и другія современныя дѣянія юго-западной Россіи (*). Всѣ яныя Лѣтописцы остались для насъ безыменными; можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: напримѣръ, одинъ въ Новѣ-городѣ, Іерей посвященный Епископомъ Нифонтомъ въ 1144 году; другой въ Владимірѣ на

извѣстна (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 70 и 91). Другія мнимыя Іоакимовы сказанія явно принадлежатъ къ той же категоріи. Слогъ ихъ есть повый. Іоакимъ въ XV вѣкѣ могъ ли написать: *Святославъ имѣлъ три сына, имѣ же тѣко области раздѣли — Ярополкъ, изытлся о семъ, печаленъ бысть — побѣдиша не силою, ни храбростію, но предательствомъ — мы же* (Іоакимъ въ Новѣ-городѣ) *ходимъ по торжищемъ и улицамъ, и учатомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово Крестное явися безуміемъ и обманомъ, и проч.* Всего рѣшительнѣе слѣдующее замѣчаніе: доказано ли, что Анна, супруга Владимірова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василія и Константина? Безъ сомнѣнія: не только Несторъ, не только современные Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно то утверждаютъ. Какъ же Іоакимъ, пріѣхавшій съ Анною въ Россію, могъ считать ее Княжною Болгарскою? Видимъ причину сего вымысла: не зная, что Кедринъ и Зонара именуютъ Владиміра зятемъ своихъ Императоровъ; не зная Дмитяра, ни Эль-Макина, Татищевъ сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую его ошибку, говоря: *сіе ко изясненію древности и Несторова темнаго сказанія много служитъ, доколь полнѣйшая тѣхъ временъ Исторія сыскаться можетъ* (см. *Татщ. Росс. Исторіи* Т. I, стр. 31). Повторяю, что онъ не мыслилъ обманывать: это затѣйливая, хотя и неудачная догадка.

(*) См. Т. II, прим. 184.

Клязьмѣ при Всеслодѣ Великомѣ; третій въ Кіевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волыніи около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ (*). Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но, къ счастью, не вымышляли, и достовѣрнѣшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь Хроникъ идетъ до государственія Алексія Михайловича (**). Нѣкоторыя донынѣ еще не изданы или напечатаны весьма несправно (***). Я искалъ

(*) См. Т. II, примѣч. 288, Т. III, примѣч. 24, 36, 153, годъ 1198, и Т. IV, примѣч. 173. Подробный *Псковскій Лѣтописецъ*, донынѣ неизданный, начинается около 1303 года; а древнѣйшія въ немъ извѣстія взяты изъ Нестора и Новгородской лѣтописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники: одинъ Архивскій Н. Н. Бантыша-Каменскаго, другой Архивскій А. Ф. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа Ф. А. Толстаго. Первый изъ библіотеки Стольника Василія Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году былъ Восводою Псковскимъ; писанъ Дьячкомъ Андреемъ Козю, и доходитъ до 1650 года. Другіе три гораздо старѣе сего времени, и заключають въ себѣ нѣкоторыя особенныя извѣстія.

(**) Два перерыва замѣтиче иныхъ: въ кляженіе Василія Димитріевича и въ царствованіе Іоанна IV Грознаго: чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.

(***) Напримѣръ, Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправленіе всѣхъ напечатана Новгородская Лѣтопись въ Москвѣ съ харатейнаго Синодальнаго списка, а въ Петербургѣ съ бумажнаго стараго въ *Продолженіи Древней Рос. Вислѣдники* Второй списокъ идетъ далѣе; въ немъ именуетъ себя *Нонтъ Моанъ*, безъ сомнѣнія не Авторъ, а

древнѣйшихъ списковъ : самыя лучшіе Нестора и продолжателей его суть харатейныя, *Пушкинскій* и *Троицкій*, XIV и XV вѣка (*). Достойны также замѣчанія *Ипатьевскій*, *Хлѣбниковскій*, *Кенигсбергскій*, *Ростовскій*, *Воскресенскій*, *Львовскій*, *Архивскій* (**). Въ каждомъ изъ нихъ есть

переписчикъ : ибо тутъ же въ харатейномъ Синодальномъ и тѣми же словами говоритъ о себѣ *Ионамаръ Тимофѣй*. — Особенныя сказанія сей лѣтописи начинаются со временъ Ярослава Великаго ; предъидущее взято изъ Нестора. — Новгородскія извѣстія простираются въ краткой лѣтописи, отданной въ Архивъ Иностр. Коллегіи А. О. Малиновскимъ, до самаго 1370 года.

(*) Первый поднесенъ Императору Графомъ А. П. Муסיнымъ-Пушкинымъ ; второй найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отданъ послѣ Обществу Исторіи и Древностей, и сгорѣлъ въ нашествіе Французовъ.

(**) Въ 1809 году, осматривая древнія рукописи покойнаго Петра Кирилловича Хлѣбникова, нашелъ я два сокровища въ одной книгѣ : *Лѣтопись Кіевскую*, извѣстную единственно Татищеву, и *Волынскую*, прежде никому неизвѣстную (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 173). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ досталъ я и другой списокъ ихъ : принадлежахъ нѣкогда Ипатьевскому монастырю, онъ скрывался въ библіотекѣ С. Петербургской Академіи Наукъ между Дефектами. Хлѣбниковскій списокъ долженъ быть XV или XVI, Ипатьевскій XIV вѣка ; оба начинаются Несторомъ. — Списокъ *Кенигсбергскій*, завоеванный Россіянами въ 1760 году, не старѣе XVI вѣка. — *Ростовскій*, зарученный Св. Димитріемъ, содержитъ въ себѣ любопытныя прибавленія, писанъ въ XVII вѣкѣ, идетъ до временъ Петра Великаго, и хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи. — Такъ называемый *Воскресенскій* (напечатанный) есть Софійскій Новгородскій списокъ Нестора и Продолжателей его ; въ немъ не мало важныхъ

нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновскій* болѣе всѣхъ искаженъ вставками безсмысленныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя дополнительные извѣстія о Тверскомъ Княженіи; далѣе уже сходствуетъ съ другими, уступая имъ однакожь въ исправности, — на примѣръ, *Архивскому*.

дреснихъ прибавленій: о Старѣйшихъ Гостомыслѣ, о Варягахъ Кіевскихъ, о характерѣ первыхъ Князей (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 71, 274, и Т. III, примѣч. 276). — *Львовскій*, изданный въ С. Петербургѣ 1792 г. въ V Томахъ подъ именемъ *Лѣтописца Русскаго*, замѣчательнъ нѣкоторыми особенными извѣстіями о государствованіи Іоанна III. — *Архивскимъ* (въ библіотекѣ Архива Инострани. Коллегіи) называлъ я списокъ XVII вѣка, подобный *Никоновскому*, весьма исправный, отъ времени Василя Димитріевича до 1360 года. — Многіе и нынѣ думаютъ, что Патріархъ Никонъ составлялъ *Никоновскую* лѣтопись: она только принадлежала ему, отдана имъ въ библіотеку Воскресенскаго монастыря и подписана его рукою: вотъ для чего называли ее сямъ именемъ. — Я говорю здѣсь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстѣйшихъ спискахъ: ихъ находится, можетъ быть, около тысячи въ Россіи, сверхъ многихъ сокращеній, писанныхъ обыкновенно въ четверть листа. Екатерина Великая, страстно люби нашу *Петорію*, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали пужайшаго: исправнаго ученаго *свода* лѣтописей. Какая нужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основаніе лучший, древнѣйшій списокъ, и только означить важныя отмѣны, прибавленія другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы все лѣтописи

II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствованіе Іоанна Грознаго по мысли и наставленію Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ нѣкоторыми прибавленіями, болѣе или менѣе достовѣрными, и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколѣвія Государей.

III) Такъ называемыя *Хронографы*, или Всесообщая Исторія по Византійскимъ лѣтописямъ, со внесеніемъ и нашей, весьма краткой. Она любопытна съ XVII вѣка: тутъ уже много подробныхъ *современныхъ* извѣстій, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ (**).

IV) *Житія Святыхъ*, въ Патерикѣ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Біографій сочинены въ

отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новгородской, Псковской, Кіевской, Волынской. Имѣемъ еще *Летописца Архангельскаго, Двинскаго, Нижегородскаго, Соловецкаго, Устюжскаго, Вятскаго*; послѣдніе два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ матеріалы для Историка.

(*) Татищевъ сказалъ несправедливо, что Митрополиты Кипріанъ и Макарій сочинили ее: Авторъ именно говоритъ (въ печат. стр. 76), что Макарій велѣлъ ему описать житіе Св. Владиміра, и проч. Кипріановыхъ сочиненій тамъ два: житіе Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многія *новѣйшія* сокращенія лѣтописей также расположены по *степенямъ Государей* до самаго Царя Алексія.

(**) Донынѣ еще не издано ни одного Хронографа; они разныхъ сочинителей, и тѣмъ любопытнѣе.

повѣйшія времена; нѣкоторыя однакожь, на примѣръ Св. Владиміра, Бориса и Глѣба, Θεодосіа, находятся въ харатейныхъ Прологахъ; а Патерикъ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (*).

V) *Особенныя дѣяніа*: на примѣръ, сказаніе о Довмонтѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современныя записки Курбскаго и Палицына; извѣстія о Псковской осадѣ въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распределение Воеводъ и полковъ: начинаются со времени Іоанна III. Сія рукописная книга не рѣдки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправлѣнная и полнѣйшая, писанная въ 1660 году, хранится въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) *Письменные Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ*. — Сія два источника не весьма достоверны; надобно ихъ свѣрять съ лѣтописями.

IX) *Посланія Святителей къ Князьямъ, Духовенству и мірянамъ*; важнѣйшее изъ оныхъ есть Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находится много достопамятнаго (**).

(*) Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 171). Сими Прологовъ имѣемъ XIV и XIII вѣка. Мисей писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для нея житія Россійскихъ Святыхъ, сокращенныя послѣ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Мисей хранится въ Синодальной библіотекѣ.

(**) Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Іоанна и Никифора, Епископа Пифонта, и многихъ Святителей

X) Древнія монеты, медали, надписи (*), сказки, пѣсни, пословицы : источникъ скудный, однакожь не совсѣмъ безполезный.

XI) Грамоты. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писана около 1125 года (**). Архивскія Новгородскія грамоты и Душевные записи Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо богатѣйшій есть

XII) Собраніе такъ называемыхъ *Статейныхъ Списковъ*, или Посольскихъ дѣлъ, и грамотъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже бѣльшей удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности присовокупляются

XIII) Иностранная современная летопись : Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія, вмѣстѣ съ извѣстными путешествениковъ.

XIV) Государственные бумаги иностранныхъ

XIII, XIV и XV вѣка, найденныя мною въ Патріаршей или Синодальной библіотекѣ.

(*) Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ нѣтъ надписей, или онѣ вырѣзаны уже въ новѣйшія времена; за то въ харатейныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются подписи историческія; напримѣръ: «писано при такомъ-то Князѣ, и въ такихъ-то обстоятельствахъ Государства».

(**) См. сей Исторіи Т. II, примѣч. 236, и Т. IV, примѣч. 206.

Архивовъ : всего болѣе пользовался я выписками изъ Кенигсбергскаго (*).

Вотъ матеріалы Исторія и предметъ Исторической Критики!

(*) См. сей Исторіи Т. III, примѣч. 112, и Т. IV, примѣч. 268 и 276.

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

О народахъ, издревле обитавшихъ въ
Россіи. О Славянахъ вообще.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонатовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапей, Фазагорія, Тапанисъ, Херсонъ. Скифы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полуночныхъ. Описаніе Скиѳіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиѳовъ: ихъ паденіе. Митридатъ, Геты, Сарматы, Алаве, Готы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ.

Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ ея климатахъ была искони обитаема, но дикими, во глубинѣ невѣжества погруженными народами, которые не ознаменовали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохра-

Древнія
свѣдѣ-
нія о
Россіи.

Путеше-
ствіе Ар-
гонав-
товъ.

Тавры и
Киммері-
ане.

Гипербо-
рея.

ились извѣстія о нашемъ древнемъ отече-
ствѣ. Первые весьма рано открыли путь
чрезъ Геллеспонтъ и Восторгъ Орскійскій
въ Черное море, если вѣрить славному
путешествію Аргонавтовъ въ Колхиду,
восиѣтому будто бы самимъ Орфеємъ,
участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Рож-
дства Христова ⁽¹⁾. Въ семъ любопыт-
номъ стихотвореніи, основанномъ на край-
ней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы
Кавказъ (славный баснословными муками
несчастнаго Прометея), рѣка Фазисъ (ны-
нѣ Ріонъ), Меотисское или Азовское море,
Восторгъ, народъ Касійскій, Тавры и
Киммеріане, обитатели южной Россіи. Пѣ-
вецъ Одиссея также именуетъ послѣд-
нихъ. «Есть народъ Киммерійскій (гово-
ритъ онъ) и городъ Киммеріонъ, покры-
тый облаками и туманомъ: ибо солнце
не озаряетъ сей печальной страны,
гдѣ безпрестанно царствуетъ глубокая
ночь ⁽²⁾.» Столь ложное понятіе еще
имѣли современники Гомеровы о странахъ
юго-восточной Европы; но басня о *мра-
кахъ Киммерійскихъ* обратилась въ посло-
вицу вѣковъ, и Черное море, какъ вѣроят-
но, получило отъ того свое названіе ⁽³⁾.
Цвѣтущее воображеніе Грековъ, любя пріят-
ныя мечты, изобрѣло Гипербореевъ, лю-
дей совершенно добродѣтельныхъ, живу-
щихъ далѣе на Сѣверъ отъ Понта Эвксин-

скаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и страсти неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ нѣсколько вѣковъ, и насытятся жизнью, бросаются въ волны морекія (4).

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Вѣковъ за пять или бо-
лѣе до Рождества Христова Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Траяновъ образованные граждане ея любили читать Платона, и зная наизусть *Іліаду*, иѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. Пантуканея и Фапагорія были столицами знаменитаго Царства Воспорскаго, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго Проліва. Городъ Тапансъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему Царству; но Херсонъ Таврическій (кого начало неизвѣстно) хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ (5). Сии пришельцы, имѣя торговлю и тѣсную связь съ своими единоземцами, сообщали имъ

Поселенцы
Греческіе.
Ольвія.

Пантуканея и
Фапагорія.

Тапансъ.
Херсонъ.

вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, передалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ твореніи.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами ⁽⁶⁾ — за 100 лѣтъ до времени Кировыхъ были из-

Скиты и
другіе
народы.

гнаны изъ своего отечества Скиѳами или Сколотами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи и наконецъ утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ отмстить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибъло все его многочисленное войско ⁽⁷⁾. Скиѳы, называвсь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: «вездѣ настигать непріятелей, и вездѣ отъ нихъ скрываться» ⁽⁸⁾; однакожь терпѣли Греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, заимствовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и Царь Скиѳскій построилъ себѣ въ Ольвіи

огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. — Каллиппиды, смѣсь дикихъ Скиѳовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипаніеа или Буга; такъ называемые *Скиѳы-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сии три народа уже сѣяли хлѣбъ, и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пути отъ его устья (вѣроятно, близъ Кіева), между *Скиѳами-земледѣльцами* и кочующими было ихъ Царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ Киммеріанъ: убивая иностранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей *богинѣ-дѣвицѣ*, τῇ Παρθένῳ, и мысъ Севастопольскій, гдѣ существовалъ храмъ ея, долго назывался Παρθένισσιν (°). Геродотъ нишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не-Скиѳскаго* племени: Агаѳпрсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, Певрахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Певры «обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ:» то есть, зимою покрывались волчьими кожами. — За До-

номъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали Сарматы или Савроматы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Ирки (¹⁰), Фиссагеты (славные звѣроловствомъ), а на Востокъ отъ нихъ Скиѣскіе бѣглецы *Орды Царской*, Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна Агриппеевъ, людей *плосконосыхъ* (въ брѣтнѣ, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, которые говорили *селемъ* разными языками. О дальнѣйшихъ *полунощныхъ* земляхъ носился единственно темный слухъ. Агриппей увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые снѣгать въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понятно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. — На Востокъ отъ Агриппеевъ (въ Великой Татаріи) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стрегутъ золото* (¹¹): сіи баснословныя грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляютъ думать, что драгоценныя рудники южной Сибири были издревле

Слухъ о
земляхъ
полу-
нощ-
ныхъ.

знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, кочевавшихъ на Востокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Кира (¹²), и рассказываетъ, что они, сходствуя одеждою и правами съ племенами Скиѳскими, украшали золотомъ шлемы, поясы, копекіе приборы, и не зная желѣза, ни серебра, дѣлали налицы и копья изъ мѣди.

Что касается собственно до Скиѳии Россійской, то сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находилась лѣса. Онъ за чудо рассказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиѳовъ, бываетъ наполненъ летающими перьями, то есть, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, густѣющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнія блистаетъ у нихъ единственно лѣтомъ. — Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера (¹³), сей Историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ (Τυρρις, при

Описанію Скиѳии.

Рѣка извѣстная Г р о-
днѣстръ

устѣѣ коего жили Греки, называемые Тиритами), Прутѣ (Περδύττ), Серетѣ (Ορδύττ), и говорить, что Скиѣи вообще могутъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпрѣ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, пріятна для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ отдаленіи и не извѣстенъ — Склоамѣ. Такимъ образомъ Сѣверѣ восточной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостію варваровъ, которые на нихъ скитались, оставался еще землею таинственною для Исторіи. Хотя Скиѣи занимали единственно южныя страны нашего отечества; хотя Андрофаги, Меланхлены и прочіе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совсѣмъ инаго племени: но Греки называли всю вышѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скиѣею, такъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эѳіопіею, западную Кельтикою, восточную Индіею, ссылаясь на Историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова (14).

Не смотря на долгое время сообще-
 ніе съ образованными Греками, Скиѣи
 еще гордились дикими нравами своихъ
 предковъ, и славный единоплеменецъ ихъ,

Философъ Анахарсисъ, ученикъ Солоповъ, напрасно хотѣвъ дать имъ законы Аѳинскіе, былъ жертвою сего несчастнаго опыта ⁽¹⁵⁾. Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитыхъ непріятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепы вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча поклонялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать Изъ паденію. со временъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древняго Историка ⁽¹⁶⁾, одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходствомъ мужества, а хитростію воинскою, и не нашелъ въ станѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только женъ, дѣтей и старцевъ. Митридатъ Эвнаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и завладѣвъ Митридатъ. Воспорскимъ Царствомъ, утѣснилъ и Скиѳовъ ⁽¹⁷⁾: послѣднія ихъ силы были истощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ странамъ Россіи. Геты, народъ Оракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время Царя своего, Берениста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова отнялъ у

Геты.

Сарма-
ты.

Скиѳовъ всю землю между Истромъ и Борисѳеномъ, т. е. Дунаемъ и Днѣпромъ ⁽¹⁸⁾. Наконецъ Сарматы, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей или присоединили къ своему народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ исчезло для Исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ ⁽¹⁹⁾.

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Римляне, занявъ Оракію и страны Дунайскія своими Легіонами, пріобрѣли для себя несчастное сосѣдство варваровъ. Съ того времени Историки Римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, который господствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ Дуная и состоялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоланъ и Языговъ ⁽²⁰⁾; но Географы, весьма не кстати назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой до самой глубины Сѣвера, обратили имя Сарматовъ (подобно какъ прежде Скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полунощныхъ. Роксолане утвердились въ окрестностяхъ

Азовскаго и Чернаго моря, а Язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная ⁽²¹⁾. Дерзнувъ первые тревожить Римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелію послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ Когортами Римскими въ Дакіи: Язиги опустошали Мизію. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ теченіе осьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто наказывало ихъ дерзость; но Римъ, изнѣженный роскошію, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тацитъ именуеть Язиговъ союзниками своего народа, и Сенать, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ Пословъ народа кочующаго ⁽²²⁾. — Хотя война Маркоманнская, въ коей Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія; хотя побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однакожь, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска или Тисы, долго еще беспокоили набѣгами Римскія владѣнія.

Почти въ одно время съ Язигами и Ро- Алано.

ксоланами узнаемъ мы и другихъ — вѣроятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, которые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ ⁽²³⁾. Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обработывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной, грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ и славились отмынною храбростію. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, Лорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные Историки, и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ ⁽²⁴⁾. Алане, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавриду.

Готамъ.

Въ третьемъ вѣкѣ приблизились отъ Балтійскаго къ Черному морю Готы и другіе народы Германскіе, овладѣли Дакією, Римскою провинцією со временъ Траяновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи ⁽²⁵⁾. Переплывъ на судахъ въ Азію, Готы обратили въ пепелъ многіе города цвѣтущіе въ Вифиніи, Галатіи, Каппадокіи,

и славный храмъ Діаны въ Ефесѣ, а въ Европѣ опустошили Оракію, Македонію и Грецію до Морен. Они хотѣли, взявъ Аѳины, истребить огнемъ всѣ книги Греческія, тамъ пайденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго еднѣоземца, который сказалъ имъ: «оставьте Грекамъ книги, чтобы они, читая ихъ, забывали военное искусство и тѣмъ легче были побѣждаемы нами» ⁽²⁶⁾. Ужасныя свирѣпостію и мужествомъ, Готы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царѣ ихъ Эрманирихѣ, заключала въ себѣ не малую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Балтійскаго.

Готскій Историкъ VI вѣка, Иорнандъ, пишетъ, что Эрманирихъ въ числѣ многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Вене- Венеды. довъ, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ Эстами и Герулами, жителями береговъ Балтійскихъ ⁽²⁷⁾, славились болѣе своею многочисленностію, нежели искусствомъ воинскимъ. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Иорнанда, были единоплеменники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдален-

ныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ ⁽²⁸⁾, и гдѣ живутъ Венеды. Вѣроятно, что Финикіане, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ объ ней свѣдѣній, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтaremъ, и тамъ покупали его у Венедовъ ⁽²⁹⁾. Во время Цинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакією ⁽³⁰⁾. Птоломей, Астрономъ и Географъ втораго столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось *Венедскии* ⁽³¹⁾. Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югъ отъ моря Балтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ ⁽³²⁾. Мышле, что сію часть міра должно признавать колыбелью всѣхъ народовъ, кажется вѣроятнымъ, ибо согласно съ преданіями Священными, и всѣ языки Европейскіе, не смотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими ⁽³³⁾; однакожь мы не можемъ утвердить сей вѣроятности никакими *дѣйствительно историческими* свидѣтельствами, и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновеніями и правами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра,

не знали домовъ, жили въ шатрахъ или колесницахъ ⁽³⁴⁾, и только на коняхъ сражались: Тацитовы же Венеды имѣли дома, любили ратоборствовать пѣшіе и славились быстротою своего бѣга.

Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ ^{гунны.} кочующій, отъ полуночныхъ областей Китая доходятъ чрезъ неизмѣримыя стени до юго-восточной Россіи, нападаютъ — около 377 года — на Алапъ, Готѳовъ, владѣнія Римскія, истребляя все огнемъ и мечемъ ⁽³⁵⁾. Современные Историки не находятъ словъ для описанія лютой свирѣпости и самаго безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предтечею, и столѣтній Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію снѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные Готы должны были покориться, а Западныя искали убѣжища во Оракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Готы, соединясь съ другими мужественными Германцами, скоро овладѣли большею частию Имперіи.

Исторія сего времени упоминаетъ объ *Антахъ*, которые, по извѣстію Иорнанда и ^{Латы.} Византійскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедями къ народу Славянскому ⁽³⁶⁾. Вишитаръ, наследникъ Эрма-

нариха, Царя Готескаго, былъ уже данникомъ Гуиновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ страну Антоу, которые обитали на Сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи), и жестокииъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знатнѣйшими Боярами (37). Царь Гуинскій, Баламберъ, вступился за утѣсенныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готевъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что Анты и Венеды признавали надъ собою власть Гуиновъ: ибо сіи завоеватели во время Аттилы, грознаго Царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до острововъ Балтійскаго моря (38). Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ *бича Небеснаго*. — Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество Гуиновъ. Народы, поработенные Аттилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные Иѣмцами-Гепидами изъ Панноніи или Венгріи, Гуины держались еще нѣсколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ вазывалась Гуиниваромъ (39); другіе разсѣялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи — и скоро изгладилась слѣды

ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сін варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное привидѣніе исчезли!

Въ то время южная Россія могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одні бѣдные остатки народовъ. Восточные Готы болѣею частію удались въ Папицію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: вѣроятно, что они смѣшались съ Гупнами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Язигами были расселены Императоромъ Маркіаномъ въ Илирикѣ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Готоами, утратили имя свое ⁽⁴⁰⁾: ибо въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Вандами и Свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португалію. — Но скоро Угры и Болгары, по сказанію Грековъ единоплеменные съ Гупнами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкоторые Готы, пріпавшіе Вѣру Христіанскую), и съ 474 году начали опустошать Мизію, Тракію, даже предмѣстія Константинопольскія ⁽⁴¹⁾.

Угры и
Болгары.

Съ другой стороны выходить на театръ
Славяно. Исторіи *Славяне*, подъ симъ именемъ, до-
 стойнымъ людей воинственныхъ и храб-
 рыхъ, ибо его можно производить отъ
славы ⁽⁴²⁾, — и народъ, коего бытіе мы
 едва знали, съ шестаго вѣка занимаетъ
 великую часть Европы, отъ моря Балтій-
 скаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго
 моря. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ Сла-
 вянь, подвластныхъ Эрманариху и Ат-
 тилѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно,
 что они, испытавъ подъ начальствомъ
 сихъ завоевателей храбрость свою и пріят-
 ность добычи въ богатыхъ областяхъ Им-
 періи, возбудили въ соотечественникахъ
 желаніе приблизиться къ Греціи и вообще
 распространить ихъ владѣніе. Обстоятель-
 ства времени имъ благопріятствовали.
 Германія опустѣла; ея народы воинствен-
 ные удалились къ Югу и Западу искать
 счастія. На берегахъ Черноморскихъ, меж-
 ду устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, мо-
 жетъ быть, одиѣ дикія малолюдныя Орды,
 которыя сопутствовали Гуннамъ въ Евро-
 пу и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ
 Дуная и Алуты до рѣки Моравы жили
 Нѣмцы Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра
 къ морю Каспійскому Угры и Болгары:
 за ними, къ Сѣверу отъ Понта Эвкси-
 скаго и Дуная ⁽⁴³⁾, явились Анты и Сла-
 вяне; другія же племена ихъ вступили въ

Моравію , Богемію , Саксонію , а нѣкоторыя остались на берегахъ моря Бальтійскаго. Тогда начинаютъ говорить объ нихъ Историки Византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, отличные отъ характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племенъ ⁽⁴¹⁾ : доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ Грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства ⁽⁴²⁾.

Уже въ концѣ пятого вѣка лѣтописи Византійскія упоминаютъ о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ—Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ цынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Бальтійскому ⁽⁴³⁾ ; но только со времени Юстиніановыхъ , съ 527 году, утвердись въ сѣверной Дакіи , начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и братьями своими Литами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готы, ни самые Гуны не были для Имперіи, ужаснѣе Славянъ. Иллирія, Фракія, Греція, Херсонесъ — всѣ страны отъ залива Іоническаго до Константинополя были ихъ жертвою ⁽⁴⁴⁾ ; только Хильвудъ, смѣлый Вождь Юстиніановъ, могъ еще съ усѣхомъ имъ противоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои дотыя нападенія на Греческія области, и всякое

Ихъ по-
двиги.

изъ оныхъ столпо жизни или свободы безчисленному множеству людей, такъ, что южные берега Дунайскіе, облитые кровію несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и селъ, совершенно опустѣли. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемыя въ бѣгство, ни великая стѣна Анастасіева (¹⁸), сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ трепетомъ и стыдомъ видѣла знамя Константиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юстиніанъ, Совѣтъ Верховный и знатнѣйшіе Вельможи должны были съ оружіемъ стоять на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Θεодосіевой, съ ужасомъ ожидая приступа Славянъ и Болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велпсарій, посѣдѣвшій въ доблести, осмѣлился выйти къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, отвратилъ сію грозную тучу отъ Константинополя. Они спокойно жительствоваали въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе большею частію сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности (¹⁹). Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостію величалъ себя *Антическимъ* или *Славянскимъ*, хотя сіе имя памятовало болѣе

стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дѣвкихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію, или заключая иногда дружественныя съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готеской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ, Туллианъ ввѣрилъ Аптамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили Готескаго Короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій народъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда театромъ чудеснаго волненія народовъ и неустойчивости въ ихъ величіи. Авары славились могуществомъ Авары. въ степяхъ Татаринъ; но въ шестомъ вѣкѣ побѣжденные Турками, ушли изъ земли своей ⁽³⁰⁾. Сии Турки, по свидѣтельству Турки. Историковъ Китайскихъ, были остаткомъ Гуловъ, древнихъ полунощныхъ сосѣдовъ Китайской Имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Византійскихъ лѣтописяхъ Дизавуломъ ⁽³¹⁾, какъ новый Аттила покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Алтайскихъ, въ шатрѣ

украшенномъ коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ тронѣ, принималъ Византійскихъ Пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы и счастливо воевалъ съ Персами. Извѣстно, что Россіяне, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частию Сибиря, находили въ тамошнихъ моголахъ великое количество вещей драгоценныхъ ⁽⁶²⁾: вѣроятно, что онѣ принадлежали сямъ Алтайскимъ Туркамъ, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли отъ Дзавула Киргизы и Гуны—Огоры ⁽⁶³⁾. Бывъ прежде данниками Аваровъ и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ Гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнѣе Авары отличались единственно тѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный Посолъ сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы, требуя

даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, который, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Посла, знаменитаго Князя Мезамира ⁽⁵⁴⁾; ограбилъ землю, илѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лопгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ Державу Гепидовъ, овладѣлъ большею частію Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую Лопгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году простиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, господствуя на берегахъ Иртыша, Урала ⁽⁵⁵⁾ — тревожа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили-было свои завоеванія до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Анты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно такъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опу-

стошило Оракію и другія владѣнія Имперскія до самой Элады или Греціи (36). Тиверій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ и склонилъ Хана отмстить имъ впаденіемъ въ страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотѣлъ даже быть Римскимъ Патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе Императора тѣмъ охотиѣе, что давно уже пенавидѣлъ Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Исторіки слѣдующимъ образомъ. Смиривъ Антовъ, Ханъ требовалъ отъ Славянъ подданства; но Лавритасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтствовали: «Кто можетъ лишить насъ вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколѣ есть война и мечи въ свѣтѣ.» Посолъ Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплатилъ за то жизнью. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надѣялся собрать великое богатство въ землѣ Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ тревожимы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и въ густотѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабло могущество Славянъ, и хотя Константинополь еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакією. Обязанные давать ему войско,

они лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ тирана; должныствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Греціею, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу Имперіи, если бы измѣна не открыла ихъ тайнаго намѣренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслись, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ ⁽⁵⁷⁾.

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Бальтійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ Грековъ, и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками ⁽⁵⁸⁾, достоинъ любопытства и примѣчанія. «Греки (повѣствуютъ они) взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, кноары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы Славяне, отвѣтствовали чужеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западнаго Океана (моря Бальтійскаго). Ханъ Аварскій, приславъ дары къ нашимъ старѣйшинамъ, требовалъ войска, чтобы дѣйствовать противъ Грековъ. Старѣйшины взяли дары, но отпразднили насъ къ Хану съ извиненіемъ, что не могутъ за великою отдаленностію дать ему помощи. Мы сами были 15 мѣсяцевъ въ дорогѣ.

«Ханъ, не взирая на святость Посольскаго званія, не отпуская насъ въ отечество. Слыша о богатствѣ и дружелюбіи Грековъ, мы воспользовались случаемъ уйти во Фракію. Съ оружіемъ обходиться не умѣемъ и только играемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную и спокойную. — Императоръ дивился тихому нраву сихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ; угостилъ Пословъ, и доставилъ имъ способъ возвратиться въ отечество.» Такое миролюбивое свойство Бальтійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ картину счастья, котораго мы привыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ Историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами Сѣвера, гдѣ Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Накопецъ *Богемскіе* Славяне, возбужденные отчаяніемъ, дерзнули обнажить мечъ, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣствуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда смѣлымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари (⁵⁹). Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славянъ умножились новыми

пріобрѣтеніямъ: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгрію; другіе въ началѣ седьмаго столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи⁽⁶⁰⁾. Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападенія другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ Стримонѣ во Фракіи, въ окрестностяхъ Фессалоникъ и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Витѣніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи⁽⁶¹⁾.

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію отчасти въ прежнихъ, отчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, Князь Болгарскій, дашикъ Хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ становъ⁽⁶²⁾, они еще долгое время властвовали въ Дакіи и въ Панноніи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славянами въ Каринтіи, въ Богеміи;

наконецъ утратили въ лѣтописяхъ имя свое. Кувратъ, союзникъ и другъ Римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря; но сыновья его, въ противность мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣлились: старшій, именемъ Ватвай, остался на берегахъ Дона; второй сынъ, Котрагъ, перешелъ на другую сторону сей рѣки; четвертый въ Паннонію или Венгрію къ Аварамъ, пятый въ Италію ⁽⁶³⁾; а третій, Ас-
Болга-
гид. парухъ, утвердился сперва между Днѣ-
 стромъ и Дунаемъ, но въ 679 году завое-
 вавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе Сла-
 вяне, основалъ тамъ сильное Государство
 Болгарское.

Слабы
на ро-
доу
Славян-
скихъ.

Представивъ Читателю расселеніе наро-
 довъ Славянскихъ отъ моря Балтійскаго
 до Адриатическаго, отъ Эльбы до Морен и
 Азіи, скажемъ, что они, сплывъ числомъ
 и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь,
 овладѣть Европою; но, слабые отъ развле-
 ченія силъ и несогласія, почти вездѣ утра-
 тили независимость, и только одинъ изъ
 нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляетъ
 вышъ міръ величіемъ ⁽⁶⁴⁾. Другіе, сохра-
 нивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней
 Иллиріи, въ Мизіи, повинуются Властите-
 лямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли
 и самый языкъ отечественный.

Теперь обратимся къ Исторіи Государ-

ства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Лѣтописца.

ГЛАВА II.

О Славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ Государство Россійское.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Полане. Радимичи и Витичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобія Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь.

Несторъ пишетъ, что Славяне издревле обитали въ странахъ Дунайскихъ, и вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Панноніи Волохами (донынѣ живущими въ Венгріи) перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли ⁽⁶⁵⁾. Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожь Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей — проповѣдуя въ Скиѣи имя Спасителя, поставивъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, еще нена-

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ.

селенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столпцы — доходилъ до Ильменя и нашелъ тамъ Славянъ ⁽⁶⁶⁾: слѣдственно онъ, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи ⁽⁶⁷⁾. Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти дѣйствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Гетовъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сію землю Готамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частию Венгріи, гдѣ Славяне должныствовали имъ покориться.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ называемые на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть Андробаги, Меланхлены, Северы Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ ⁽⁶⁸⁾. Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ времени сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что пра-

отцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ ⁽⁶⁹⁾. Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: «откуда и когда Славяне пришли въ Россію?» опишемъ, какъ они жили въ ней задолго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Многіе Славяне, единоплемennые съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ чистыхъ *полей* Поляне. своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго. Отъ сего же племени Славянъ были два брата, Радимъ и Вятко, Главами Радимичей Радимичи и Вятичи. и Вятичей: первый избралъ себѣ жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а второй на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обитали въ Вольшской Губерніи; Дулѣбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающей въ Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днѣстру до самаго моря и Дуналъ, уже имѣя *города* въ землѣ своей; Бѣлые Хорваты въ окрестностяхъ горъ Карнатскихъ; Сѣверяне, сосѣды Полянъ, Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты. Сѣверяне.

на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской Губерніи; въ Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, Кривичи; а на Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полота, единоплеменные съ ними Полочане; на берегахъ же озера Ильменя собственно такъ называемые Славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ ⁽⁷⁰⁾.

Къ тому же времени Лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, рассказывая слѣдующія обстоятельства: «Братья Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трехъ горахъ, изъ коихъ двѣ слывутъ, по имени двухъ меньшихъ братьевъ, Щековицею и Хоривицею; а старшій жилъ тамъ, гдѣ нынѣ (въ «Несторово время) *Зборичевъ ввозъ*. Они были мужи знающіе и разумные; ловили звѣрей въ тогдашнихъ густыхъ лѣсахъ «Днѣпровскихъ, построили городъ и называли оный именемъ старшаго брата, т. е. «*Кіевомъ*. Нѣкоторые считаютъ Кіа перевозчикомъ, ибо въ старину былъ на семъ мѣстѣ перевозъ и назывался Кіевымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ: ходилъ, какъ сказываютъ, въ Константинополь, и пріятъ великую честь отъ Царя Греческаго; на возвратномъ пути, увидѣвъ бе-

Дреговичи.

Кривичи.

Полочане.

Славяне
Новгородскіе.

Кіевъ.

«рега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ городокъ и хотѣлъ обитать въ немъ; но жители Дунайскіе не дали ему тамъ утвердиться, и донынѣ именуется мѣсто *городнищемъ Кіевцомъ*. Онъ скопчался въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою.» Несторъ въ повѣствованіи своемъ основывается единственно на изустныхъ сказаніяхъ: отдаленный многими вѣками отъ случаевъ, здѣсь описанныхъ; могъ ли онъ ручаться за истинну преданія, всегда обманчиваго, всегда *несърнаго въ подробностяхъ*? Можетъ быть, что Кій и братья его никогда въ самомъ дѣлѣ не существовали, и что вымыселъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и лековѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя Исторіи и Біографіи (⁷¹). Но два обстоятельства въ семъ Несторовомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дульбы, Поляне Днѣпровскіе, Лути-

чи и Тивирцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, столь ужасныхъ для Имперіи, и занимать тамъ разныя благодѣтельныя изобрѣтенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе Славянскіе, также весьма древніе города въ Россіи: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ девятомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ десятаго; но они могли существовать и гораздо прежде. Черниговъ и Любечъ принадлежали къ области Сѣверянъ (72).

Кромѣ народовъ Славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплемениные: *Мери* вокругъ Ростова и на озерѣ Клешии или Переславскомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, на Юговостокъ отъ Мери; *Ливь* въ Ливоніи; *Чудь* въ Эстоніи и на Востокъ къ Ладожскому озеру; *Нарва* тамъ, гдѣ Нарва; *Ямь* или *Емь* въ Финляндіи; *Весь* на Бѣлѣ-озерѣ; *Пермь* въ Губерніи сего имени; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосвѣ; *Нечора* на рѣкѣ Нечорѣ (73). Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ Россіянами; но другіе существуютъ

Изборскъ,
Полоцкъ,
Смоленскъ,
Любечъ,
Черниговъ.

Финскіе
или Чуд-
скіе на-
роды въ
Россіи.

и говорятъ языками столь между собою сходственными, что можемъ несомнительно признать ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вотяковъ, народами единоплеменными и называть вообще *Финскими* ⁽⁷⁴⁾. Уже Тацитъ, въ первомъ столѣтіи, говоритъ о сосѣдственныхъ съ Венетами Финнахъ, которые жили издревле въ полуночной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе Шведскіе Историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были некогда населены ими — даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Балтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины Европейскаго Сѣвера на Востокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялся многочисленныя племена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никакого старобытія ихъ въ сѣверныхъ и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ, древній и многочисленный, занимавшій и занимающій такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Историка, ибо никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готамъ, а въ Россіи, можетъ быть, Славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ для себя безопасности: «не имѣя (по словамъ Тацита) ни домовъ, ни копей, ни оружія; питаясь травами, одѣваясь кожами звѣринными, укрываясь отъ непогодъ подъ снѣженными вѣтвями» ⁽⁷⁵⁾. Въ Тацитовомъ описаніи древнихъ Финновъ мы узнаемъ отчасти и нынѣшнихъ, особенно же Лапландцевъ, которые

отъ предковъ своихъ наследовали и бѣдность и грубые нравы, и мирую безпечность невѣжества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнѣва «боговъ» (пишетъ сеѣй краснорѣчивый Историкъ) «они пріобрѣли самое рѣдкое въ мірѣ благо: «счастливую отъ судьбы независимость!»

Но Финны Россійскіе, по сказанію нашего Лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ Римскій Историкъ: вмѣли не только постоянныя жилища, но и города. Весь Бѣлоозеро ⁽⁷⁶⁾, Меря Ростовъ, Муромъ Муромъ. Лѣтописецъ, упоминая о сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они построены. — Древняя Исторія Скандинавовъ (Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ) часто говоритъ о двухъ особенныхъ странахъ Финскихъ, вольныхъ и независимыхъ: Киріаландіи и Біарміи. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губерніи; граничила на Востокъ съ Біарміею, а на Сѣверозападъ съ Квенландіею или Каяніею ⁽⁷⁷⁾. Жители ея беспокоили набѣгами земли сосѣдственныя, и славилась минимъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію. *Біарміею* называли Скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за кою они воображали Іотунгеймъ, отчизну ужасовъ Природы и злаго чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Во-

логодская, Вятская и Пермская Губерніи. *Исландскія повѣсти* наполнены сказаніями о сѣй великой Финской области (78); но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи Норвежскаго мореходца Отера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплывалъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жителей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываетъ единственно то, что народъ Біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ Финнами (79).

Между сими иноплеменными народами, жителями или сосѣдами древней Россіи, Несторъ именуетъ еще Летголу (Ливонскихъ Латышей), Зимголу (въ Семигаліи), Корсь (въ Курляндіи) и Литву, которые не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Пруссамы составляютъ народъ Латышскій (80). Въ языкъ его находится множество Славянскихъ, довольно Готскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ Историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностію можно опредѣлять даже и начало бытія ихъ. Когда Готы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточ-

Латыш-
скіе на-
роды.

ные берега моря Балтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жителей, т. е. съ Готами; начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвались Латышами или обитателями земель расчищенныхъ: ибо *лата* знаменуетъ на языкѣ Литовскомъ *расчищеніе*. Ихъ, кажется, называетъ Юрпандъ Видиваріями, которые въ половинѣ шестаго вѣка жили около Данцига, и состояли изъ разныхъ народовъ ⁽⁸¹⁾: съ чѣмъ согласно и древнее преданіе Латышей, увѣрляющихъ, что ихъ первый Государь, именемъ Видвуть, царствовалъ на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ народъ свой, который поселилъ Литву, Пруссію, Курляндію, и Лифляндію, гдѣ онъ и донынѣ находится, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ сѣверный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ ⁽⁸²⁾.

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по колѣнамъ; не думали соединять народ-

ныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изнуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ Несторъ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окрестныхъ Славянъ на тихихъ Полянъ Кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго, и могли быть предметомъ зависти ⁽⁸³⁾. Люди грубые, полудикіе, не знаютъ духа народнаго, и хотятъ лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ трудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало Славянъ Россійскихъ въ жертву виѣшнимъ непріятелямъ. Обры или Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя въ Дакии, повелѣвали и Дульбами, обитавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣломудріе женъ Славянскихъ и впрягали ихъ, вмѣсто воловъ и коней, въ свои колесницы; но сіи варвары, великіе тѣломъ и гордые умомъ (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ землѣ Русской ⁽⁸⁴⁾. — Скоро явились другіе завоеватели: на Югѣ Козары, Варяги на Сѣверѣ.

Междоусобіе Славянъ Россійскихъ.

Господство и гибель Обровъ.

Козары или Хазары, единоплеменные съ Турками, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемаго Хазарскимъ въ Географіяхъ Восточныхъ ⁽⁸⁵⁾. Еще съ третьяго столѣтія они

Козары.

извѣстны по Арменскимъ лѣтописямъ : Европа же узнала ихъ въ четвертомъ вѣкѣ вмѣстѣ съ Гупнами, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на степяхъ Астраханскихъ. Аттила властвовалъ надъ ними : Болгары также, въ исходѣ V вѣка; но Козары, все еще сильные, опустошали между тѣмъ южную Азію, и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ быть заградить отъ нихъ свои области огромною стѣною, славною въ лѣтописяхъ подъ именемъ Кавказской, и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ ⁽⁸⁶⁾. Въ VII вѣкѣ они являются въ Исторіи Византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (который изъ благодарности надѣлъ Діадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана ⁽⁸⁷⁾, именуя его сыномъ своимъ); два раза входятъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой потомъ нѣсколько вѣковъ *Козарією* ⁽⁸⁸⁾. Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оставляя въ

покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Іверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравитянами, тогда уже могущественными, и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители Кіевскіе, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи признали надъ собою власть Каганову. «Кіевляне — пишетъ Несторъ — дали своимъ завоевателямъ по мечу съ дыма, и мудрые старцы Козарскіе въ горестномъ предчувствіи сказали: мы будемъ данниками сихъ людей: ибо мечи ихъ остры съ обѣихъ сторонъ, а наши сабли имѣютъ одно лезвие.» Басня изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія Россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! Но крайней мѣрѣ завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили Славянъ новою данію, и брали, какъ говоритъ самъ Лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома ⁽⁸⁹⁾: налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія Греческія, знали цѣну золота и серебра; но сіи металлы еще не были въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азій, и получали его въ даръ отъ Императо-

ровъ ; въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями Натуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣршиной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажется, не угнетало Славянъ : по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣныя народомъ его отъ жестокости Обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Балаугіарѣ или Ателѣ (богатой и многолюдной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ. Гунны и другіе Азіатскіе варвары любили только разрушать города : но Козары требовали искусныхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Теофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркелъ для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ ; вѣроятно, что *Каганово городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памятники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858 Христіанскую ⁽⁹⁰⁾. . . . Ужасая Монарховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствуя Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, поработенные ими безъ всякаго

кровопролитія, испровергнуть ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ долженствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣтимъ сіе *первое хроно-* Варага
логическое показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варягами, пришли изъ-за Бальтійскаго моря и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя были чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ трехъ братьевъ Варяжскихъ, отъ *племени Русскаго*, кото- Русь.
рые сдѣлались первыми Властителями въ нашемъ древнемъ отечествѣ, и по которымъ оно стало именоваться *Русью* ⁽⁹¹⁾. — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ Исторіи и величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Несторъ Варягами? Мы знаемъ, что Бальтійское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ* ⁽⁹²⁾: кто же въ сіе время — то есть, въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скаж-

динавы, или жители трехъ Королевствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ Готами. Они, подъ общимъ именемъ Нормановъ или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу⁽⁹³⁾. Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ Свеоновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Датчане приплывали къ берегамъ Галліи⁽⁹⁴⁾: въ концѣ осьмага слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего Монарха, который съ досадою видѣлъ, что Норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ города, которые донынѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Нормандією; наконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Кана или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Колумба открыли полунощную Америку и торговали съ ея жителями⁽⁹⁵⁾. Предпринимая такія отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эстонію, Финляндію и Россію? Нельзя, конечно, вѣрить Датскому Историкъ Саксону Грамматикъ, именующему Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ отечествѣ прежде Рождества Христова и вступали въ родственные союзы съ Королями Скандинав-

скими ⁽⁹⁶⁾: ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнялъ оныя вымыслами своего воображенія; не лѣзя также вѣрить и баснословнымъ *Исландскимъ повѣстямъ*, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острагардомъ, Гардарикією, Гольмгардомъ и Грецією: но Рунические камни, находимые въ Швеціи, Норвегii, Давii и гораздо древнѣйшіе Христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Grikia или Россія), что Норманы давно имѣли съ нею сообщеніе ⁽⁹⁷⁾. А какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было на Сѣверѣ другаго народа, кромѣ Скандинавовъ, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Балтійскаго моря до Ростова (жилица Мери): то мы уже съ великою вѣроятностію заключить можемъ, что лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, когда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства:

I. Имена трехъ Князей Варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманскія: такъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ около 850

года — что достойно замѣчанія — упоминается о трехъ *Рорикахъ*: одинъ названъ Вождемъ Датчанъ, другой Королемъ (Rex) Норманскимъ, третій просто Норманомъ ⁽⁹⁸⁾; они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикъ, въ Стурлезонѣ и въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, между именами Князей и Витязей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика, Рерика, Трувара, Трувара, Снйо, Синія*. — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами*: что утверждено свидѣтельствомъ Лютпранда, Кремонскаго Епископа, бывшаго въ десятомъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Константинополѣ. «Руссовъ, говоритъ онъ, именуемъ и Норманами ⁽⁹⁹⁾» — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ—надесяти вѣкѣ особенныхъ тѣлохранителей, которые назывались *Варягами, Вѣрхури*, а по своему *Wāgindar*, и состояли болѣею частию изъ Нормановъ ⁽¹⁰⁰⁾. Слово *Vaere, Vaga*, есть древнее Готское и значитъ союзъ: толпы Скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастья, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ союзниковъ или товарищей ⁽¹⁰¹⁾. Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятомъ вѣкѣ, описывая сосѣдственныя съ Имперіею земли, говоритъ о порогахъ Дибровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на Славянскомъ и Русскомъ языкѣ. Русскія имена кажутся Скандинавскими: по

крайней мѣрѣ не могутъ быть изъяснены иначе ⁽¹⁰²⁾. — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны съ Норманскими. Слова *Тіунъ*, *Вира* и прочія, которыя находятся въ *Русской Правдѣ*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Несторъ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Балтійскомъ къ Западу ⁽¹⁰³⁾, и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свіе, Англыне, Готы. Первое имя въ особенности означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Готами Несторъ разумѣетъ жителей Шведской Готіи. Англыне же причислены имъ къ Варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ Норманами составляли Варяжскую дружину въ Константинополѣ ⁽¹⁰⁴⁾. И такъ сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы ⁽¹⁰⁵⁾.

Но сіе общее имя Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности назывался *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для Имперіи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненія: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ Славянами ⁽¹⁰⁶⁾; однакожь Историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы Варяги—Русь общ-

тали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Roslagen (¹⁰⁷). Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особенныхъ названіемъ такъ же, какъ и Готландцы, коихъ Несторъ всегда отличаетъ отъ Шведовъ (¹⁰⁸). Фиппы, имѣя нѣкогда съ *Рос-лагеномъ* болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ *всѣхъ* ея жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами* (¹⁰⁹). — Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе : (¹¹⁰) «Греческій Императоръ Теофилъ прислалъ Пословъ къ Императору Франковъ, Людовику *Благоправному*, и съ ними людей, которые называли себя *Россами* (Rhos), а Короля своего Хаканомъ (или Га-каномъ), и пріѣзжали въ Константинополь для заключенія дружественнаго союза съ Имперіею. «Теофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, «чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвратиться въ ихъ отечество : ибо они ѣхали въ «Константинополь чрезъ земли многихъ дикихъ, «варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ : для чего «Теофилъ не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ такому опасностямъ. Людовикъ, спрашивая «сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ «народу *Шведскому*.» — Гакапъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной

тогда на маленькія области, и свѣдавъ о славѣ Императора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и другое мнѣніе съ его доказательствами. Въ *Степенной Книгѣ* XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ *Пруссіи*, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Русною*, сѣверный рукавъ *Нѣмена* или *Мемеля Руссою*, окрестности же ихъ *Порусьемъ*. Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ Лѣтописцевъ *Пруссіи*, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ Славянской и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ Новгородскихъ. Симвъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новѣгородѣ одна изъ многочислѣнныхъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество *Роксоланъ* ⁽¹¹¹⁾: думаютъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностію: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году,

слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новгородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи *Россами* (¹¹²).

Предложивъ отвѣтъ на вопросы: *кто были Варяги вообще и Варяги-Русь въ особенности* (¹¹³)? скажемъ мнѣніе свое о Несторовой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною страной отъ Бальтійскаго моря до Ростова, гдѣ обиталъ народъ Меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ, чтобы обложить всѣхъ жителей данію; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, немедленно захотѣли снова отдаться во власть чужеземцевъ; но Лѣтописецъ объявляетъ, что Варяги пришли отъ Бальтійскаго моря въ 859 году, и что въ 862 Варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полунощной (¹¹⁴)!... Междоусобіе и внутренніе безпорядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не знаяшаго въ теченіе многихъ столѣтій, уже ли въ нѣсколько мѣсяцевъ они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользу Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣниться обычаямъ и правамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычаи и права не могли перемѣниться въ два года Варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древ-

ними законами отцевъ своихъ (¹¹³). Что вооружило ихъ противъ Норманскихъ завоевателей? любовь къ независимости — и вдругъ сей народъ требуетъ уже Властителей? . . . Историкъ долженъ по крайней мѣрѣ изъяснить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, что Норманы ранѣе 859 года брали дань съ Чуди и Славянъ (¹¹⁶). Какъ Несторъ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ (¹¹⁷): слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятниковъ для нашей древней Исторіи, и считаетъ годы со временъ Императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, что Греческіе Лѣтописцы относятъ первое нашешествіе Россіянъ на Константинополь къ Михайлову царствованію (¹¹⁸). Изъ сего едва ли не должно заключить, что Несторъ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями Византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи временъ Рюриковыхъ и слѣдующихъ заставляетъ думать, что онъ говоритъ о томъ единственно по изустнымъ преданіямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ достовѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо сія краткость доказываетъ, что онъ не хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣтосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При Дворѣ Вели-

кихъ Князей, въ ихъ дружинѣ отборной и въ самомъ народѣ долженствовала храниться память Варяжскаго завоеванія и первыхъ Государей Россіи; но вѣроятно ли, чтобы старцы и Боляре Княжескіе, коихъ рассказы служили, можетъ быть, основаніемъ нашей древнѣйшей лѣтописи, умѣли съ точностію опредѣлить годъ каждаго случая? Положимъ, что языческіе Славяне, замѣчая лѣта какими нибудь знаками, имѣли вѣрную Хронологію (¹¹⁹): одно ся соображеніе съ Хронологіею Византійскою, принятою при вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли ввести нашего перваго Лѣтописца въ ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ замѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно опровергнуть (¹²⁰), ни исправить его, и для того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ, начинаемъ Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятіе о древнемъ характерѣ народа Славянскаго вообще, чтобы Исторія Славянъ Россійскихъ была для насъ и яснѣе и любопытнѣе. Воспользуемся пзвѣстіями современныхъ Византійскихъ и другихъ, не менѣе достовѣрныхъ Лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о нравахъ предковъ нашихъ въ особенностяхи.

ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И ПРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Правы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скотоводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота.

Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій Писатель XVIII вѣка, Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единого корня или племени. Другіе, конечно справедливыѣе и сообразиѣе съ нашими Священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго раждаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей паружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не

Сложе-
ше.

жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ Медвѣи, благоприятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствию силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго Пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится — слабѣетъ въ пѣгѣ и въ праздности. Но житель полуночныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любитъ дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе Славяне по описанію современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя Климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостью входили на крутизны, спускались въ расщелины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая, безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало неслися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту (¹²¹), хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ

жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ Европейцамъ. — Сіе изображеніе Славянъ и Аитовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ (122).

Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готскимъ Царемъ Эрманирихомъ, показываетъ, что они еще не славялись тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ Славянъ Балтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Оракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ (123); но Славяне Дунайскіе, оставивъ свое древнее отечество на Сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтвымъ. Нѣсколько времени Славяне убѣгали сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей (124); по узнавъ, какъ ряды Легіоновъ Римскихъ могутъ быть разрываемы нападениемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы, и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ Полководцѣ Славянъ; они имѣли Вождей только частныхъ; сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми,

Храбрость.

по толпам разсѣянными, и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная отважность Славянъ была столь извѣстна, что Ханъ Аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди неустрашимые, видя иногда пзмѣну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ отчаяніемъ. — Византійскіе Историки пишутъ, что Славяне сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велпсарій, при осадѣ Авкенма, избралъ въ войскѣ своемъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готѣа живаго. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнее оружіе Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ ⁽¹²⁵⁾.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолобіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ

благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время должныствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: отвѣтъ Лаврентаса Послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость ⁽¹²⁶⁾; но что могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Готы, Гупны и другіе народы; ей жертвовали Славяне своею ^{Хищность.} жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Послѣдніе Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли дома и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и Священники съ драгоценною утварію церковною ⁽¹²⁷⁾. Иногда, гонимые сильнѣйшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пути одиѣ кучи непла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ ⁽¹²⁸⁾. — Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужденіи Грековъ ⁽¹²⁹⁾; ^{Жестокость.} но сія жестокость, свойственная впрочемъ

народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствиємъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеньями, безжалостно терзали Славянъ, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостью, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ ⁽¹³⁰⁾. — Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоценностей, имъ нецужбыхъ: ибо они — вмѣсто того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали ихъ въ землю ⁽¹³¹⁾.

Добро-
душіе.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ся, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный Историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости ⁽¹³²⁾; хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ; обходились съ илѣнными дружелюбно и пазначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Гостепріим-
ство.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство Славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донѣшѣ весьма обыкно-

венное во всѣхъ Славянскихъ: такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наследуетъ права своихъ предковъ. Всякой путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сбѣжать гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣды за сіе оскорбленіе какъ за собственное ⁽¹³³⁾. Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали Славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ ⁽¹³⁴⁾; но бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое преступленіе. Нельзя видѣть безъ удивленія сію кроткую добродѣтель — можно сказать — *обожасемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайскіе Славяне. Но если и добродѣтели и пороки *народные* всегда происходятъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ, то не можно ли заключить, что Славяне были нѣкогда облагодтворены иностранцами; что признательность вселила въ нихъ любовь къ гостепріимству, а время обратило его въ обыкновеніе и законъ священный?.... Здѣсь представляются

мыслямъ нашимъ славныя Финикіянска, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли торговать съ Бальтійскими Венетами, и быть ихъ наставниками въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ ума гражданскаго (135).

Брачное
цѣломуд-
ріе.

Древніе Писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ (136). Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновение, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею! Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безотвѣтными; не позволяли имъ ни противорѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажется, отъ того, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай

Жены.

дошынѣ соблюдаемый въ Илиріи⁽¹³⁷⁾. Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе жескіе трупы⁽¹³⁸⁾. Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдятся забывать обиду. Страхъ неутомимой мести отвращалъ иногда злодѣянiя: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь⁽¹³⁹⁾.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ дѣтн. языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но облыживалась хранишь жизнь сына, рожденнаго служить отечеству⁽¹⁴⁰⁾. Сему обыкновению не уступало въ жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостию и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ согражданамъ⁽¹⁴¹⁾. Такъ народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и Вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужа-

сать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, но считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ, и всегда пекались объ ихъ благосостояніи (142).

Правы
Славянъ
Россій-
скихъ.

Къ описанію общаго характера Славянъ прибавимъ, что Несторъ особенно говоритъ о правахъ Славянъ Россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ, кротки и тихи обычаемъ; стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностию между ними; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. — Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣсты, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи (143).

Сіи три народа, подобно Древлянамъ,

обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли ⁽¹⁴⁴⁾. То же самое говоритъ Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ, что иностранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожа- Жол-
ща. таго. Безпрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разныя выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоценныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбіемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей ⁽¹⁴⁵⁾: тучныя луга для скотоводства и земли плодосныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ — можетъ быть, еще Ското-
водство
и земле-
дѣліе. за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова — изъ дикаго, кочеваго состоянія: ибо сіе благотѣльное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ

самую любовь къ отечеству. — Думаютъ, что Славяне узнали скотоводство только въ Дакіи: ибо слово *пастырь* есть Латинское, слѣдственно заимствованное ими отъ жителей сей земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ употребленіи ⁽¹⁴⁶⁾; но сія мысль кажется неосновательною. Будучи въ сѣверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ Германскихъ, Скиѣскихъ и Сарматскихъ, богатыхъ скотоводствомъ, Венеды или Славяне долженствовали издревле вѣдать сіе важное изобрѣтеніе человѣческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. — Пользуясь уже тѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для челоѣка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ Славяне нитались просомъ, гречихою и молокомъ; а послѣ выучились готовить разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего для веселаго угощенія друзей, и доказывая въ такомъ случаѣ свое радушіе изобильною трапезою: обыкновеніе, еще и нынѣ наблюдаемое потомствомъ Славянскимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ питьемъ: вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчелъ; а наконецъ и сами разводили ихъ ⁽¹⁴⁷⁾. — Венеды, по извѣстію Тацитову, не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. закрывали наготу

Пища.

Одежда.

свою. Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисеромъ и металлами, добытыми на войнѣ или вымѣненными у купцевъ иностранныхъ (148).

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностію въ земляхъ Славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скотъ, Торгов-
ля. полотно, кожи, хлѣбъ и разную воинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Славяне сами ѣздили для купли и продажи въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранію своихъ чиновниковъ (149). Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые города Славянскіе: Винета или Юлинъ (150) при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Демминъ, Волгастъ въ Помераніи, и другіе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: «Тамъ, гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ море Балтійское, славилась нѣкогда Винета, лучшая пристань для народовъ соседственныхъ. О семъ городѣ разсказываютъ много удивительнаго; увѣряютъ, что онъ превосходилъ величіемъ все иныя города Европейскіе.... Саксонцы могли обитать въ немъ, но долженствовали таить Хри-

«стіанскую Вѣру свою: ибо граждане Вин-
«неты усердно слѣдовали обрядамъ языче-
«ства; впрочемъ не уступали никакому на-
«роду въ честности, добродѣи и ласко-
«вомъ гостепріимствѣ. Обогащенная това-
«рами разныхъ земель, Виннета пзобило-
«вала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Но-
«вѣствуютъ, что Король Датскій, при-
«шедшій съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ
«ее до основанія; но и нынѣ — т. е. въ XII
«вѣкѣ — существуютъ остатки сего древ-
«няго города.» Впрочемъ торговля Сла-
«вянъ, до введенія Христіанства въ ихъ
земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ ве-
щей: они не употребляли денегъ и брали
золото отъ чужестранцевъ единственно
какъ товаръ ⁽¹⁵¹⁾.

Искус-
ства.

Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собствен-
ными глазами изящныя творенія Грече-
скихъ художествъ, наконецъ строя города
и занимаясь торговлею, Славяне имѣли нѣ-
которое понятіе объ искусствахъ, соеди-
ненныхъ съ первыми успѣхами разума
гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ
образы человека, птицъ, звѣрей, и краспи-
ли ихъ разными цвѣтами, которые не измѣ-
нялись отъ солнечнаго жара и не смыва-
лись дождемъ. Въ древнихъ могиллахъ Венд-
скихъ нашлись многія глиняныя урны,
весьма хорошо слѣпанные, съ изображе-
ніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, и по-

крытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанныя, съ серебряною оправою и насѣчкою ⁽¹⁵²⁾. Чехи за долго до времени Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ ⁽¹⁵³⁾, и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толдензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные истуканы боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые впрочемъ не имѣли понятія о красотѣ металлическихъ изображеній, отливая голову, станъ и ноги въ разныя формы, и весьма грубо ⁽¹⁵⁴⁾. Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваяніемъ, но еще долго не умѣли отливать статуй въ одну форму. — Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ остались большія, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены изображенія рукъ, пята, копытъ и проч.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ земледѣльствѣ, требующемъ времени, досуга, терпѣнія, и не хотѣли строить себѣ домовъ Золото-
ство. и прочихъ: не только въ шестомъ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ шалахахъ, которые едва укрывали ихъ отъ непогоды и дождя. Самые города Славянскіе были не что иное, какъ собраніе хижинъ, окружен-

ныхъ заборомъ или землянымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы и доловъ, не такія великолѣпныя зданія, какими гордились Египетъ, Греція и Римъ, но большіе деревянные кровы (¹⁵⁵). Венеды называли ихъ *Гонтинами*, отъ слова *гонть*, донынѣ означающаго на Русскомъ языкѣ особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ блестящія паружныя украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровь, вторая удовольствіе —

Музыка. и самые дикіе народы щутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды въ шестомъ вѣкѣ сказывали Греческому Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь въ собою не оружіе, а кнѣары или гусли, ими выдуманныя (¹⁵⁶). Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы Славянскіе донынѣ любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасность. Такъ Прокопій, опи-

сывая въ 592 году ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ войско, говоритъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осторожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмаціи, кажутся древними⁽¹⁵⁷⁾: также и старинныя припѣвы Русскихъ, въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастьи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянской. Такъ вездѣ раждалось Стихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшнихъ Кроатовъ болѣе всего славятъ мужество и память великихъ предковъ; но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждаютъ только къ веселю и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иныя же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ Русскимъ; правятся однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музы-

кою, заставляетъ людей изъяснять оное
 Пляска. разнымъ тѣлодвиженіямъ: раждается *пляска*, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней Русской, Богемской, Далматской можемъ судить о древней *пляскѣ* Славянъ, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякіе пріятные случаи ⁽¹⁵⁰⁾: она состоитъ въ томъ, чтобы, въ сильномъ напряженіи мышцъ, взмахивать руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдать, топать ногами, и соотвѣтствуетъ характеру людей крѣпкихъ, дѣятельныхъ, неустойчивыхъ. — Народныя игры и потѣхи, донынѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье възапуски, остались также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы.

Въ допoлненіе къ симъ извѣстіямъ замѣтимъ, что Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариѳметикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счисленію; имя *тма*, знаменующее 10,000, есть древнее Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали названіе согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы:
 Счисленіе Имя мѣсяца. Генварю *Просинецъ* (въроятно, отъ *синеты* неба), Февралю *Сѣчень*, Марту *Сухій*,

Апрѣлю *Березозолъ* (думаю, отъ золы березовой), Маію *Травный*, Іюню *Пзокъ* (такъ называлась у Славянъ какая-то пѣвчая птица), Іюлю *Червенъ* (не отъ красныхъ ли плодовъ или ягодъ?), Августу *Заревъ* (отъ зари или зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (или *Ревунъ*, какъ толкуютъ: отъ *рева* звѣрей), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрью *Груденъ* (отъ *грудъ* снѣга или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный* ⁽¹⁵⁹⁾. Столѣтіе называлось *вѣкомъ*, то есть, жизнію человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію. —

Сей народъ, подобно вѣмъ инымъ, въ Правле-
ніе. началъ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни влестелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человека ⁽¹⁶⁰⁾. Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ пѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую стремились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе

обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ (¹⁶¹); вмѣстѣ также, принимая военскіе походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общіе дѣло и возвратясь домой, всякой опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе времени сія дикая простота правовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ими связь гражданскую. Они почувствовали болѣе пужды другъ въ другъ, сблизились жилищами и завели селенія (¹⁶²); другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпныя и веси цвѣтущія, разлюбили мрачныя лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависѣть отъ Императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своевольство неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго, и

жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощеніе, такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смирить ихъ ⁽¹⁶³⁾.

Многочисленные области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Балтійскихъ ⁽¹⁶⁴⁾. Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошать боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, не рѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общою или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями отечества и Вѣры; тамъ, въ определенное время, собиравлись чиновники и старѣйшины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толмензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями ⁽¹⁶⁵⁾.

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общою довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми

властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отчужденнаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ⁽¹⁶⁶⁾; а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея награда, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностію повиноваться. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у Славянъ именами *Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана, Короля* или *Краля*, и другими. Первое безъ сомнѣнія происходитъ отъ *боя*, и въ началѣ своемъ могло знаменовать война отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство. Византійскія лѣтописи въ 764 году упоминаютъ о Боярахъ, Вельможахъ или главныхъ чиновникахъ Славянъ Болгарскихъ, — Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемскихъ и Саксонскихъ Вендовъ, въ Крайнѣ Государя, въ Польшѣ не только воинскаго предводителя, но и судію⁽¹⁶⁷⁾. — Слово *Князь* родъ-

лось едва ли не отъ коня, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени *Каганъ* и Нѣмецкаго *König*. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностію: у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ, *nobilis capitanus et Princeps* (¹⁶⁸). Въ Кроаціи и Сервіи именовались такъ братья Королей; въ Далмаціи главный судья имѣлъ титуло *Великаго Князя*. — *Панъ* Славянскій, по извѣстію Константина Багрянороднаго, управлялъ въ Кроаціи тремя большими округами, и председательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя *Пановъ*, долго могущественныхъ въ Венгріи, до самаго XIII вѣка означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на Польскомъ языкѣ и нынѣ значить *Господина* (¹⁶⁹). — Округи въ Славянскихъ земляхъ назывались *Жупанствами*, а Правители ихъ *Жупанами* или *Старѣйшинами*, по толкованію Константина Багрянороднаго (¹⁷⁰); древнее слово *Жупа* означало селеніе. Главною должностію сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ Верхней Саксоніи и въ Австріи Славянскіе поселяне донынѣ называютъ такъ судей своихъ; по въ среднихъ вѣкахъ достоинство *Жупановъ* уважалось болѣе Княжескаго. Въ разборѣ тяжбныхъ дѣлъ помогали имъ *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Славянскихъ деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земледѣльцы тайно избираютъ

между собою Короля и платятъ ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанамъ (¹⁷¹). — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, Владѣтели стали именоваться *Кралами* или *Королями*, то есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *наказателями преступниковъ*, отъ слова *кара* или *наказаніе* (¹⁷²).

И такъ первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дѣдковъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ. Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общою довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе Болре, Воеводы, Князья, Папы, Жупаны и самые Короли Славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вѣны, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если

они не умѣютъ отвратить бѣдствій отъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ, даже и Христіанскихъ Славянъ ⁽¹⁷³⁾. Они вообще не любили наследственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы или Князя. — Избраніе Герцога, то есть Воеводы, въ Славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ *два рода* знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали перваго Властелина для защиты ихъ отъ наскія и злодѣйства ⁽¹⁷⁴⁾.

Однакожь многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать право наследственности дѣтямъ. Въ Западной Сервіи былъ примѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе, достигнувъ самовластія, подобно другимъ ослабляли свое могущество Удѣлами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали,

что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые *только* имъ поддалися (175).

Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что богъ суда, *Прове*, живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубовъ (176). Сіи мѣста и дома Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, Воєвода, Король былъ главою ратныхъ силъ: по жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи коего Славяне бросали камень въ море (177), клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, простирая десницу къ бывшимъ непріятелямъ, вручали имъ клочъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ Властителямъ дань, однакожь произвольную (178).

Такъ Славяне въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ (179), и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые

дикіе народы избирають посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя Лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною пользою и древними обыкновеніями вольности. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ 911 году, упоминается уже о *Великихъ Боярахъ Русскихъ*: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россію, ибо оно есть древнее Славянское (¹⁸⁰). Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій. —

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, рождаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслию о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою, — хранить до-

брыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердца-ми и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ поклонялися *Творцу мол-нии*, Богу вселенныя ⁽¹⁸¹⁾. Величественное зрѣ-лище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, должноствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго, и вселить въ его сердце благоговѣнiе или ужасъ священнѣйшій, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ язы-ческихъ. — Анти и Славяне, какъ замѣчаетъ Проконій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Мiроправителя ⁽¹⁸²⁾: на полѣ ратномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни, старались Его умиловити обѣтами; прино-сили Ему въ жертву воловъ и другихъ живот-ныхъ, падыясь спасти тѣмъ жизнь свою; обо-жали еще рѣки, Имѣя, Демоновъ, и гадали будущее. — Въ новѣйшія времена Славяне по-клонялись разнымъ идоламъ, думая, что много-численность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ по-кровителей. Истуканы считались не образами, но

тѣломъ боговъ, или одушевляемымъ (¹⁸³), и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ дерева или слѣпкомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожь Славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣрїи, имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, Коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который считается только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны отпосылаться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствіемъ отворяетъ хижину для странниковъ и съ радостью питаетъ гладныхъ (¹⁸⁴).

Не умѣя согласить несчастій, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостію сихъ Мїроправителей, Славяне Бальтійскіе приписывали зло существо особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его *Чернобогомъ*, старались умилостивить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того нѣкоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола также сему звѣрю; но

вѣроятно, что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подавала имъ мысль къ такому изображенію существа злобпаго (¹⁸⁵). Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами*, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавидимые народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сія волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ старались музыкою дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянскихъ *Гуслярами* (¹⁸⁶).

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Святovidъ, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, и которому не только всѣ другіе Венды, но и Короли Датскіе, исповѣдуя уже Христіанскую Вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величipoю превосходилъ ростъ человека, украшался одеждою короткою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ четыре головы, двѣ груди, искусно счесанные борода и волосы остриженные; ногами стоялъ въ землѣ, и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подлѣ него висѣли узда, сѣдло, мечъ его съ серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольдъ рассказываетъ, что жители острова Рюгена обожали въ семь подлѣ

Христіанскаго Святаго, именемъ Вита, слышавъ о великихъ чудесахъ его отъ Корбейскихъ Монаховъ, которые хотѣли пѣкогда обратить ихъ въ истинную Вѣру. Достойно замѣчаніе, что Иллирическіе Славяне донынѣ празднуютъ день Св. Вита съ разными языческими обрядами (¹⁸⁷). Впрочемъ Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Вита, желая обратить къ нимъ усердіе народа своего, который не преставаелъ обожать Святовита (¹⁸⁸). Привязанность не только Бальтійскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ : *первому* Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ поясахъ на бедрахъ, и съ осмью обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками (¹⁸⁹), которыя вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревиту, коста значеніе неизвѣстно, и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; — *третьему* Поренуту (*) о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицомъ на груди : онъ дер-

(*) Добровскаго описки, вмѣсто Поревита, а не особое божество (Отмѣтка Исторіографа, на собственномъ его экземпляръ Исторіи Гос. Росс.).

жалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и считался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*, богъ 'страннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ: ибо Славяне были всегда рады гостямъ. Но сіе толкованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе страшнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда нагой, и держалъ въ рукѣ большую сѣкиру. Надписи Ретрскаго истукана его доказываютъ, что сей богъ хотя и принадлежалъ къ числу добрыхъ, однакожь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишетъ о золотомъ кумирѣ и пурпуровомъ ложѣ Радегаста (¹⁹⁰); но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей Историкъ увѣряетъ насъ, что храмъ Унсальскій *весь былъ сдѣланъ изъ золота*.

Сива — можетъ быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ (¹⁹¹). Она представлялась одѣтою; держала на головѣ нагаго мальчика, а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне поклонялись доброй Фрихѣ, богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностяхъ Фрихѣ или прекрасная Фрея называется Ванадисъ или Вепедскою, то вѣроятно, что Готы заимствовали отъ Сла-

вянть понятіе о сей богинѣ, и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германскіе, Прускіе, т. е. Латышскіе и даже Греческіе идолы. Бальтійскіе Славяне поклонялись Водану или Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ отъ Германскихъ народовъ, съ которыми они жили въ Дакіи, и которые были еще издревле ихъ сосѣдами (¹⁹²). Вепды Мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкоторые обряды Вѣры Одиновой. — Прускія надписи на истуканахъ Перкуна, бога молніи, и Парстуконъ или Берстуконъ (¹⁹³), доказываютъ, что они были Латышскіе идолы; но Славяне молились имъ въ Ретрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ статуямъ Любви, брачнаго Генія и Осени безъ сомнѣнія отнятымъ или купленнымъ ими въ Греціи. — Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ, тамъ стояли еще кумпры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибоба* или *Зембога*, и *Немизы* (¹⁹⁴). Первый изображался въ видѣ женщины съ луною, и знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ, на которомъ основывалось исчисленіе времени. Имя втораго непонятно; по ему надлежало быть покровителемъ звѣриной ловли, которая представлялась на его одеждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи какъ сильнаго *Духа земли*. Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и воздухомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе языческихъ Вендовъ, сохранили намъ извѣстіе

еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлиѣ, или въ Виннетѣ, главный именовался *Триглавъ* (¹⁰⁵). Кумиръ его былъ деревянный, непо- мѣрной величавы, а другой маленькій, вылитый изъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Больше ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Второй, *Припекала*, означалъ, кажется, любо- страстіе : ибо Христіанскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій *Геровитъ* или Яро- видъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавель- бергѣ и Волгастѣ, и подлѣ котораго висѣлъ на стѣнѣ золотой щитъ. — Жители Вагріи (¹⁰⁶) особенно чтили *Прова*, бога правосудія, и По- дагу, бога звѣроловства. *Первому* служили хра- момъ самыя древнѣйшіе дубы, окруженные де- ревянною оградой съ двумя вратами. Въ сей за- повѣдной дубравѣ и въ ея святищѣ жилъ Ве- ликій жрецъ, совершались торжественныя жерт- воприношенія, судился народъ, и люди, угро- жаемые смертію, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался старцемъ, въ одеждѣ со мно- гими складками, съ цѣпями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ (¹⁰⁷). *Второй* считается покрови- телемъ звѣроловства, для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира о *двухъ лицахъ*, найденнаго въ числѣ Ретрскихъ древностей, представлены стрѣлокъ, олень и кабанъ ; въ ру- кахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога лѣсныхъ дней, который у Сербовъ назывался *Погодою* : ибо заднее лице его окружено лучами, и слова, вы-

рѣзанные на семь пстуканѣ, значать ясность и вѣдро (¹⁹⁸). — Мерзебургскіе Венды обожали идола Гениля, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года пастухи разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перстнемъ, укрѣпленный на шестѣ (¹⁹⁹).

О Вѣрѣ Славянъ Иллирическихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ Морлахи (²⁰⁰) на свадебныхъ пршествахъ своихъ донынѣ славятъ *Давора*, *Дамора*, *Добрую Фрихию*, *Яра* и *Ника*: то съ вѣроятностію заключить можно, что языческіе боги ихъ назывались сими именами. — Сказаніе Польскихъ Историковъ (²⁰¹) о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гнѣзнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый храмъ *Шин*, Славянскаго Плутона, котораго молили о счастливомъ успокоеніи мертвыхъ; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая въ жертву ей десятую часть плодовъ земныхъ; *Ясса* или Ясна, Римскаго Юпитера; *Ладона* или *Лада*, Марса; *Дзидзилію*, богиню любви и дѣторожденія; *Зивонію* или *Зиванну*, *Діану*; *Зиваго*, или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческихъ близнецовъ Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясныхъ дней и сильного вѣтра. «Слыша вой бури (пишетъ Стриковскій), сіи «язычники съ благоговѣніемъ преклоняли колѣна.»

Въ Россіи, до введенія Христіанской Вѣры, первую степень между идолами занималъ *Не-*

рунѣ (²⁰²), богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ поклонялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя*. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, вѣдъ двора Владимірова, а въ Новѣгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла* (²⁰³) и *Мокоша*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялся Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. — Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синодесѣ (²⁰⁴). Хотя они выбраны отчасти изъ Польскихъ ненадежныхъ Историковъ, но будучи согласны съ древними обыкновеніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо*; ему жертвовали вступающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, которое слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Стриковскій называетъ сего бога Латышскимъ: въ Литвѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему отъ 25 Маія до 25 Іюня, отцы и мужья въ гостиницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взяв-

шись за руки, онѣ плясали и пѣли: *Ладо, Ладо, дидисъ Ладо*, то есть, великій *Ладо* ⁽²⁰⁵⁾. Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть въ хороводахъ *Лада, диди-Лада*. Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ ⁽²⁰⁶⁾: слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ Латышами, ежели не все, то хотя нѣкоторыя Славянскія племена въ Россіи — вѣроятно, Кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали Латышскаго Первосвященника *Криве* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Ладо* могъ быть и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя *Лада* ⁽²⁰⁷⁾.

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираніемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ *Купальницею*. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспѣвали *Купала*. Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ почныя игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невилинымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идола языческому ⁽²⁰⁸⁾. Въ Архангельской Губерніи многіе поселяне 23 Іюня топятъ бани, настилаютъ въ

нихъ траву *Купальницу* (лютикъ, *galipsculus agris*) и послѣ купаются въ рѣкѣ. Сербь на канунѣ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая *Ивановскіе вѣнки*, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ Духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ имя *Коляды* и просятъ денегъ (²⁰⁹). Святошныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторые слѣды древняго Славянскаго богопочитанія: донынѣ простые люди говорятъ у насъ о *Лѣшихъ*, которые видомъ подобны Сатирамъ, живутъ будто бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ травою, ужасаютъ странниковъ, обходятъ ихъ кругомъ и сбиваютъ съ пути; о *Русалкахъ* или Нимфахъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распушенными волосами, особенно передъ Троицынымъ (²¹⁰) днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ *Домовыхъ*, о почивыхъ *Кикимрахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творить боговъ на всякомъ шагѣ, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою

на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность боговъ, Славяне представляли ихъ велпканами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки хотѣли, кажется, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и пріятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ истукановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями лдовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, лщерицъ и проч. ⁽²¹¹⁾. Кромѣ идоловъ, Нѣмецкіе Славяне, подобно Дунайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса ⁽²¹²⁾, и приносили жертвы невидимымъ ихъ Гепіямъ, которые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ Гепій Ретр-скаго озера, когда великія опасности угрожали народу Славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ голосомъ и скрывался въ волнахъ ⁽²¹³⁾. Мы знаемъ, что и Россійскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ иѣкоторую божественность и святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мнимо-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты ⁽²¹⁴⁾. Народное обыкновеніе купать или обливать водою людей, проспавшихъ Заутреню въ день Пасхи, будто бы для омовенія ихъ отъ грѣха, происходитъ, можетъ быть, отъ такого же языческаго суевѣрія. — У многихъ народовъ Славянскихъ были запо-

вѣдныя рощи, гдѣ никогда стукъ сѣкиры не раздавался, и гдѣ самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Ретры считался священнымъ. Жители Штетинскіе поклонялись орѣховому дереву, при коемъ находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлиискіе богу обитавшему въ деревѣ обсѣченномъ ⁽²¹⁵⁾, и весною плясали вокругъ его съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревьямъ, особенно же *дупловатымъ*, обвязывая ихъ вѣтви убрисами или платами ⁽²¹⁶⁾. Константинъ Багрянородный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія приносили жертву большому дубу, окружали его стрѣлами, и гадали, заколотъ ли обреченныхъ ему живыхъ птицъ, или пустить на волю ⁽²¹⁷⁾. Празднованіе Семика и народный обычай завивать въ сей день вѣйки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ, что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святыя дубравы своего народа ⁽²¹⁸⁾.

Славяне обожали еще знамена, и думали, что въ военное время они святѣе всѣхъ идоловъ. Знамя Бальтійскихъ Вендовъ было отмѣнной величпыи и пестрое, стояло обыкновенно въ Святотидовомъ храмѣ и считалось сильною богиней, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій Король Вальдемаръ

сжегъ сего въ Арконѣ, взявъ сей городъ. — Въ числѣ Ретрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, которыя считались богинями (²¹⁹). Хитрость Полководцевъ ввела безъ сомнѣнія сію вѣру, чтобы воспламенить духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ неповиновеніе святостію знаменъ своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими, служившими вмѣсто ограды священной (²²⁰). Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія олтареи камни въ нѣсколько сажени мѣрою. Сии каменные зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо стояли цѣлыя вѣки и могли казаться народу твореніемъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣтенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такіа громады (²²¹). Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; но въ теченіе времени, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства над-

лежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга; защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было первымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его достойнымъ жилищемъ боговъ, требовала величія; но Славяне не умѣли подражать Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ зданій, и старались замѣнить оную рѣзьбою, пестротою, богатствомъ украшеній. Современные Историки описали нѣкоторые изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностію. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говоритъ о Штетинскомъ слѣдующее (²²²): «Тамъ было четыре храма, и главный изъ нихъ отличался своимъ художествомъ, украшенный «внутри и снаружи выпуклымъ изображеніемъ «людей, птицъ, звѣрей, такъ сходныхъ съ При- «родою, что они казались живыми; краски же на «внѣшности храма не смывались дождемъ, не «блѣднѣли и не тускли. — Слѣдуя древнему обы- «чаю предковъ, Штетинцы отдавали въ храмъ де- «сятую часть воинской своей добычи и всякое «оружіе побѣжденныхъ непріятелей. Въ его свя- «тищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши «(изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди «знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволы, «оправленные золотомъ: они служили и стака- «нами и трубами. Ножи и прочія драгоценности, «тамъ собранныя, удивляли своимъ художе- «ствомъ и богатствомъ. Въ трехъ иныхъ *гонти- «нахъ* или храмахъ, не столь украшенныхъ и «менѣе священныхъ, представлялись глазамъ «одябъ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и столы

«для народныхъ сходбищъ: пбо Славяне, въ пѣ-
«которые часы и дни, веселились, пили и важ-
«ными дѣлами отечества занимались въ сихъ
«гонтинахъ.» — Деревянный храмъ Арконскій
былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзь-
бою и живописью; одни врата служили для входа
въ его ограду; вѣншній дворъ, обнесенный стѣ-
ною, отдѣлялся отъ внутренняго только пурпу-
ровыми коврами, развѣшенными между четырьмя
столпами, и находился подъ одною съ нимъ кро-
влею ⁽¹²³⁾. Въ святилищѣ стоялъ идолъ, а конь
его въ особенномъ здаціи, гдѣ хранилась казна
и всѣ драгоценности. — Храмъ въ Ретрѣ, также
деревянный, славился изображеніями боговъ и
богинь, вырѣзаныхъ на вѣншнихъ его стѣ-
нахъ; внутри стояли кумиры, въ шлемахъ и ла-
тахъ; а въ мирное время хранились тамъ зна-
мена ⁽²²¹⁾. Дремучій лѣсъ окружалъ сіе мѣсто:
сквозь просѣку, вдаль, представлялось глазамъ
море въ видѣ грозномъ и величественномъ. До-
стойно примѣчанія, что Славяне Бальтійскіе во-
обще имѣли великое уваженіе къ святымъ хра-
мамъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись
осквернить ихъ.

О клицахъ Славянъ Россійскихъ не имѣемъ
никакого свѣдѣнія: Несторъ говоритъ только
объ тѣлахъ и жертвенникахъ ⁽²²⁵⁾; но удобность
приношенія жертвы во всякое время и почтеніе къ
святымъ кумирамъ требовала защиты и крова,
особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ хо-
лодъ и несчастье столь обыкновенны и продол-

жителины. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Несторъ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ все другіе народы Славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при всякомъ обожасомъ источникѣ находились особенные хранители, которые жили подлѣ оныхъ, въ малецкихъ хижинахъ, и питались жертвою, приносимою ихъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право отпускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпріятіе, и желая изъяснить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, которые именемъ боговъ могли обуздывать своеволие людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще не смиренныхъ дѣйствіемъ власти постоянной. Нѣкоторые

жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственной хитрости, или отмычкой славы ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Первосвященникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правилъ многими Славянскими племенами, которыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и кунцевъ чужеземныхъ, содержалъ 300 конныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, болѣе ему, нежели идолу принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена Славяне закалывали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ; по посѣхъ, омраченные суевѣріемъ идолопоклонства, обагривъ свои трестища кровію Христіанъ, выбранныхъ по жребію изъ плѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ ⁽²²⁶⁾. Жрецы думали, что идолъ увеселяется Христіанскою кровію, и къ довершенію ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества.— Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Бальтійскіе Славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ, опаснѣйшихъ непріятелей ⁽²²⁷⁾.

Жрецы гадали будущее посредствомъ копей. Въ Арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суе-

вѣрныя думали, что Святovidъ ѣздитъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ копы: если онъ шагаль сперва ле лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Штетинѣ сей копъ, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ретрѣ гадатели садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того въ Арконѣ и въ Штетинѣ жрецы бросали на землю три маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онѣ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черты на пеплѣ, которыхъ равное число означало успѣхъ дѣла (224).

Любя народныя торжества, языческіе Славяне установили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященникъ на канунѣ долженъ былъ вынести святилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ его; въ день торжества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смотрѣлъ, наполненъ ли онъ виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выливъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносили богу своему медовый пирогъ, длиною

въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видитъ ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ иломъ, въ знакъ счастья для острова; наконецъ объявлялъ всѣмъ благословеніе Святoviда, обѣщая воинамъ побѣду и добычу⁽²²⁹⁾. Другіе Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣтуха въ даръ богамъ, и нивомъ, освященнымъ на жертвенникѣ², обливали скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней⁽²³⁰⁾. Въ Богеміи славился Майскій праздникъ источниковъ. — Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, освященные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшали судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія⁽²³¹⁾. Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, которыхъ потомки донынѣ празднуютъ весну, любовь и бога *Лада* въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными толпами ходятъ завивать вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаютъ огни *Купалу* и зимою воспѣваютъ имя *Коляды*. — Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также слѣды праздника въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, въ Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, народъ 1 Марта ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ⁽²³²⁾. — Въ сей день Нѣмецкіе Славяне выносятъ изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаютъ ее или бросаютъ въ рѣку, и славятъ лѣто пѣснями. — Въ Богеміи строили еще какіе-то театры на

распутіяхъ для успокоенія душъ и представляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, свми играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушеніе тѣла, считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго ⁽²³³⁾?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Историки Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторевъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: Старѣйшина деревни объявлялъ жителямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла, носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкоторыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые плачевными. Разводили огонь на кладбищѣ и сжигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ; собирали пепелъ въ урны, глиняныя, мѣдныя или стекляныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столбами ⁽²³¹⁾. Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для Славянъ: ибо Греки воспользовались временемъ

сего *пиршества въ честь мертвыхъ* и на голову побилъ ихъ войско (²³⁵).

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Радимичи — *творили надъ умершими тризну*: показывали силу свою въ разныхъ играхъ воинскихъ, сожигали трупъ на большомъ кострѣ, и заключивъ пепелъ въ урну, ставили ее на столпѣ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненный Вятичами и Кривичами до времени Нестора, пзъявляетъ воинственный духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не страшиться ее въ битвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой тлѣнности. Но Славяне Кіевскіе и Волынскіе издревле погребали мертвыхъ; нѣкоторые имѣли обыкновеніе, вмѣстѣ съ трупомъ, зарывать въ землю *сплетенныя изъ ремней лѣстницы*; ближніе умершаго язвили лица свои, и закаляли на могилѣ любимаго коня его (²³⁶).

Всѣ народы любятъ Вѣру отцевъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся имъ святынею. Такъ и Славяне языческіе, закоренѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ теченіе многихъ столѣтій отвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году обративъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ Вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея святое ученіе и въ земляхъ Славянъ; но устрешенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для

сего народа. Видя, сколь Христіанство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распространялось по Европѣ, Славяне отлично ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменина въ сограждане, отворяя Бальтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ Христіанъ, брали ихъ корабли въ добычу, а Священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ Вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные наконецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя рощи и самыхъ жрецовъ истребили (²³⁷): что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіанскимъ. — —

Языкѣ и
грамо-
ти.

Собравъ историческія достопамятности Славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ находили его весьма грубымъ (²³⁸). Выражая первыя мысли и потребности людей необразованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ суровомъ, онъ долженъ былъ казаться дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Греческимъ, смягченнымъ долговременною жизнію въ порядкѣ гражданскомъ, удовольствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ людей, ископѣи любов-

шихъ искусства пріятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка Славянскаго, можемъ судить о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ самыми древними считаются наша Библия и другія церковныя книги, переведенныя въ IX вѣкѣ Св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ ⁽²³⁹⁾. Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру, заимствовали съ собою новыя мысли, изобрѣли новыя слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покоряемыя, Славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе времени произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть :

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами ⁽²⁴⁰⁾. Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться ни въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависить отъ судьбы Государства. . . .

2) *Польское*, смѣшенное со многими Латинскими и Нѣмецкими словами : имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ

Литвъ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера (²⁴¹).

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утверженію Горданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библии, а по мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется *Славакскимъ*, но разнится отъ Чешскаго большею частію только въ выговоръ, хотя Авторы *Многоязычнаго Словаря* признаютъ его *особеннымъ*. Впрочемъ и Другія Славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи (²⁴²).

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ — Славонское и Далматское (²⁴³).

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайицъ, также съ Лаузицскимъ, Котбюзскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Поммераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ Нѣмецкимъ (²⁴⁴).

Однакожь сіи перемѣны не могли совершенно истребить въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малозвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ (²⁴⁵); но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сходство

ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Спрскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе ; и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство (²⁴⁶) встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими — ибо названія *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству (²⁴⁷) — но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней (²⁴⁸), въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Трапировыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ (²⁴⁹); но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныхъ, коренныхъ, необходимыхъ въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то есть, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ : какимъ (²⁵⁰)?

неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, гдѣ *Исторія* находитъ ихъ : ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Фракійскими* жителями, которые прежде *Елленовъ* утвердились въ Морѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами (²³¹). Въ теченіе времени удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и должныствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самые общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикіянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не лзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмо, требующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ : въ Египтѣ *Оуиту*, въ Греціи *Меркурію*, въ Италіи богинѣ *Карментѣ*; а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ (²⁵²). Къ тому же

всѣ буквы народовъ Европейскихъ : Греческія, Мальтійскія , такъ пазываемыя Пелагскія въ Италіи, Этрурійскія (донынѣ видимыя на монументахъ сего народа), Гальскія, изображенныя на памятникѣ Мученика Гордіана ⁽²⁵³⁾, Улфиловы или Готскія, Кельтиберскія, Ветскія, Турдетанскія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Германцевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ Финикійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ произошли отъ одного корня ⁽²⁵⁴⁾. Пелаги и Аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселію къ тамошнимъ Галламъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ Финикіянъ, основавшихъ Тартессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова ⁽²⁵⁵⁾. Турдетане во время Страбоново имѣли письменныя законы, Исторію и Стихотворенія ⁽²⁵⁶⁾. Какимъ образомъ Европейскій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ Финикійскихъ ли мореплавателей, торговавшихъ оловомъ Британскимъ и янтареи Прускимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Второе кажется вѣроятнѣе : ибо Руническое и Готское письмо сходило съ Греческимъ и Латинскимъ, нежели съ Финикійскимъ ⁽²⁵⁷⁾. Оно могло въ теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннонію, дойти отъ Средиземнаго моря до Балтійскаго съ нѣкоторыми перемѣнами знаковъ ⁽²⁵⁸⁾.

Какъ бы то ни было, но Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ Балтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ : Ретрскіе ку-

миры, найденные близъ Толмензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ въ Рунахъ, занимаемыхъ Венеданами отъ Готскихъ народовъ. Сія Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ ⁽²⁵⁹⁾, весьма недостаточны для языка Славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же Богемскіе, Илирическіе и Россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года ⁽²⁶⁰⁾, когда Философъ Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавитъ ⁽²⁶¹⁾, образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ : Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ъ. Ю. Я. Ъ ⁽²⁶²⁾. Сія азбука, называемая *Кирилловою*, донынѣ употребляется, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россіи ⁽²⁶³⁾, Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сербіи и проч. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобрѣтеніемъ Св. Іеронима, но ложно : ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ владѣніяхъ ⁽²⁶⁴⁾. Самый древнѣйшій ея памятникъ,

намъ извѣстный, есть харатейная Псалтирь XIII вѣка (²⁶⁵); но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи 1056 году (²⁶⁶); надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ принадлежитъ еще ко временамъ Св. Владиміра. Сія Глагольская азбука явно составлена по нашей (²⁶⁷); отличается кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе Христіане, приставъ къ Римскому Неповѣданію (²⁶⁸), выѣхавъ съ Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, торжественно запрещенныя Папою Іоанномъ XIII (²⁶⁹). Епископы Салонскіе въ XI вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ, а письмена Славянскія изобрѣтеніемъ Аріанскихъ Готоовъ. Вѣроятно, что сіе самое говеніе побудило какого нибудь Далматскаго Монаха выдумать новыя, то есть Глагольскія буквы, и защитить ихъ отъ нападенія Римскихъ еусвѣровъ именемъ Св. Іеронима. — Нынѣ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи употребляются Нѣмецкія; въ Иллиріи, Крайицѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне, которые съ VIII вѣка утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли тамъ Греческую азбуку (²⁷⁰).

И такъ предки наши были обязаны Христіанству не только лучшимъ попятіемъ о Творцѣ міра, лучшимъ правилами жизни, лучшею безъ сомнѣнія правдивностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей: мудрой живописи мыслей — изобрѣтенія, которое, подобно утренней зарѣ, въ вѣкахъ

мрачныхъ предвѣстало уже Науки и просвѣщеніе.

ГЛАВА IV.

Рюрикъ, Синегусъ и Труворъ.

Г. 862 — 879.

Ирпаваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Пиперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.

Начало Россійской Исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно упнчтожаютъ свое древнее народное правленіе, и требуютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили Само-властіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ — и разсѣяныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакією и съ землями Сѣверной Америки, съ Швецією и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра.

Великіе народы , подобно великимъ мужамъ , имѣютъ свое младенчество , и не должны его стыдиться : отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года (²⁷¹), по лѣтосчисленію Нестора , обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Моцархической власти.

Желая иѣкоторымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе , мы думаемъ , что Варяги , овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени , правили ими безъ угнетенія и насилія , брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на моряхъ , имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства , и гдѣ кровавыя слѣды варварства , обузданнаго человеколюбивымъ духомъ Христіанства , уже отчасти изгладилась счастливыми трудами жизни гражданской (²⁷²) — Варяги или Норманы должныствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ , заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера ; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли , благодѣтельные для народа. Бояре Славянскіе , недовольные властію завоевателей , которая уничтожала ихъ собственную , возмутили , можетъ быть , сей народъ легкомысленный , обольстили его именемъ прежней независимости , вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ ; по распрямъ личными обратили свободу въ несчастіе , не умѣли возстановить древнихъ законовъ и вверг-

Призва-
ние Кня-
зей Ва-
ряж-
скихъ въ
Россию.

нули отечество въ бездну золь междоу-
собіа (273). Тогда граждане вспомнили,
можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ
правленіи Норманскомъ: нужда въ бла-
гоустройствѣ и тишинѣ велѣла забыть на-
родную гордость, и Славяне, *убѣжден-*
ные — такъ говоритъ преданіе — *совѣ-*
томъ Новгородскаго старпѣиши Гостомы-
сла, потребовали Властителей отъ Варя-
говъ (274). Древняя лѣтопись не упоми-
наетъ о семъ благоразумномъ *совѣтникѣ*;
но ежели преданіе истинно, то Гостомысль
достоинъ безсмертія и славы въ нашей
Исторіи.

Новгородцы и Кривичи были тогда,
кажется, союзниками Финскихъ племенъ,
вмѣстѣ съ ними платившихъ дань Варя-
гамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю,
и повинаясь законамъ одного народа, они
тѣмъ скорѣе могли утвердить дружествен-
ную связь между собою. Несторъ пишетъ,
что Славяне Новгородскіе, Кривичи, *Весь*
и *Чудь* отпавши посольство за море, къ
г. 862. Варягамъ-Руси, сказать имъ (275): *Земля*
наша велика и обильна, а порядка въ ней
нѣтъ: идите княжить и владѣть нами (276).
Слова простыя, краткія и слышныя! Братья,
именемъ Рюрикъ (277), Синеусъ и Труворъ,
знаменитые или родомъ или дѣлами, со-
гласились принять власть надъ людьми,
которые, умѣвъ сражаться за вольность,

не умѣли ея пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ Государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество ⁽²⁷⁸⁾. Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не умѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлоозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшней С. Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской Губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русскихъ. Болѣе не знаемъ никакихъ достовѣрныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? наслаждался ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хотя повѣйшіе Лѣтописцы говорятъ ⁽²⁷⁹⁾, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новгородъ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властителей, но могли и раскаять-

ся, ежели Варяги, единоплеменники и друзья Рюриковы, утверждая ихъ — однакожь сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

г. 862. Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоединивъ области ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на Востокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской Губерній, а на Югъ до Западной Двины; уже Мера, Муромъ и Полоцкѣ зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ Единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоплеменникамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкѣ, Ростовъ и Муромъ, или братьями его завоеванныя, какъ надобно думать ⁽²⁸⁰⁾. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и Система Феодальная, Помѣстная или Удѣльная, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ Государи въ своихъ Удѣлахъ ⁽²⁸¹⁾: система сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще

Основа-
ніе Мо-
нархіи.

не было ни удобнаго сношенія между вла-
дѣніями одной Державы, ни уставовъ об-
щихъ и твердыхъ, ни порядка въ граждан-
скихъ степеняхъ, и люди, упорные въ
своей независимости, слушались един-
ственно того, кто держалъ мечъ надъ ихъ
головою. Признательность Государей къ
вѣрности Вельможъ участвовала также въ
семъ обыкновении, и завоеватель дѣлился
областями съ товарищами храбрыми, ко-
торые помогали ему пріобрѣтать оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ относитъ
слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ
единоземцевъ Рюриковыхъ, именемъ Ас-
кольдъ и Диръ, можетъ быть недоволь-
ные симъ Княземъ ⁽²⁸²⁾, отиравшись съ
товарищами изъ Новагорода въ Констан-
тинополь искать счастія; увидѣли на вы-
сокомъ берегу Диѳира маленькой горо-
докъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣт-
ствовали, что строители его, три брата,
давно скончались, и что миролюбивые жи-
тели платятъ дань Козарамъ. Сей горо-
докъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завла-
дѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ
Варяговъ изъ Новагорода; начали подъ
именемъ Россіянъ властвовать какъ Госу-
дари въ Кіевѣ и помышлять о важнѣй-
шемъ предпріятіи, достойномъ Норман-
ской смѣлости. Прежде шли они въ Кон-
стантинополь, вѣроятно, для того, чтобы

Ас-
кольдъ и
Диръ.

Г. 866.
Первое
нападе-
ніе Рос-
сіянъ на
Импе-
рію.

служить Императору : тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судоходный Днѣпръ благопріятствовалъ ихъ намѣренію : вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, издревле опытные въ корабленаваніи, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Оракійскій, опустошили огнемъ и мечемъ берега его, и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей ; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянъ, Рѣс. Молва народная возвѣстила ихъ Скиѣами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Героиъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами (283). Узнавъ отъ Энарха или Намѣстника Царградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ сѣвши въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя отразить ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византійскихъ Лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царем-

градомъ, хранилася такъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій (²⁸¹). Патріархъ Фотіи съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣла, истребила флотъ непріятельскій, и только слабые остатки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, что язычники Россійскіе, утраченные Небеснымъ гнѣвомъ, немедленно отправили Пословъ въ Константинополь, и требовали святаго крещенія. Окружная грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служить достовѣрнымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія (²⁸⁵). «Россы, говоритъ онъ, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе «воевать съ Имперією Римскою, уже оставили «суевѣріе, не повѣдуютъ Христа и суть друзья «наши, бывъ еще не-давно злѣйшими врагами. «Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію «Христіанскому.» Константинъ Багрянородный и другіе Греческіе Историки пишутъ, что Россы крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнатія, то есть, не ранѣе 867 года (²⁸⁶). «Императоръ (говорятъ они), не имѣя «возможности побѣдить Россовъ, склонилъ ихъ

Плчало
Христї-
анства
въ Кїе-
вѣ.

«къ миру богатыми дарами, состоявшими
«въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одеж-
«дахъ. Онъ прислалъ къ нимъ Епископа,
«посвященнаго Игнатіемъ, который обра-
«тилъ ихъ въ Христіанство.» — Сіи два
извѣстія не противорѣчатъ одно другому.
Фотій въ 866 году могъ отпратить цер-
ковныхъ учителей въ Кіевъ: Игнатій
также; они насадили тамъ первыя сѣмена
Вѣры истинной: ибо Несторова лѣтопись
свидѣтельствуетъ, что въ Игоревое время
было уже много Христіанъ въ Кіевѣ (²⁸⁷).
Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго
успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели
въ употребленіе между Кіевскими Христіа-
нами и цовыя письмена Славянскія, изо-
брѣтенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣ-
сколько лѣтъ до того времени. Обстоя-
тельства благопріятствовали сему успѣ-
ху: Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а
Варяги другую (²⁸⁸); въ послѣдствіи уви-
димъ, что древніе Государи Кіевскіе па-
блюдали священныя обряды первой, слѣ-
дуя винушенію весьма естественнаго благо-
разумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ
идоламъ, коихъ обожали они единственно
въ угожденіе главному своему народу, не
могло быть искреннимъ, и самая государ-
ственная польза заставляла Князей не пре-
пятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соеди-
нявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и на-

дежвыхъ товарищей, Варяговъ, узамъ духовнаго братства. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Диѣировскихъ ⁽²⁸⁹⁾: оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ урокъ на Черномъ морѣ, возвратились отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало быть счастливыми на сухомъ пути: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несторъ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недостаткомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи: *дѣйствовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть отъ народа, обыкновенно клялися, именемъ Одиновымъ, быть завоевателями ⁽²⁹⁰⁾. Спокойствіе Государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ пынь славу Царей; но Князья Русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный къ Западу, Сѣверу и Востоку народами Финскими, Рюрикъ могъ ли

Смерть
Рюрика.

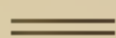
оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда и самые отдаленные берега Оки должныствовали ему покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудскаго и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ. — Онъ княжилъ единовластно, по смерти Сенеуса и Трувора, 15 лѣтъ въ Новѣгородѣ и скончался въ 879 году, вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Муромъ, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру (291).

ГЛАВА V.

Олегъ Правитель.

Г. 879—912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Пяперією. Кончина Олега.

Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. г. 879. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолубіемъ Героевъ, не удовольствовался своимъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году пошелъ къ г. 882. странамъ Дѣпровскимъ (²⁹²). Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, Завоеванія Олеговы кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, слу-

жившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ : храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣверянъ и взялъ Любечъ, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе : слухъ о независимой Державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоплеменниками, равно искусными въ дѣлѣ воиномъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ ⁽²⁹³⁾; скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ, и велѣлъ объявить Государямъ Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отпавленные Княземъ Новгородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, съѣхали на берегъ : воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ : *вы не Князья и не знаменитаго роду, но я Князь* — и показавъ Игоря, примолвилъ : *вотъ сынъ Рюриковъ* ⁽²⁹⁴⁾! Слѣдъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убійцъ, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ . . . Простота, свойственная правамъ IX вѣка, позволяетъ вѣ-

рить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольминъ дворъ ⁽²⁹⁶⁾; кости Дюровы покоились за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крутомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевского, гдѣ вращается въ землю малая, ветхая церковь.

Олегъ, обагрившій кровію невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, уstraшенные самымъ его злодѣяніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго Государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ* ⁽²⁹⁶⁾! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди Государства, во первыхъ для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во вторыхъ и для своей безопасности: Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не

бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальнія области Вельможамъ ⁽²⁹⁷⁾; велѣлъ строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и вѣшнихъ непріятелей и внутреннихъ мятежниковъ; уставилъ также налоги общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы должны были платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривень тогдашнею ходячею монетою Россійскою ⁽²⁹⁸⁾: что представляло цѣну ста-пятидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали Варяги, какъ говоритъ Несторъ, до кончины Ярославовой: съ того времени лѣгописи наши дѣйствительно уже молчатъ о службѣ ихъ въ Россіи ⁽²⁹⁹⁾.

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Пльменскіе Славяне граничили съ Весью, Вось съ Мерсю, Меря съ Муромою и съ Кривичами ⁽³⁰⁰⁾; но сильныя, отъ Россіянъ независимыя народы обитали между Новымгородомъ и Кіевомъ. Храбрый Князь, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ берегамъ рѣки Припяти: тамъ среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпыя наслаждались вольностію и встрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями, обязался ему платить дань черными куницами. Въ слѣдующіе два года

г. 883.

г. 884,
885.

Князь Россійскій овладѣлъ землею Дпѣпровскихъ Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти Козаровъ, и сказавъ : *я срагъ имъ, а не вамъ!* удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ : вѣрность и доброе расположеніе Сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жители береговъ Сожскихъ, добровольно согласились давать Россіянамъ то же, что Козарамъ : по *цѣлгу* или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпью завоеваній Кіевъ съ Новымъ городомъ , Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Витебской и Черниговской Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, кажется, въ пріятностяхъ Восточной роскоши и нѣги : изобиліе Тавриды , долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской Державы Славяне, единоплеменные съ Черниговцами: онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую Губернію, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію : ибо Лѣтонисецъ въ числѣ его

подданныхъ именуетъ Дулѣбовъ, Тивирцевъ и Хорватовъ, тамъ обитавшихъ ⁽³⁰¹⁾.

Пашест-
віе Уг-
ровъ.

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Дуѣстра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя *вези* или пилы Угровъ (Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгерцевъ), которые обитали некогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Востокъ отъ Кіева, въ странѣ *Лебедисъ*, можетъ быть въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебедисъ напоминаетъ сіе имя. Вытѣсненные Печенѣгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же устремились на Западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Георекимъ* ⁽³⁰²⁾. Олегъ пропустилъ ли ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сѣмъ бѣглецы переправились чрезъ Дуѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Волошскою.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года ⁽³⁰³⁾; знаемъ только, что онъ правилъ еще Государствомъ и въ то время, когда уже питомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ Правителя властолюбив-

ваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государство. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ повѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простаго роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ иѣкогда звѣриною ловлею; увидѣвъ Ольгу, говорилъ съ нею, узнавъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и права тогдашнихъ временъ конечно дозволяли Князю искать для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему Лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей

Супру-
жество
Игоря.

достойной Княгини, или въ знакъ Игоровой къ нему любви.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со времени Аскольда и Дира; вѣроятно, что Цари и Патріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого Князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть, Святии́ковъ отъ Патріарха и дары отъ Императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками и терпимостію Христіанства. Мы знаемъ по Византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась *шестидесятымъ Архіепископствомъ* въ спискѣ Епархій, зависѣвшихъ отъ Главы Константинопольскаго Духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ, и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота ⁽³⁰⁴⁾. Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла нѣсколько времени наслаждаться, давало свободу вѣзямъ Олеговымъ искать дѣятельности въ службѣ Императоровъ: Греки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростію своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ тишиною,

Россія-
не слу-
жать въ
Греціи.

опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперіею. Все народы, ему подвластные: Нового-родцы, Финскіе жители Бѣлаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радимичи, Дулѣбы, Хорваты и Тивирцы соединились съ Варягами подъ его знаменами ⁽³⁰⁵⁾. Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; конница шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: Правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдить не только враговъ, но и Природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы утратить самую дерзкую предпримчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ ⁽³⁰⁶⁾: въ IX и X вѣкѣ они должныствовали быть несравненно опаснѣе. Первые Варяги Кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острые скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семь

г. 906.
Олегъ и-
детъ на
Царь-
градъ.

плаваніи обыкновенно преодолевали трудности : бросались въ воду, искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля (³⁰⁷). Доплывъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное кошиное войско : жители Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приближился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычетахъ Астрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣвную гавань (³⁰⁸), и далъ волю Олегу разорить Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительныя дома Вельможъ Греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе Россіянь. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ, въ сіе же самое время, Норманы, едипоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даѣтъ нынѣ право убивать непріятелей воору-

женныхъ : тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣянїями . . . Сїи Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионовъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенїя вокругъ столицы; но Князь Россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ (³⁰⁹); а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, по возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, утрашенные симъ намѣренїемъ, сѣвшии предложить Олегу миръ и дань. Они послали войску его съѣстные припасы и вино : Князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы : ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо : то не Россїяны, а Грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на cadaго человека во флотъ своемъ, и Греки согласились, съ тѣмъ условїемъ, чтобы онъ, прекративъ непрїятельскїя дѣйствїя, мирно возвратился въ отечество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отираивалъ

Миръ съ
Грека-
ми.

Пословъ къ Императору. Лѣтописецъ сохра-
нилъ Норманскія имена сихъ Вельможъ:
Карла, Фарлафа, Веремиды, Рулава, Сте-
мида. Они заключили съ Константиново-
лемъ слѣдующій договоръ :

I. «Греки даютъ по 12 гривенъ на че-
ловѣка ⁽³¹⁰⁾, сверхъ того уклады на го-
рода Кіевъ, Черниговъ, *Переяславль*,
«Полтескъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, гдѣ
«властвуютъ Князья, Олеговы поддан-
«ные.» Война была въ сіи времена народ-
нымъ промысломъ : Олегъ, соблюдая
обычай Скандинавовъ и всѣхъ народовъ
Германскихъ, долженствовалъ раздѣлить
свою добычу съ воинами и Полководцами,
не забывая и тѣхъ, которые оставались
въ Россіи.

II. «Послы, отправляемые Княземъ Рус-
скимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всеѣмъ
«довольствованы изъ казны Император-
«ской ⁽³¹¹⁾. Русскимъ гостямъ или торго-
«вымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Гре-
«цію, Императоръ обязанъ на шесть мѣ-
«сяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и
«плодовъ; они имѣютъ также свободный
«входъ въ народныя бани ⁽³¹²⁾, и полу-
«чаютъ на возвратный путь съѣстные
«припасы, якоря, снасти, парусы и все
«нужное.»

Греки съ своей стороны предложили та-
кія условія : «I. Россіяне, которые будутъ

«въ Константинополѣ не для торговли, не
«имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержа-
«нія. — II. Да запретитъ Князь Посламъ своимъ
«дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ се-
«лахъ Греческихъ. — III. Россіяне могутъ жить
«только у Св. Мамы ⁽³¹³⁾. и должны увѣдомлять
«о своемъ прибытіи городское начальство, ко-
«торое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣ-
«сячное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ,
«Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они
«будутъ входить только въ одни ворота город-
«скія съ Императорскимъ приставомъ, безоруж-
«ные и не болѣе пятидесяти человекъ вдругъ;
«могутъ торговать свободно въ Константино-
«полѣ, и не платя никакой пошлыны.»

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, былъ
утвержденъ священными обрядами Вѣры: Импе-
раторъ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами
оружіемъ и богами народа Славянскаго, Перу-
номъ и Волосомъ ⁽³¹⁴⁾. Въ знакъ побѣды Герой
повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константино-
поля и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удив-
ленный его славою и богатствами, имъ приве-
зенными: золотомъ, тканями, разными драго-
цѣнностями искусства и естественными произ-
веденіями благословеннаго климата Греціи, еди-
ногласно называлъ Олега *вѣщимъ*, то есть мудрымъ
или волхвомъ ⁽³¹⁵⁾.

Такъ Несторъ описываетъ счастливый и слав-
ный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла
воинскія. Греческіе Историки молчатъ о семъ

важномъ случаѣ (³¹⁶); но когда Лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общес преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторые обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегу ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ*, кажется достовѣрнымъ.

г. 911. Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствовать Нестора (³¹⁷); но желая утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отпратить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперіею договоръ письменный, драгоценный и древнѣйшій памятникъ Исторіи Россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОРЪ РУССКІХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

«Мы отъ роду Русскаго, Карлъ Инге-
«лотъ, Фарловъ, Веремидъ (318), Рулавъ,
«Гуды, Руальдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ,
«Актутруанъ, Лидулфостъ, Стемидъ, по-
«сланные Олегомъ, Великимъ Княземъ
«Русскимъ, и всеми сущими подъ рукою
«его (319), Свѣтлыми Боярами, къ вамъ
«Льву, Александру и Константину» (брату
и сыну перваго) «великимъ Царямъ Гре-
«ческимъ, на удержаііаніе и на извѣщеніе
«отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между
«Христіанами и Русью, по волѣ нашихъ
«Князей и всѣхъ сущихъ подъ рукою
«Олега, слѣдующимъ главами уже не сло-
«весно, какъ прежде, но письменно утвер-
«дили сію любовь, и клялися въ томъ по
«закону Русскому своимъ оружіемъ.

Д о г о-
в о р ъ с ѣ
И м п е-
рією.

І. «Первымъ словомъ да умиримся съ
«вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ
«всѣя души, и не дадимъ никому изъ су-
«щихъ подъ рукою нашихъ Свѣтлыхъ
«Князей обижать васъ; но потщимся, сколь
«можемъ, всегда и непреложно соблюдать
«сію дружбу! Также и вы, Греки, да хра-
«ните всегда любовь неподвижную къ на-
«шимъ Свѣтлымъ Князьямъ Русскимъ и
«всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣтлаго

«Олега (³²⁰). Въ случаѣ же преступленія и вины
«да поступаемъ тако :

II. «Вина доказывается свидетельствами ; а
«когда нѣтъ свидѣтелей, то не пстець, но от-
«вѣтчикъ присягаетъ — и *каждый да клянется*
«по Вѣрѣ своей.» Взапмныя обиды и ссоры Гре-
ковъ съ Россіянами въ Константинополѣ заста-
вили, какъ надобно думать, Императоровъ и
Князя Олега включить статьи уголовныхъ зако-
новъ въ мирный государственнѣйшій договоръ.

III. «Русинъ ли убіетъ Христіанина или Хри-
«стіанинъ Русина, да умретъ на мѣстѣ злодѣя-
«нія. Когда убійца *домовитъ* и скроется, то его
«имѣніе отдать ближнему родственнику убитого;
«но жена убійцы не лишается своей законной
«части (³²¹). Когда же преступникъ уйдетъ, не
«оставивъ имѣнія, то считается подѣ судомъ (³²²),
«доколь найдутъ его и казнятъ смертію.

IV. «Кто ударитъ другаго мечемъ, или какимъ
«сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по
«закону Русскому; немовитый же да заплатитъ,
«что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одеж-
«ду, въ которой ходитъ, и да клянется по Вѣрѣ
«своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его
«выкупить изъ вины : тогда увольняется отъ
«дальнѣйшаго взысканія.

V. «Когда Русинъ украдетъ что-либо у Хри-
«стіанина или Христіанинъ у Русина, и пойман-
«ный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то
«хозяинъ украденной вещи можетъ убить его,
«не подвергаясь взысканію, и возметъ свое

«обратно; но долженъ только связать вора, ко-
«торый безъ сопротивленія отдастся ему въ
«руки. Если Русинъ или Христіанинъ, подъ ви-
«домъ обыска (³²³), войдетъ въ чей домъ и си-
«лою возметъ тамъ чужое, вмѣсто своего, да
«заплатитъ втрое.

VI. «Когда вѣтромъ выкинетъ Греческую ла-
«дію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, Русь,
«то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ ея гру-
«зомъ, отправимъ въ землю Греческую, и про-
«водимъ сквозь всякое *страшное* мѣсто до без-
«*страшнаго*. Когда же ей нельзя возвратиться въ
«отечество за бурею или другими препятствіями,
«то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до
«ближней пристани Русской. Товары и все, что
«будетъ въ спасенной нами ладіи, да продается
«свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши
«Послы къ Царю, или гости для купли, они съ
«честію приведутъ туда ладію и въ цѣлости
«отдадутъ, что выручено за ея товары. Если же
«кто изъ Русскихъ убьетъ человека на сей ла-
«дѣи, или что нибудь украдетъ, да пріиметъ ви-
«новный казнь вышеозначенную.

VII. «Если найдутся въ Греціи между ку-
«пленными невольниками Россіяне или въ Руси
«Греки (³²¹), то ихъ освободить и взять за нихъ,
«чего они купцамъ стоили, или настоящую, из-
«вѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные также
«да будутъ возвращены въ отечество, и за каж-
«даго да внесется окупу 20 *златыхъ*. Но Русскіе
«воины, которые изъ чести придутъ служить

«Царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ
«землѣ Греческой.

VIII. «Ежели невольникъ Русскій уйдетъ, бу-
«детъ украденъ или отнятъ подъ видомъ купли,
«то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а
«кто противится обыску, считается виновнымъ.

IX. «Когда Русинъ, служащій Царю Христіан-
«скому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ
«своего наслѣдства, и родныхъ съ нимъ не бу-
«детъ: то прислать его имѣніе въ Русь къ ми-
«лымъ близкимъ ⁽³²⁵⁾; а когда сдѣлаетъ распо-
«ряженіе, то отдать имѣніе наслѣднику, озна-
«ченному въ духовной.

X. «Ежели между купцами и другими людьми
«Русскими въ Греціи будутъ виновные, и ежели
«нужно потребуютъ ихъ въ отечество для наказанія,
«то Царь Христіанскій долженъ отправить сихъ
«преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не
«хотѣли туда возвратиться.

«Да поступаютъ такъ и Русскіе въ отношеніи
«къ Грекамъ ⁽³²⁶⁾!

«Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между
«нами, Русью и Греками, велѣли мы написать
«онныя кнжоварыю на двухъ хартіяхъ. Царь Гре-
«ческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Свя-
«тымъ Крестомъ, Нераздѣльною Животворящею
«Троицею единого Бога, и далъ хартію нашей
«Свѣтлости; а мы, Послы Русскіе, дали ему дру-
«гую и клялися по закону своему, за себя и за
«всѣхъ Русскихъ, исполнять утвержденныя гла-
«вы мира и любви между нами, Русью и Гре-

«ками. Сентября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (то естъ Индикта) отъ созданія міра . . . , (327).»

Договоръ могъ быть писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣти Варяговъ, принявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и Славянской грамотѣ, изобрѣтенной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обитавшіе во Фракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Патріарха, Церковію; и въ самое то время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Васпицъ: послѣдняго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ (328). Условія мирныя надлежало разумѣть и Грекамъ и Варягамъ: первые не знали языка Нормановъ, но Славянской были извѣстны и тѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ тор-

говлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказываютъ — и Константинъ Багрянородный то же свидѣтельствуесть ⁽³²⁹⁾ — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣтить, что между именами четырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, нѣтъ ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностію, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоценными одеждами и тканями ⁽³³⁰⁾, велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которыя сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величіе Бога Христіанскаго) и съ честію отпустилъ ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ Князю въ усиліяхъ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ ⁽³³¹⁾. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усиленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его

казалась потомству чудесною. «Волхвы — такъ говоритъ Лѣтописецъ — предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятого вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и Герой скончался» Уваженіе къ Кончина Олега. памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его (³³²); но мнимое пророчество волхвовъ или чудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стоналъ, и проливалъ слезы*. Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а

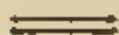
народъ защитника. — Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Ростова : Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ ⁽³³³⁾. Мудростію Правители цвѣтутъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властителемъ съ того времени, какъ возмужалъ наследникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наследственные, еще неутвержденные въ Россіи обыкновениемъ, могли ли ему казаться священными ⁽³³⁴⁾? . . . Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы:

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Ольговою могилою*.

ГЛАВА VI.

Князь Игорьъ.

г. 912—945.

Бунтъ Древлѣвъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря.

Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріямъ г. 912-913.
власть опасную: ибо современники и потомство требуютъ величія отъ наслѣдниковъ Государя великаго, или презираютъ недостойныхъ.

Смерть побѣдителя ободрила побѣжденныхъ, и Древлѣне отложились отъ Кіева. г. 913-914.
Игорь спѣшилъ доказать, что въ его рукѣ Бунтъ Древлѣвъ.
мечъ Олеговъ; смирилъ ихъ и наказалъ прибавленіемъ дани ⁽³³⁵⁾. — Но скоро новыя враги, сильныя числомъ, страшныя дерзостію и грабительствомъ, явились въ г. 914-915.
предѣлахъ Россіи. Они подъ именемъ Явленіе Печенѣговъ.
Печенѣговъ такъ славны въ лѣтописяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на театръ Исторіи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ отечествѣ сего народа. ⁽³³⁶⁾.

Восточная страна нынѣшней Россійской

Монархін, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболъ, Уралъ, Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ея степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣностію. Всѣ были кочующіе; всѣ питались скотоводствомъ и звѣриною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ, кромѣ Угровъ и Турковъ. Къ едмъ народамъ принадлежали Узы и Печенѣги, единоплеменники Туркомановъ; первые, обитая между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, вытѣснили ихъ изъ степей Саратовскихъ: изгнанники устремились къ Западу; овладѣли Лебедією; чрезъ нѣсколько лѣтъ ⁽³³⁷⁾ опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили Угровъ переселиться отсюда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алуты, составивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на Востокъ отъ Днѣпра, между Россіянами и Козарами; а другія на западной сторонѣ его, въ Молдавіи, Трансильваніи, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами Славянскими, подвластными Кіевскимъ Государямъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, Печенѣги искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славилась быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами,

мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его ; бросались на лоша-
дяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣсто лодокъ
употребляли большія кожи. Они носили Персид-
скую одежду, и лица ихъ изображали свирѣ-
пость ⁽³³⁸⁾.

Печенѣги думали , можетъ быть , ограбить
Кіевъ ; но встрѣченные сильнымъ войскомъ , не
захотѣли отвѣдать счастія въ битвѣ и мирно
удалились въ Бессарабію или Молдавію, гдѣ уже
господствовали тогда ихъ единоплеменники ⁽³³⁹⁾. Тамъ
народъ сей сдѣлался ужасомъ и бичемъ сосѣ-
довъ ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ несправ-
дливости, и за деньги помогалъ имъ истреблять другъ
друга. Греки давали ему золото для обузданія
Угровъ и Болгаровъ , особенно же Россіянъ,
которые также искали дружбы его, чтобы имѣть
безопасную торговлю съ Константинополемъ :
ибо Диѣпровскіе пороги и Дунайское устье были
заняты Печенѣгами ⁽³⁴⁰⁾. Сверхъ того они могли
всегда, съ правой и лѣвой стороны Диѣпра,
опустошать Россію, жечь селенія, увозить женъ
и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять
Государей Кіевскихъ наемнымъ войскомъ сво-
имъ. Сія несчастная Политика позволяла разбой-
никамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправ-
лять ихъ губительное ремесло.

Печенѣги , заключивъ союзъ съ Игоремъ,
пять лѣтъ не тревожили Россію : по крайней
мѣрѣ Несторъ говоритъ о первой дѣйствитель-
ной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе

не сообщило ему извѣстія объ ея слѣдствіяхъ. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народнои никакимъ великимъ происшествіемъ до самаго 941 года, когда Несторъ, согласно съ Византійскими Историками, описываетъ войну Игореву съ Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить ея старость свою, живъ до того времени дружелюбно съ Имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ Греческимъ флотомъ въ Италію ⁽³⁴¹⁾. Если вѣрять Лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о семъ непріятелѣ; но Игорь усилъ, приставъ къ берегу, опустошить Воспорскія окрестности. Здѣсь Несторъ, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, съ новымъ ужасомъ говоритъ о свирѣности Россіянъ: о храмахъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращенныхъ ими въ пепелъ; о плѣнникахъ безчеловѣчно убитыхъ ⁽³⁴²⁾, и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменитый, но Государь слабый, выслалъ наконецъ флотъ подъ начальствомъ Теофана Протовестіарія. Корабли Игоревы стояли на якоряхъ близъ Фара или маяка ⁽³⁴³⁾, готовые къ сраженію. Игорь столь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воишамъ своимъ падить непріятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но

г. 941.
Напа-
деніе
Игоря
на Гре-
цію.

успѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ такъ называемымъ *огнемъ Греческимъ*, которымъ Теофанъ зажегъ многія суда ихъ, и который показался имъ небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага, удалились къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ отборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, славный побѣдами, одержанными имъ Сиріи, съ опытнымъ Азіатскимъ войскомъ напали на толпы Россіянъ, грабившихъ цвѣтущую Византію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и войскомъ Греческимъ, и побѣдоноснымъ флотомъ, и голодомъ, они сдѣлались съ якорей, ночью отплыли къ берегамъ Оракійскимъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ великимъ урономъ возвратились въ отечество. Но бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Имперіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (³⁴¹), остались надолго незабвенными въ ея Азіатскихъ и Европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе Историки: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епископъ Лиутпрандъ (³⁴⁵); послѣдній рассказываетъ слышанное имъ отъ своего отчима, который, будучи Посломъ въ Царѣградѣ, собственными глазами видѣлъ казни многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ Греками: варварство ужасное! Греки, изгнѣженные роскошію, боялись опасностей, а не злодѣйства.

г. 943-
944.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ отмстить Грекамъ; собралъ другое многочисленное войско, призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанялъ Печенѣговъ — которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣду и желая снасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ Дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греціи; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ Печенѣговъ. Игорь остановился, и созвавъ дружину свою объявилъ ей желаніе Грековъ. «Когда Царь» — отвѣтствовали вѣрные товарищи Князя Россійскаго — «безъ войны дастъ намъ «серебро и золото, то чего болѣе можемъ «требовать? Извѣстно ли, кто одолѣетъ? «мы ли? они ли? и съ моремъ кто *сольтенъ*? «Подъ нами не земля, а глубина морская: «въ ней общая смерть людямъ.» Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наем-

нымъ Печенѣгамъ разорять сосѣдственную Болгарію, и возвратился въ Кіевъ.

Въ слѣдующій годъ Лакапинъ отправилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россійскій въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условіяхъ :

Г. 944.
Дого-
воръ съ
Грека-
ми.

І. Начало подобное Олегову договору: «Мы отъ рода Русскаго, Послы и гости «Игоревы,» и проч. Слѣдуетъ около пятидесяти Норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или трехъ Славянскихъ ⁽³⁴⁶⁾. Но достойно замѣчаніе, что здѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ *нетіевъ* Игоревыхъ, то есть племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна, и супруги Улѣбовой, Передславы ⁽³⁴⁷⁾. Далѣе: «Мы, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Русскаго, отъ всякаго Княженія, отъ «всѣхъ людей Русскія земли, обновить «ветхій миръ съ Великими Царями Греческими, Романомъ, Константиномъ, Стефаномъ ⁽³⁴⁸⁾, со всѣмъ *Боярствомъ* и со «всѣми людьми Греческими, вопреки Діаволу, ненавистнику добра и *сразждолюбцу*, «на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и «стоитъ міръ. Да не дерзаютъ Русскіе, крещенные и некрещенные, нарушать союза съ «Греками, или первыхъ да осудитъ Богъ «Вседержитель на гибель вѣчную и временную, а вторые да не имутъ помощи отъ

«Бога Перуна; да не защитятся своими щитами;
«да падутъ отъ *собственныхъ* мечей, стрѣлъ и
«другаго оружія; да будутъ рабами въ сей вѣкъ
«и будущій!»

II. «Великій Князь Русскій и Болгаре его да
«отправляютъ свободно въ Грецію корабли съ
«гостями и Послами. Гости, какъ *было устав-*
«*лено*, носили печати серебряныя, а Послы зо-
«лотыя: отнынѣ же да приходятъ съ грамотою
«отъ Князя Русскаго, въ которой будетъ засви-
«дѣтельствовано ихъ мирное намѣреніе, также
«число людей и кораблей отправленныхъ. Если
«же придутъ безъ грамоты, да содержатся подъ
«стражею, доколѣ извѣстимъ о нихъ Князя Рус-
«скаго. Если станутъ противиться, да лишатся
«жизни, и смерть ихъ да не взыщется отъ Князя
«Русскаго. Если уйдутъ въ Русь, то мы, Греки,
«увѣдомимъ Князя объ ихъ бѣгствѣ, да посту-
«питъ онъ съ ними, какъ ему угодно.»

III. Начало статьи есть повтореніе условій,
заклученныхъ Олегомъ подъ стѣнами Константи-
нополя, о томъ, какъ вести себя Посламъ и
гостямъ Русскимъ въ Грецію, гдѣ жить, чего
требовать ⁽³⁴⁹⁾, и проч. — Далѣе: «Гости Рус-
«скіе будутъ охраняемы Царскимъ чиновни-
«комъ, который разбираетъ ссоры ихъ съ Гре-
«ками. Всякая ткань, купленная Русскими, цѣ-
«ною выше 50 *золотниковъ* (или червонцевъ),
«должна быть ему показана, чтобы онъ прило-
«жилъ къ ней печать свою ⁽³⁵⁰⁾. Отправляясь
«изъ Царяграда, да берутъ они съѣстные при-

«пасы и все нужное для кораблей, согласно съ
«договоромъ. Да не имѣють права зымовать у
«Св. Мамы и да возвращаются съ охраненіемъ.

IV. «Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ
«Грецію, или отъ гостей, живущихъ у Св. Ма-
«мы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ его. Если
«онъ не будетъ сысканъ, да клянутся въ бѣг-
«ствѣ его по вѣрѣ своей, Христіане и язычники.
«Тогда Греки дадутъ имъ, *какъ прежде устав-*
«*лено* ⁽³⁵¹⁾, по двѣ ткани за невольника. Если
«рабъ Греческій бѣжитъ къ Россіянамъ съ по-
«кражею, то они должны возвратитъ его и сче-
«сенное имъ въ цѣлости: за что получаютъ въ
«награжденіе два золотника.

V. «Ежели Русинъ украдетъ что-нибудь у
«Грека, или Грекъ у Русина, да будетъ строго
«наказанъ по закону Русскому и Греческому; да
«возвратитъ украденную вещь и заплатитъ цѣну
«ея вдвое.

VI. «Когда Русскіе приведутъ въ Царьградъ
«плѣнниковъ Греческихъ, то имъ за каждого
«братъ по десяти золотниковъ, если будетъ юно-
«ша или дѣвица *добрал*, за середовича восемь,
«за старца и младенца пять ⁽³⁵²⁾. Когда же Рус-
«скіе найдутся въ неволѣ у Грековъ, то за вся-
«каго плѣннаго давать выкупъ десять золотни-
«ковъ, а за купленного цѣну его, которую
«хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ*» (или при-
«сягою).

VII. «Князь Русскій да не присвоиваетъ себѣ
«власти надъ странною Херсонскою и городами

«ея. Когда же онъ, воюя въ тамошнихъ мѣ-
«стахъ, потребуеть войска отъ насъ, Грековъ :
«мы дадимъ ему, сколько будетъ надобно (353).

VIII. «Ежели Русскіе найдутъ у берега ладію
«Греческую, да не обидятъ ее; а кто возметъ
«что-нибудь изъ ладіи, или убіетъ, или порабо-
«титъ находящихся въ ней людей, да будетъ
«наказанъ по закону Русскому и Греческому (354).

IX. «Русскіе да не творятъ никакого зла Хер-
«сонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпра; да
«не зимуютъ тамъ, ни въ Бѣлобережьи, ни у Св.
«Евѣрія (355); но при наступленіи осени да идутъ
«въ дома свои, въ Русскую землю.

X. «Князь Русскій да не пускаетъ Черныхъ
«Болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской.» —
Черною называлась Болгарія Дунайская, въ
отношеніи къ древнему отечеству Болга-
ровъ (356).

XI. «Ежели Греки, находясь въ землѣ Русской,
«окажутся преступниками, да не имѣетъ Князь
«власти наказывать ихъ; но да пріимутъ они
«сію казнь въ Царствѣ Греческомъ.

XII. «Когда Христіанинъ умертвитъ Русина,
«или Русинъ Христіанина, ближніе убійцаго,
«задержавъ убійцу, да умертвятъ его.» — Далѣе
то же, что въ III статьѣ прежняго договора (357).

XIII. Сія статья о побояхъ есть повтореніе
IV статьи Олегова условія.

XIV. «Ежели Цари Греческіе требуютъ вой-
«ска отъ Русскаго Князя, да исполнитъ Князь
«ихъ требованіе, и да увидятъ чрезъ то всѣ

«иныя страны, въ какой любви живутъ Греки съ Русью.

«Сіи условія написаны на двухъ хартіяхъ : одна будетъ у Царей Греческихъ ; другую, ими подписанную, доставятъ Великому Князю Русскому Игорю и людямъ его, которые, принявъ оную, да клянутся хранить истину союза : Христіане въ Соборной церкви Св. Іліи *предлежащимъ честнымъ Крестомъ* и сею хартією ⁽³⁵⁸⁾, «а некрещеные полагая на землю щиты свои, *обручи и мечи обнаженные.*»

Историкъ долженъ въ цѣлости сохранить сіи дипломатическіе памятники Россіи, въ коихъ изображается умъ предковъ нашихъ и самыя ихъ обычаи. Государственныя договоры X вѣка, столь подробныя, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ : они любопытны не только для ученаго Дипломатика, но и для всѣхъ внимательныхъ читателей Исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время; но содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ . . .

Клятвенно утвердивъ союзъ, Императоръ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить Князю Русскому *хартію мира*. Игорь въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ

стоялъ Перуиъ, торжественно обязался хранить дружбу съ Имперією; войны его также, въ знакъ клятвы полагая къ поганъ идола оружіе, щиты и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для Русскихъ язычниковъ. Христіане Варяжскіе присягали въ Соборной церкви Св. Ілліи, можетъ быть древнѣйшей въ Кіевѣ ⁽³⁵⁹⁾. Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе Варяги были тогда уже Христіанами.

Ігорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и пчѣльниками ⁽³⁶⁰⁾, отпустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣщаніями. Онъ дѣйствительно хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. «Мы босы и наги,» говорили воины Ігору: «а Свѣисльдовы Отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. *Поди въ дань съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны.*» *Ходить въ дань* значило тогда обязать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрь мѣсяцъ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля ⁽³⁶¹⁾. Цѣлю сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей.

Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посы-
 лалъ, кажется, Вельможъ и Бояръ, особенно
 Свѣпелда, знаменитаго Воеводу, который, со-
 бирая государственную дань, могъ и самъ обо-
 гащаться, вмѣстѣ съ *Отроками* своими или от-
 борными молодыми воинами, его окружавши-
 ми ⁽³⁶²⁾. Имъ завидовала дружина Игорева, и
 Князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея
 желаніе; отправился въ землю Древлянъ, и за-
 бывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти,
 обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дру-
 жина его — пользуясь, можетъ быть, слабостію
 Князя престарѣлаго — также хотѣла богатства
 и грабила несчастныхъ данниковъ, усмирен-
 ныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже
 Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опре-
 дѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразу-
 мія. Еще недовольный взятою имъ данію, онъ
 вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ ча-
 стію своей дружины возвратиться къ Древля-
 намъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ
 встрѣтили его на пути, и сказали ему: «Князь!
 «мы все заплатили тебѣ: для чего же опять
 «идешь къ намъ?» Ослѣпленный корыстолю-
 біемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные
 Древляне, видя — по словамъ Лѣтописца —
 что надобно умертвить хищнаго волка, или все
 стадо будетъ его жертвою, вооружились подъ
 начальствомъ Князя своего, именемъ Мала;

убіеніе
Игоря.

вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій Историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго Князя къ двумъ деревьямъ, разорвали на-двое ⁽³⁰³⁾.

Игорь въ войнѣ съ Греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: но сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперією; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наследникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая остались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ утвердиться въ сѣдствѣ съ Россією, и не довольствуясь справедливою, то есть умѣренною данію народа ему подвластнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мстилъ Древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но Государь унижается местию долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды. — Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію относится любопыт-

ное извѣстіе современнаго Арабскаго Историка Массуди. Онъ пишетъ, что *Россіяне* идолопоклонники, вмѣстѣ съ Славянами, обитали тогда въ Козарской столицѣ Ателѣ и служили Кагану; что съ его дозволенія, около 912 года, войско ихъ, приплывъ на судахъ въ Каспійское море, разорило Дагестанъ, Ширванъ, но было наконецъ истреблено Магометанами. Другой Арабскій Повѣствователь, Абульфедъ, рассказываетъ, что Россіяне въ 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верстахъ въ семидесяти отъ Ганджи) и возвратились въ свою землю рѣкою Куромъ и моремъ Каспійскимъ. Третій Историкъ Восточный, Абульфарахъ, приписываетъ сіе нападеніе Аламамъ, Лезгамъ и Славянамъ, бывшимъ Кагановымъ данникамъ въ южныхъ странахъ нашего древняго отечества ⁽³⁶¹⁾. Россіяне могли прійти въ Ширванъ Дибромъ, морями Чернымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою (черезъ малую переволоку въ нынѣшней Качалинской Станицѣ) — путемъ дальнимъ, многотруднымъ; но прелесть добычи давала имъ смѣлость, мужество и терпѣніе, которыя, въ самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи, славили имя ея въ Европѣ и въ Азіи.

ГЛАВА VII.

Князь Святославъ.

Г. 945—972.

Правленіе Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святослава, Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ (363). Бѣдственный конецъ родителя, новость Державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Правленіе Ольги. Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнелдъ повелѣвалъ вой-

скомъ (366). Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ многія подробности, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ основаніемъ, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени (367): то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*. — Хитрая
мечь.

«Гордась убійствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, платя дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ Пословъ Древлянскихъ приплыли въ ладіи къ Кіеву (368) и сказали Ольгѣ: Мы убили твоего мужа за его хитрость и грабительство; но Князя Древлянскіе добры и великодушны: ихъ

«земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супру-
 «гою нашего Князя Мала. Ольга съ ласкою
 «отвѣтствовала: Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже
 «не могу воскресить супруга (³⁶⁹)! Завтра ока-
 «жу вамъ всю должную честь. Теперь возвра-
 «тите въ ладію свою, и когда люди мои придутъ
 «за вами, велите имъ нести себя на рукахъ. . .
 «Между тѣмъ Ольга приказала на дворѣ терем-
 «номъ ископать глубокую яму, и на другой день
 «звать Пословъ. Исполняя волю ея, они сказали:
 «не хотимъ ни идти, ни ѣхать: несите насъ въ
 «ладіи! Кіевляне отвѣтствовали: что дѣлать!
 «мы невольники; Игоря нѣтъ, а Княгиня наша
 «хочетъ быть супругою вашего Князя — и по-
 «несли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и
 «смотрѣла, какъ Древляне гордились и велича-
 «лись (³⁷⁰), не предвидя своей гибели: ибо Оль-
 «гины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ
 «яму. Мстительная Княгиня спросила у нихъ,
 «довольны ли они сею честію? Несчастные
 «изъявляли воплемъ раскаяніе въ убійствѣ Игоря,
 «но поздно: Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ
 «землею, и чрезъ гонца объявила Древлянамъ,
 «что они должны прислать за нею еще болѣе
 «знаменитыхъ мужей: ибо народъ Кіевскій не
 «отпуститъ ее безъ ихъ торжественнаго и мно-
 «гочисленнаго Посольства. Легковѣрные неме-
 «дленно отправили въ Кіевъ лучшихъ граж-
 «данъ (³⁷¹) и начальниковъ земли своей. Тамъ,
 «по древнему обычаю Славянскому, для гостей
 «изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда

«Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы
«они варили медъ въ Коростенѣ; что она
«уже идетъ къ нимъ, желая прежде вто-
«раго брака совершить тризну надъ моги-
«лою перваго супруга. Ольга дѣйствительно
«пришла къ городу Коростену, оросила
«слезами прахъ Игоревъ, насыпала высо-
«кій бугоръ надъ его могилою» — донынѣ
«видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣ-
«ста (372) — «и въ честь ему совершила
«тризну. Началось веселое пиршество. *От-*
«*роки* Княгинины угощали знаменитѣй-
«шихъ Древлянъ, которые вздумали нако-
«нецъ спросить о своихъ Послахъ; но удо-
«вольствовались отвѣтомъ, что они будутъ
«вмѣстѣ съ *Игоревою* дружиною (373). —
«Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду омрачило
«головы неосторожныхъ: Ольга удалилась,
«подавъ знакъ войнамъ своимъ — и 5000
«Древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ
«Игоровой могилы.

«Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала г. 940.
«многочисленное войско и выступила съ
«нимъ противъ Древлянъ, уже наказан-
«ныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ
«силою. Оно встрѣтилось съ ними, и мла-
«дѣй Святославъ самъ началъ сраженіе.
«Коніе, брошенное въ непріятеля слабою
«рукою отрока, упало къ ногамъ его коня;
«но Полководцы, Асмудъ и Свѣцельдъ,
«ободрили воиновъ примѣромъ юнаго Ге-

«роя, и съ восклицаніемъ : друзья! станемъ за
«Князя! устремились въ битву. Древляне бѣжали
«съ поля, и затворились въ городахъ своихъ.
«Чувствуя себя болѣе другихъ виновными, жи-
«тели Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ
«отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой
«выдумкѣ. Для чего вы упорствуете? велѣла
«она сказать Древлянамъ : всѣ иные города ваши
«сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обрабаты-
«ваютъ нивы свои : а вы хотите умереть голо-
«домъ! Не бойтесь мщенія : оно уже совершилось
«въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего. Древляне
«предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но
«Княгиня, будто бы изъ великодушія, отреклась
«отъ сей дани и желала имѣть единственно съ
«каждаго двора по три воробья и голубя! Они
«съ радостію исполнили ея требованіе и ждали
«съ нетерпѣніемъ, чтобы войско Кіевское уда-
«лилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго
«вечера, пламя объяло всѣ дома ихъ . . . Хит-
«рая Ольга велѣла привязать зажженный труть
«съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ (374) и пу-
«стить ихъ на волю: онѣ возвратились съ огнемъ
«въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ
«городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастись
«бѣгствомъ и попались въ руки Ольгинымъ вои-
«намъ. Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ
«старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство,
«обложила прочихъ тяжелою данію.»

Такъ рассказываетъ Лѣтописецъ . . . Не удив-
ляемся жестокости Ольгиной : Вѣра и самые

гражданскіе закопы язычниковъ оправдывали месть неумолимую ; а мы должны судить о Герояхъ Исторіи по обычаямъ и правамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Коростень посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ Пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря ⁽³⁷⁵⁾; оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, устанавливая налоги въ пользу казны государственной; жители Коростена должныствовали третью часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ въ ея *собственный Удѣлъ*, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, Героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ Великаго Князя ⁽³⁷⁶⁾: чему увидимъ и другіе примѣры въ нашей древней Исторіи. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на *высокомъ*

Му-
дрость
Ольги-
ва.

берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія. — Ольга, кажется, утѣшила Древлянъ благодареніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ все сѣя памятники — почили и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства (377).

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новгородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на *погосты* или волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благотѣльномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пекова хранили еще *сани* ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими пибудь особенными выгодами, данными ея гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новымъ городомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ Государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признательнаго сына и не менѣе признательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Пестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей Церковной Исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорой или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ Церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ (378). Тамъ Патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а

г. 955.
Креще-
ніе
Ольги.

Константиъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купѣли. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить Княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія ⁽³⁷⁹⁾. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы Княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, Послы Россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константиъ и супруга его, окруженныя придворными и Вельможами, встрѣтили Ольгу: послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго Царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госножами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: *племенику* Княгини дали 30 *миліаризій* — или $2\frac{1}{2}$ червонца ⁽³⁸⁰⁾, — каждому изъ осьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати Пословъ 12, каждому изъ сорока-трехъ купцевъ то же, Священнику или Духовнику Ольгину, пменемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святосла-

вовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 миліаризій. На особенномъ золотомъ столнѣ были поставлены закуски : Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и восемнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми ея; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всеми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ : Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Государи Россійскіе не могли еще бытъ весьма богаты металлами драгоцѣнными ; но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ ⁽³⁸¹⁾.

Къ сему достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, извѣщенный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону Христіанскому, служилъ препятствіемъ

для союза брачнаго между ими. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольга было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою (³⁸²).

Наставленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самимъ Патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ Лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: «Когда Царь вашъ постоитъ у меня на Почаинѣ (³⁸³) столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ» (гавани Константинопольской): «тогда пришлю ему дары «и войско» — съ чѣмъ послы и возвратились къ Императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ невріятливыя впечатлѣнія.

Однакожь Россіяне, во все царствованіе Константина Багрянороднаго, сына его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при дворѣ Императоровъ, въ ихъ

флотъ, войскахъ, и въ 964 году, по сказанію Арабскаго Историка Новайри, сражался въ Сициліи, какъ наемники Грековъ, съ Аль-Гассаномъ, Вождемъ Сарацинскимъ. Россій-
не въ
Сици-
ліи. Константинъ не рѣдко посылалъ такъ называемыя *золотыя буллы*, или грамоты съ золотою печатію ⁽³⁸⁴⁾, къ Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Константина и Романа, къ Россійскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой Вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть Христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: «могу ли «одинъ принять новый Законъ, чтобы дру-
«жина моя посмѣялась надо мною?» На-
прасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ Христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставаа любить его иѣжно, должна была наконецъ умолкнуть

и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына (385).

г. 962-
966.

Характеръ и
подвиги Свя-
тосла-
ва.

Сей Князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное, и съ нетерпѣніемъ юнаго Героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнью онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ холодъ и несчастъ сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, таковы и войны. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами печальнаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!* Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ театромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Опъ покорилъ Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хаца

Козарскаго (³⁸⁶), и грозное свое оружіе обратилъ противъ сего, нѣкогда столь могущественнаго Владѣтеля. Жестокая битва рѣшила судьбу двухъ народовъ. Самъ Каганъ предводительствовалъ войскомъ: Святославъ побѣдилъ и взялъ Козарскую *Бѣлую Везу*, или Саркель, какъ именуютъ ее Византійскіе Историки, городъ на берегу Дона, укрѣпленный Греческимъ искусствомъ (³⁸⁷). Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ*: первые — вѣроятно, нынѣшніе Оссы или Оссетины — будучи Аланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; вторые суть Черкесы, коихъ страна въ X вѣкѣ именовалась *Касахіею*: Оссетины и теперь называютъ ихъ *Касахами* (³⁸⁸). — Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіяне городъ Таматарху, или Фаагорію, и все владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потомъ Княжествомъ Тмутороканскимъ (³⁸⁹), была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Завоеваніе столь отдаленное кажется удивительнымъ; но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона проло-

Взятіе
Бѣлой
Везы.

живъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей Герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмутороканскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества Кагановъ (390).

Г. 967.
Завое-
ваніе
Болга-
ріи.

Неудовольствіе Императора Никифора Фоки на Болгарскаго Царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отметить Болгарамъ за то, что они не хотѣли пренятствовать Венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать Посломъ въ Кіевъ, съ общаціемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россійскому, ежели онъ поидетъ воевать Болгарію. Святославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ (391). Тщетно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россіяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились на берегъ и смяли непріятелей. Города сдались побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ Императора, и жилъ вѣсело въ Бол-

гарскомъ Переяславицѣ (392), не думая о томъ, что въ самое сіе время отечественная столица его была въ опасности.

Печенѣги напали на Россію, зная отсутствіе храбраго Князя, и приступили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра стоялъ Воевода Россійскій, именемъ Претичъ, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая отъ голода и жажды, Кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ ихъ состояніи; вышелъ съ уздою изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его кося? Печенѣги, воображая, что опъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Отрокъ сѣвши къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріатели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него; а Россіяне съ другаго берега выѣхали на встрѣчу и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ сего посланнаго, что изнуренные Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святослава, Воевода рѣшился спасти хотя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтъ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители

Г. 968.
Наше-
ствіе
Пече-
нѣговъ.

Кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со инуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли онъ? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: Воевода Князю щитъ, броню и мечъ. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города (303).

Освобожденные Кіевляне отпраздновали гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною; что свирѣпыя враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе Государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сжался надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый Князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣ-

топнись говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію. — Дерзость Печенѣговъ требовала мести: Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце Героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ Бояръ, онъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ, что г. 969. ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: «ибо въ столицѣ Болгарской, «какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоценности Искусства и Природы (391): Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, Богемцы и Венгры серебро и коней, Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ.» Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизни. «Погреби меня» — сказала она — «и тогда иди, куда хочешь.» Сія слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвертый день скончалась. — Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена Христіанскимъ Священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сыны, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

К о в-
ч е н а
О л ь г и.

Преданію парекло Ольгу Хитрою, Цер-

ковъ *Святою*, *Исторія Мудрою*. Отметивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до времени Ольгиныхъ *воевали*: она правила Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о Посольствѣ ея въ Германію къ Императору Оттону I (398). Можетъ быть, Княгиня Россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдѣлавшись ревностною Христіанкою, Ольга — по выраженію *Историка, денница и луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и приготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Посольство
Россійское въ
Германію.

По кончинѣ матери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе : то есть , перенести столицу Государства на берега Дунайскіе. Кромѣ самолюбивыхъ мечтаній завоевателя, Болгарія дѣйствительно могла правиться ему своимъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣятельной , удобной торговли съ Константинополемъ ; вѣроятно также , что сіе Государство , сопредѣльное съ Имперією , превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи : но для такихъ выгодъ долженствовало ли онъ удалиться отъ своего отечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабією, Молдавією и Валахією, то есть, выгнать оттуда Печенѣговъ , чтобы непрерывною цѣпью завоеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей Князь излишне надѣялся на счастье оружія и на грозное имя побѣдителя Козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу (³⁹⁶) , Древ- г. 970. лянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собственные Князья. Въ то же время Новгородцы, недовольные, можетъ быть, властію Княжескихъ Намѣстниковъ, при- слали сказать Святославу, чтобы онъ далъ

имъ сына своего въ Правители, и грозилъ въ случаѣ отказа избрать для себя особаго Князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними; но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключицы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери Любчанина Малька (397): Новгородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ Князя сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россію. — И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе *давать сыновьямъ особенные Удѣлы*: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

Первые
Удѣлы
въ Рос-
сіи.

Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрышею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля (398). Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіяны. Долговременное кровопролитное сраженіе клонилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: *братья и дружина! узиремъ, но узиремъ съ твердостію и мужествомъ!* напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе утвер-

В то-
ричное
заное-
ваніи о
Болга-
ріи.

днѣ его знатный Грекъ, именемъ Калокиръ ⁽³⁹⁹⁾, самый тотъ, который отъ Императора Никифора былъ Посломъ у Святослава. Калокиръ съ помощію Россіянъ надѣялся свергнуть Государя своего съ престола и царствовать въ Константинополѣ: за что обѣщаль имъ уступить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — Между тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію надъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ся Царя, именемъ Борису, украшаться знаками Царскаго достоинства ⁽⁴⁰⁰⁾.

Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ Цимискій ⁽⁴⁰¹⁾, тогдашній Императоръ, предлагая сему Князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ гордостію отвѣтствовалъ, что скоро будетъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдственной участи пенасытнаго Игоря, сталъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной войны Несторъ и Византійскіе Историки несогласны: первый отдастъ честь и славу побѣды Князю Россійскому, вторые Императору — и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что

Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горетію воиновъ, идти назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческіе Историки описываютъ все обстоятельство подробнѣе, яснѣе, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія.

Война
съ Цп-
ми и с-
бленъ.

Великій Князь (говорятъ они), къ Русской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ, — Венгровъ и Печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Фракію и до самаго Адрианополя опустошилъ ея селенія (402). Варда Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключился въ семь городѣ, и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ удалось ему хитростію разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ Княземъ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей *Скиѣскихъ*.

Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: «Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ

знать число его витязей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплатить ему дань. Великій Князь объявилъ у себя 20,000 человекъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которые со всѣхъ сторонъ окружили Россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: *Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамятъ отечества, но ляжемъ здѣсь костью* (⁴⁰³): *мертвымъ нестыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!* Воины его, пріученные не бояться смерти и любить Вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: *наши головы лягутъ вмѣстѣ съ твоею!* вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки не устояли: обратили тылъ, разсѣялись — и Святославъ шелъ къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія.» Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ Несторова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. «Цимскій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи призывалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился *искусить* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоценными; отправилъ ихъ съ человекомъ хитрымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей Князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и

равнодушно сказалъ Отрокамъ своимъ : *возмите*. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимскій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была пазначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію.» Греки не имѣли нужды *искушать* Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ Виг. 971. зантійскимъ, самъ Цимскій выступилъ изъ Константинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе Россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь ко трону злодѣйствомъ, умертвивъ Царя Никифора, но правилъ Государствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолобіе, а вторыхъ приу-

чить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для тѣхъ и другихъ. — На пути встрѣтили Императора Послы Россійскіе, которые хотѣли единственно узнать силу Грековъ. Иоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть станъ Греческій, и возвратиться къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назадъ, Императоръ съ отборными ратниками, съ Легиономъ такъ называемыхъ *Бѣзсмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты ⁽⁴⁰¹⁾, явился печаянно подъ стѣнами Переяславца и началъ на 8,000 Россіянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученіемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожь побѣда весьма дорого стояла Грекамъ, и Цимискій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего остаткаго войска. Какъ скоро оно пришло, Греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ Россійскій Полководецъ Сфенкалъ. Самъ Князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимискій не далъ Святославу времени освободить ее: тщетно предлагавъ Россія-

намъ сдаться, опъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, только именемъ Царь Болгарскій, достался Грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами: Императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя — какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ Россіянъ (405).

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оружіемъ своимъ пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступить отчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимискій велѣлъ зажечь дворецъ, и Россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятіи Болгарской столицы, не показавъ воинамъ своимъ ни страха, ни огорченія, и спѣшилъ только встрѣтить Цимискія, который со всѣми силами приближался къ Доростолу, или нынѣшней Силистріи. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимискій и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и побѣдѣ — каждый ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубъ началось кровопролитіе. Отъ перваго стремительнаго удара Грековъ поколебались ряды Святославовы; но вновь устроенные Княземъ, сомкнулись твердою стѣною и разили

непріятелей. До самаго вечера счастье ласкало ту и другую сторону; *дванадцать* разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. Цимскій велѣлъ распустить священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ конія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ *отступилъ* къ Доростолу и вошелъ въ сей городъ ⁽⁴⁰⁶⁾.

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окончилъ стѣны глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками тревожилъ станъ Грековъ. Россіяне (ищутъ Византійскіе Историки) оказывали чудесное остервененіе, и думалъ, что убитый *непріятелемъ* долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердце, когда уже не могли спастись: ибо хотѣли тѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни ⁽⁴⁰⁷⁾. Самые жены ихъ ополчались и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимскіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубали сего знатнаго садовника и съ великимъ

торжествомъ выставили голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали тылъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостію, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь тѣла друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Свенкалъ, Икмортъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестію Вельможа) пали въ рядахъ непріятельскихъ. Сверхъ того Россіяне, стѣсненные въ Доростола и лишенные всякаго сообщенія съ его плодородными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную, бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ сѣлъ на лодки, при блескѣ молніи обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пища и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсѣянныхъ по берегу толпы непріятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіяне вышли изъ лодокъ, нанали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани. — Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастье совсѣмъ оставило Россіянь. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственныя волею и неволею держали сторону Грековъ, ибо страшилась Цимискія. Водны Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ того Греки имѣли во всемъ изобиліе, и новыя Легіоны приходили къ нимъ изъ Константинополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спастись бѣгствомъ въ почное время; другіе совѣтовали просить мира у Грековъ, не видя иного способа возвратиться въ отечество; наконецъ все думали, что войско Россійское уже не въ силахъ бороться съ непріятелемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотѣлъ еще испытать счастье оружія. «Погибнетъ» — сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ — «погибнетъ слава Россіянь, если нынѣ устранимъ смерти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ, которые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, до селѣ ужасаемыхъ именемъ Русскимъ ⁽⁴⁰⁸⁾? На селѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, непобѣдимые, завоеватели многихъ странъ и племенъ, или побѣдимъ Грековъ, или падемъ съ честію, совершивъ дѣла великія!» Тронутое всею рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность

геройства — и на другой день все войско Россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Святославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возвращеніи въ Доростолъ. Сраженіе началось утромъ : въ полдень Греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле притворнымъ бѣгствомъ ; но и сія хитрость не имѣла успѣха : глубокая почъ развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить утомительную войну единоборствомъ съ Княземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ : «Я лучше врага своего знаю, чѣмъ мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нее избавиться: Цимискій «да избираетъ любой!» За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ витязей, именемъ Анемасъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя и сильнымъ ударомъ въ

голову сшибъ его съ коня ; но шлемъ защитилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава : страшный вѣтръ поднялся съ Юга , и дуя прямо въ лице Россіянамъ , ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они должны были прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствию : они рассказывали другъ другу, будто бы Св. Осодоръ Стратилать явился впереди ихъ войска, и разъѣжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе (⁴⁰⁹).

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ , большею частию раненныхъ , и самъ уязвленный , рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложениемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. «Возмемъ ихъ,» сказалъ Великій Князь дружинѣ своей : «когда же будемъ недовольны Греками , то , собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду.» Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ , не сказавъ ни слова о счастливыхъ успѣхахъ Греческаго оружія (⁴¹⁰). Византійскіе Историки говорятъ, что Цимискій, позволяя Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополь , приволнулъ съ великодушною гордостію : «Мы Греки любимъ побѣж-

«дать своихъ непріятелей не столько ору-
«жіемъ сколько благодаріями.» Импера-
торскій Вельможа Теофанъ Сникель и Рос-
сійскій Воевода Свѣпельдъ именемъ Госу-
дарей своихъ заключили слѣдующій дого-
воръ, который находится въ Несторовой
лѣтописи, и также ясно доказываетъ, что
успѣхъ войны былъ на сторонѣ Грековъ :
ибо Святославъ, торжественно обязываясь
на все полезное для Имперіи, не требуетъ
въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ ⁽⁴¹¹⁾.

Дого-
воръ съ
Гре-
ками.

«Мѣсяца Іюля, Индикта XIV, въ лѣто
«6479, я Святославъ, Князь Русской, по
«данной мною клятвѣ, хочу имѣть до конца
«вѣка миръ и любовь совершенную съ Ци-
«мискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ,
«съ Васи́лемъ и Константиномъ, Боговдо-
«хновенными Царями ⁽⁴¹²⁾, и со все́ми
«людьми вашими, обѣщаясь именемъ все́хъ
«сущихъ подо мною Россіянъ, Бояръ и
«прочихъ, никогда не помышлять на васъ,
«не собирать моего войска и не приводить
«чужеземнаго на Грецію, область Херсон-
«скую и Болгарію. Когда же иные враги
«помышлятъ на Грецію, да буду ихъ вра-
«гомъ и да борюсь съ ними. Если же я или
«сущіе подо мною не сохраняютъ сяхъ пра-
«выхъ условій, да имѣемъ клятву отъ Бога,
«въ коего вѣруемъ : Перуна и Волоса, бога
«скотовъ. Да будемъ желать какъ золото,
«и собственнымъ нашимъ оружіемъ изстѣ-

«чены» (113). Въ удостовѣреніе чего напи-
сали мы договоръ на сей хартіи и своими
«печатами запечатали.» Утвердивъ миръ,
Императоръ снабдилъ Россіянъ съѣстными
припасами (414); а Князь Россійскій желалъ
свиданія съ Цимискіемъ. Сія два Героя,
знакомые только по славнымъ дѣламъ
своимъ, имѣли, можетъ быть, равное лю-
бопытство узнать другъ друга лично. Они
впѣлись на берегу Дуная. Императоръ,
окруженный *златоносными* всадниками, въ
блестящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ:
Святославъ въ ладіи, въ простой бѣлой
одеждѣ, и самъ гребя весломъ. Греки смо-
трѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ
сказанію, онъ былъ средняго роста, и до-
вольпо строенъ, по мраченъ и дикъ ви-
домъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую,
голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій,
длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ
одниъ клокъ волосовъ, въ знакъ его бла-
городства; въ ухѣ висѣла золотая серьга,
украшенная двумя жемчужинами и руби-
номъ. Императоръ сошелъ съ коня: Свя-
тославъ сидѣлъ на скамѣ въ ладіи. Они
говорили — и разстались друзьями.

Наруж-
ность
Свято-
славовъ.

Но сія дружба могла ли быть искреннею?
Святославъ съ воинами малочисленными,
утружденными, предпріялъ обратный путь
въ отечество на ладіяхъ, Дунаемъ и Чер-
нымъ моремъ; а Цимискій въ то же время

отправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которые должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили Россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они прижились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя политика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ на-долго въ покоѣ, едва ли не сами Греки наставили Печенѣговъ воспользоваться слабостію Россійскаго войска. Несторъ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнелдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги: Князь не принявъ его совѣта, и рѣшился зимовать г. 972. въ Бѣлобережьи, при устьѣ Днѣпра, гдѣ Россіяне должны были терпѣть во всемъ недостатокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадиную го-

лову (⁴¹⁵). Можеть быть Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ отечество. Не смотря на малое число изпуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъ нагъ въ битвѣ. Князь ихъ, Куря, отрубивъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу (⁴¹⁶). Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнелдомъ, и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о гибели Святослава.

Конецъ
на Свя-
тосла-
ва.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней Исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнью съ Героями Пѣнопѣвца Гомера, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изпурительные и все ужасное для нѣги, показавъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во все времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не есть примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца заслуживаетъ укоризну Историка.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ пишетъ Несторъ — былъ еще слабымъ

отрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственныя.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 972—980.

Междоусобице Князей. Первые дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Братоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи.

г. 973. По смерти Святослава Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владиміръ въ Новѣгородѣ. Единоедержавіе пресѣклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ Удѣлами своихъ братьевъ⁽⁴¹⁷⁾. Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды былъ славный Воевода Свѣисельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына
г. 973. его, именемъ Люта, встрѣтись съ нимъ на ловлѣ въ своемъ владѣніи: причина доста-

точная, по тогдашнимъ грубымъ правамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнелдъ, желая отмстить ему, убѣдилъ Ярополка идти войною на Древлянскаго Князя и соединить область его съ Кіевскою.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спастись бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручъ: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ, и столкнули своего Князя въ глубокій ровъ (418). Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъяснилъ раскаяніе и съ горестію указывал на мертвого, сказалъ Свѣпелду: *того ли хотѣлось тебѣ? . .* Могила Олегова въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ Князей Владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ Мавзолеемъ.

г. 977.
Междо-
усобице
К н я -
зей.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти

Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной. — Владиміръ, Князь Новгородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, устранился Ярополкова властолюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ : отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣстниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался Государемъ Единодержавнымъ въ Россіи ⁽⁴¹⁹⁾.

П е р-
выи дѣ-
я н і я
Влади-
міровы.

Но Владиміръ некалъ между тѣмъ спо-
соба возвратиться съ могуществомъ и сла-
вою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ
отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Ва-
ряжской; участвовалъ можетъ быть, въ
смѣлыхъ предиріятіяхъ Нормановъ, кото-
рыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ
Европейскихъ и храбрость ужасала всѣ
страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ
собралъ многихъ Варяговъ подъ свои зна-
мена; прибылъ съ сею надежною дружиною
г. 980. въ Новгородъ, смѣнилъ Посадниковъ Яро-
полковыхъ, и сказалъ имъ съ гордостію :
«идите къ брату моему : да знаетъ онъ,
что я противъ него вооружаюсь, и да го-
товится отразить меня!»

Въ области Полоцкой, въ землѣ Криви-
чей, господствовалъ тогда Варягъ Рогво-
лодъ, который пришелъ изъ-за моря, вѣ-
роятно, для того, чтобы служить Великому

Князю Россійскому, и получилъ отъ него въ Удѣлъ сію область ⁽⁴²⁰⁾. Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, готовясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ Пословъ требовалъ ея руки; но Рогнеда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы ⁽⁴²¹⁾: ибо мать Владимірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную мсть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины Варяжской, Славянъ Новгородскихъ, Чуди и Кривичей: сии три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву, и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами ⁽⁴²²⁾, Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному Воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. «Желаю твоей помощи,» велѣлъ сказать ему Владиміръ: «ты будешь мнѣ вторымъ отцемъ, когда не станетъ Ярополка. Онъ самъ началъ братоубійства: «я вооружился для спасенія жизни своей.»

Брѣкъ
Владиміръ

Гнусный любимецъ не усомнился предать Государя и благодѣтеля: совѣтовалъ Владиміру обступитъ городъ, а Ярополку удаляться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ Кіевлянъ, онъ увѣрилъ Князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владиміра. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Росъ впадаетъ въ Днѣпръ (¹²³). Кіевляне, оставленные Государемъ, должны были покоряться Владиміру, который спѣшилъ осадить брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: *бѣда аки въ Роднѣ*. Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего Князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и горестный Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: «да будетъ по твоему совѣту! возьму что уступитъ мнѣ братъ.» Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнится, и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во все времена, варварскія и просвѣщенныя, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: то во все же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ *Варязко* (да сохранить Исторія память его!) который говорилъ ему: «не ходи, Государь, къ брату; ты погибнешь. Оставь

«Россію на время, и собери войско въ
«землѣ Печенѣговъ.» Но Ярополкъ слу-
шалъ только изверга Блуда, и съ нимъ
отправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ ожи-
далъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава.
Предатель ввелъ легковѣрнаго Государа
своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ
разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дру-
жина Княжеская не могла войти за ними:
тамъ два наемника, племени Варяжскаго, Брато-
убій-
ство. пронзили мечами грудь Ярополкову . . .
Вѣрный слуга, который предсказалъ ги-
бель сему несчастному, ушелъ къ Печенѣ-
гамъ, и Владиміръ едва могъ возвратить
его въ отечество, давъ клятву не мститъ
ему за любовь къ Ярополку (⁴²¹).

Такимъ образомъ старшій сынъ знаме-
нитаго Святослава, бывъ 4 года Кіевскимъ
Владѣтелемъ и 3 года Главою всей Россіи,
оставилъ для Исторіи одну память добро-
душнаго, но слабаго человѣка. Слезы его
о смерти Олеговой свидѣлствуютъ, что
онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе
снова присоединить къ Кіеву область Древ-
лянскую казалось согласнымъ съ государ-
ственной пользою. Самая довѣренность
Ярополкова къ чести Владиміровой изъяс-
ляетъ доброе, всегда неподозрительное
сердце; но Государь, который дѣйствуетъ
единственно по внушенію любимцевъ, не
умѣя ни защитить своего трона, ни уме-

реть Геросмъ, достойнъ сожалѣнія, а по власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, плѣнницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ ⁽⁴²⁵⁾, но сватался за Рогнѣду : слѣдственно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Послы
Россій-
скіе въ
Герма-
ніи.

Въ княженіе Ярополка , въ 973 году, по извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго ⁽⁴²⁶⁾, находились въ Кведлинбургѣ, при Дворѣ Императора Оттона, *Послы Россійскіе* : за какимъ дѣломъ? неизвѣстно ; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Владиміръ, назван-
ный въ крещеніи Василиемъ.

Г. 980—1014.

Хитрость Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Женолюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радичичей. Камская Болгарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Строеніе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пиръ Владиміровъ. Милосердіе. Осада Бѣлагограда. Бунтъ Ярославъ. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри.

Владиміръ съ помощію злодѣянія и хра- г. 980.
брыхъ Варяговъ овладѣлъ Государствомъ;
но скоро доказалъ, что онъ родился быть
Государемъ великимъ.

Сіи гордые Варяги считали себя завое- х и т-
вателями Кіева и требовали въ дань съ рость
каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ Влад-
не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, а манлъ міра.
ихъ обѣщаніями до самаго того времени,
какъ они, по взятымъ съ его стороны мѣ-
рамъ, уже не могли быть страшны для сто-
лицы. Варяги увидѣли обманъ; но видя

также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ, съ радостію отпустивъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ, и роздалъ имъ многіе города въ управленіе ⁽⁴²⁷⁾. Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ Варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

усердіе къ
вдолю-
поклон-
ству

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою, и поставилъ его, близъ *теремнаго двора*, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами ⁽⁴²⁸⁾. Тамъ, говоритъ Лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля осквернялась кровію жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ: ибо и самая Вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымгородомъ, также поставилъ на берегу Волхова, богатый кумиръ Перуцовъ.

Но сія Владимірова набожность не пре-

ийтствовала ему утопать въ наслажденіяхъ Жено-
любѣ.
чувственныхъ. Первою его супругою была
Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Яро-
слава, Всеволода и двухъ дочерей; умерт-
вивъ брата, онъ взялъ въ паломницы свою
беременную невѣстку, родившую Свято-
полка (¹²⁹); отъ другой законной супруги,
Чехини или Богемки, имѣлъ сына Выше-
слава; отъ третьей Святослава и Мстисла-
ва; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи,
Вориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣ-
рить лѣтописи, было у него 300 наложницъ
въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣло-
городкѣ (близъ Кіева), и 200 въ селѣ Бе-
рестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица
страшилась его любострастнаго взора: онъ
презиралъ святость брачныхъ союзовъ и
невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ
называетъ его вторымъ Соломономъ въ
жестокостяхъ.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями
древнихъ и новыхъ временъ любя женъ, г. 981.
любилъ и войну. Польскіе Славяне (¹³⁰),
Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, по-
добно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе
ихъ прибѣгнули къ Единовластію. Мечи-
славъ, Государь знаменитый въ Исторіи
введеніемъ Христіанства въ землѣ своей,
правилъ тогда народомъ Польскимъ: Вла-
диміръ объявилъ ему войну, съ намѣре-
ніемъ, кажется, возвратить то, что было

Завое-
ваніе
Гали-
ціи.

г. 982-
983.

еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ Государству Польскому. Онъ взялъ города *Червень* (близъ Хелма), *Перемышль* и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались *Червенскими* (⁴³¹). Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну *Ятвяговъ*, дикаго, но мужественнаго народа *Латышскаго*, обитавшаго въ лѣсахъ между *Литвою* и *Польшею*. Далѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго *Бальтійскаго моря*: ибо *Ливонія*, по свидѣтельству *Стурлезона*, *Лѣтписца Неландскаго*, принадлежала *Владиміру*, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между *Курляндією* и *Финскимъ заливомъ* (⁴³²).

Первое
Хрп-
стіан-
скіе му-
ченія

Увѣнчанный побѣдою и славою, *Владиміръ* хотѣлъ принести благодарность идоламъ, и кровію человѣческою обогреть олтари. *Сенонія* совѣтъ *Бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ *Кіевскихъ* надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ— и жребій палъ на юнаго *Варяга*, прекраснаго лицомъ и душою, коего отецъ былъ *Христіаниномъ* (⁴³³). Посланцы отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовью къ сыну и нена-

вистію кь такому ужасному суевѣрію, онъ <sup>въ Кіе-
вѣ.</sup> началъ говорить пмъ о заблужденіи языч-
никовъ, о безуміи кланяться тлѣнному де-
реву вмѣсто живаго Бога, вѣчнаго Твор-
ца неба, земли и человека. Кіевляне тер-
пѣли Христіанство; но торжественное ху-
леніе Вѣры ихъ произвело всеобщій мя-
тежъ въ городѣ. Народъ вооружился, раз-
металъ дворъ Варяжскаго Христіанина и
требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за
руку, съ твердостію сказалъ: «ежели идо-
лы ваши дѣйствительно боги, то пусть
«они сами извлекутъ его изъ моихъ объя-
«тій.» Народъ, въ изступленіи ярости,
умертвилъ отца и сына, которые были та-
кимъ образомъ первыми и послѣдними му-
чениками Христіанства въ языческомъ Кіе-
вѣ. Церковь наша чтитъ ихъ Святými
подъ именемъ Θεодора и Іоанна (¹³¹).

Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми <sup>г. 984.
Будуть
Радн-
ичей.</sup> побѣдами доказать свое мужество и сча-
стіе. Радимичи, спокойные данники Вели-
кихъ Князей со временъ Олеговыхъ, взду-
мали объявить себя независимыми: онъ
рѣшилъ наказать ихъ. Храбрый Воевода
его, прозваніемъ *Волчій Хвостъ*, началь-
никъ передовой дружины Княжеской, встрѣ-
тился съ ними на берегахъ рѣки *Пицаны*,
и на-голову побилъ мятежниковъ (¹³⁵); они
смирнились и съ того времени (именно Не-

сторь) вошло на Руси въ поговорку : *Ра-
димичи волчья хвоста бѣгаютъ.*

На берегахъ Волги и Камы издревле оби-
г. 985. тали Болгары, или, можетъ быть, пересели-
вшись туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ,
не хотѣвъ повиноваться Хану Козарско-
му (436). Въ теченіе времени они сдѣлались
народомъ гражданскимъ и торговымъ;
имѣли сообщеніе, посредствомъ судоход-
ныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ
море Каспійское съ Персіею и другими бо-
гатыми Азіатскими странами. Владиміръ,
желая завладѣть Камскою Болгаріею, от-
правился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ
съ Новгородцами и знаменитымъ Добры-
нею; берегомъ шли конные *Торки*, союз-
ники или наемники Россіянкъ. Здѣсь въ
первый разъ упоминается о семъ народѣ,
единоплеменномъ съ Туркоманами и Нече-
нѣгами (437) : онъ кочевалъ въ степяхъ на
юго-восточныхъ границахъ Россіи, тамъ
же, гдѣ ежилась Орда Неченѣжскія. Ве-
ликій Князь побѣдилъ Болгаровъ; но му-
дрый Добрыня, по извѣстію Лѣтописца,
осмотрѣвъ плѣнниковъ, и видя ихъ въ
сапогахъ, сказалъ Владиміру : «они не за-
хотятъ быть нашими данниками : пойдемъ
лучше искать *лапотниковъ!*» Добрыня мыс-
лилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе
причинъ и средствъ обороняться. Влади-
міръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ

К а м-
с к а я
Бога-
рія.

Торки.

съ Болгарами, которые торжественно обѣщались жить дружелюбно съ Россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: «развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, когда камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ (⁴³⁸).» — Ежели не съ данію, то по крайней мѣрѣ съ честію и съ дарами Великій Князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Рогнеда, названная по ея горестямъ *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо Великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище уединенное на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножомъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ее, ни бѣднаго младенца, Изяслава. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою, и сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой хранищѣ, ждать

Отчая-
нію Го-
рисла-
вы.

смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступилъ въ сію храмину . . . Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнидою, подалъ ему мечъ обнаженный и сказалъ: «ты не «одишь, о родитель мой! сынъ будетъ сви- «дѣтелемъ» (439). Владиміръ, бросивъ мечъ на землю, отвѣтствовалъ: «кто зналъ, что «ты здѣсь!» . . . удалился, собралъ Бояръ и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» ска- зали они: «спрости виновную для сего «младенца, и дай имъ въ Удѣлъ бывшую «область отца ея.» Владиміръ согласился: построишь новый городъ въ нынѣшней Витебской Губерніи, и назвавъ его *Изяславлеми*, отправилъ туда мать и сына (440).

Супру-
жество
Владв-
міра и
преще-
віе
Россіи.

Теперь приступаемъ къ описанію важ- нѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ Исторіи . . . Не- исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость она- го, почти въ одно время съ землями сосѣд- ственными: Венгрією, Польшею, Швецією, Норвегією и Данією. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной Вѣры: ибо Главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обраще- нію язычниковъ.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ,

что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законопиковъ, склонялъ Владиміра къ принятію Вѣры своей, и что Великій Князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы Государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества — искать истины въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ ⁽⁴¹¹⁾. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ Гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго Князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино, сказалъ онъ, есть сеселіе для Русскихъ; не можемъ быть безъ него.* — Послы Нѣмецкихъ Католиковъ говорили ему о величій невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы* ⁽⁴¹²⁾. Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? «Въ Іерусалимѣ,» отвѣтствовали про-

повѣдники : «но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ.» И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ? сказалъ Владиміръ : мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества. — Наконецъ, безымянный Философъ ⁽⁴⁴³⁾, присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, рассказалъ Владиміру все содержаніе Библии, Вѣтхаго и Новаго Заветъ : Исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избранныаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку ⁽⁴⁴⁴⁾. Пораженный сими зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ : «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» *Крестися*, отвѣтствовалъ Философъ — *и будешь въ раю съ первыми.*

Аѳѳонисецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники Вѣры должныствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и не рѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ

разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, Вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ей предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ цовости, но не могла удовлетворять сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богъ создателя и правителя вселенныя, вѣжнаго отца людей, енисходятельнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ Философа съ да- г. 987.
рами и съ великою честію, собралъ Бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали Бояре и старцы: «всякой «человѣкъ хвалитъ Вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ «людей въ разныя земли, испытать, который народъ достойнѣе покланяется Боже- «ству»—в Великій Князь отправилъ *десять*

благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные (⁴⁴⁵), моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія и красоты*; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести Нословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ (⁴⁴⁶), облаченный въ Святительскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣніе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатая одежды служебныя, убранство охтарей, красота живописи, благоуханіе ошміама, сладостное пѣніе Кливроса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянь; имъ казалось, что самъ Всевышній обѣщаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: «всякой чesловѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ Вѣру Греческую, не хотимъ иной.» Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и старцевъ. «Когда бы Законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣй-

«шая всѣхъ людей, не вздумала бы принять «его.» Великій Князь рѣшился быть Христіанномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра, и по тому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго Посольства въ страну Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго* ⁽⁴¹⁷⁾.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе ⁽⁴¹⁸⁾; но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Великій

г. 988. Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя ⁽⁴⁴⁹⁾. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со времени Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лѣтписецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, что-

бы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства ⁽⁴⁵⁰⁾. Къ счастью, нашлся въ городѣ доброжелатель Владиміру, пменемъ Анастасъ : сей человекъ пустилъ къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью : *за вами , къ Востоку, находятся колодези , дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы ; вы можете отнять ее*. Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ ⁽⁴⁵¹⁾, и велѣлъ перекопать водоводы (кои хъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ объявилъ Императорамъ, Василю и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь ⁽⁴⁵²⁾. Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка : Воспачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сія обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ ⁽⁴⁵³⁾. Василий и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ,

отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть имъ зятемъ ; что принявъ Вѣру Христіанскую, онъ получитъ и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась : супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокиѣмъ яльномъ ⁽⁴⁵⁴⁾ и ненавѣстиѣе смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками : тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть ; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Святитель возложилъ на него руку ⁽⁴⁵⁵⁾. Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили Великій Князь и псевста его). Херсонскій Митрополитъ и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благо-

словенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя : ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ Имперіи (¹⁵⁶).

Сего не довольно : Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане спосили пѣ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ (¹⁵⁷). Въсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ ; въсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ (¹⁵⁸), въ знакъ любви своей къ художествамъ (сѣи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству : одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ

Дигиръ (⁴⁵⁹). Чтобы усердные язычники не извлекали плота изъ рѣки, воины Княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію сусвѣрія : ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы все люди Русскіе, Вѣльможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься (⁴⁶⁰) — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Дигира, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее старой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку (⁴⁶¹) : большіе стояли въ водѣ по грудь и шею ; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ ; Іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился ; когда Священный Соборъ нарекъ всехъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами : тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву : «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго ; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь миѣ помощію въ

«искушеніяхъ зла, да восхваляю достойно «святое имя Твое!» . . . Въ сей великій день, говоритъ Лѣтописецъ, земля и небо ликова-
вали.

Скоро знаменія Вѣры Христіанской, при-
нятой Государемъ, дѣтьми его ⁽⁴⁶²⁾, Вель-
можамъ и народомъ, явились на развали-
нахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и
жертвенники Бога истиннаго заступили мѣ-
сто идольскихъ требницъ. Великій Князь
соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь
Св. Василя ⁽⁴⁶³⁾, на томъ мѣстѣ, гдѣ
стоялъ Перунъ, и призывалъ изъ Констан-
тинополя искусныхъ зодчихъ для строенія
храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ,
гдѣ въ 983 году пострадалъ за Вѣру благо-
честивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ
ревностные служители оltарей, Священ-
ники, проповѣдывали Христа въ разныхъ
областяхъ Государства. Многіе люди кре-
стились, разсуждая безъ сомнѣнія такъ же,
какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привя-
занные къ Закону древнему, отвергали но-
вый: ибо язычество господствовало въ
нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII
вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, при-
нуждать совѣсти; но взялъ лучшія, надеж-
нѣйшія мѣры для истребленія языческихъ
заблужденій: онъ старался просвѣтити Рос-
сіянъ. Чтобы утвердить Вѣру на знаніи
книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ

г. 988-
990.

переведенныхъ на Славянской языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Раздѣ-
леніе
Госу-
дара
ства.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ (⁴⁶¹). Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ Государство на области, и далъ въ Удѣлъ Вышеславу Новгородъ (⁴⁶⁵), Изяславу Полоцкъ, Ярославъ Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владиміръ Вольнской (⁴⁶⁶), Мстиславу Тмуторокань или Греческую Таматарху, завоевавшую, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣломъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ отъ имени Варяга Тура, повелѣвавшего иѣ-

когда сею областію (⁴⁶⁷). Владиміръ отпра-
вилъ малолѣтнихъ Князей въ назначенный
для каждаго Удѣль, поручивъ ихъ до со-
вершеннаго возраста благоразумнымъ пѣ-
стунамъ. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ
раздробить Государства и далъ сыновьямъ
одни права своихъ Намѣстниковъ; но ему
надлежало бы предвидѣть слѣдствія необ-
ходимыя по его смерти. Удѣльный Князь,
повинаясь отцу, самовластному Государю
всей Россіи, могъ ли столь же естественно
повиноваться и наслѣднику, то есть брату
своему? Междоусобіе дѣтей Святославо-
выхъ уже доказало противное; но Влади-
миръ не воспользовался симъ опытомъ :
ибо самые великіе люди дѣйствуютъ со-
гласно съ образомъ мыслей и правилами
своего вѣка.

Желая удобнѣе образовать народъ и за-
щитить южную Россію отъ грабительства
Печенѣговъ, Великій Князь основалъ но-
вые города по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Тру-
бежу, Сулѣ, Стугнѣ, и поселилъ ихъ Строе-
ніе го-
родовъ.
Новгородскими Славянами, Кривичами,
Чудью, Вятичами (⁴⁶⁸). Укрѣпивъ Кіевскій
Бѣлгородъ стѣною, онъ перевелъ туда
многихъ жителей изъ другихъ городов :
ибо отменно любилъ его, и часто жилъ г. 990.
въ ономъ.

Война съ Хорватами, обитавшими (какъ
думаемъ) на границахъ Седмиградской об- г. 993.

Войво
съ Хор-
ватами
и Пече-
нѣга-
ми.

ласти и Галиціи (⁴⁶⁹), отвлекла Владиміра отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончивъ ее, миромъ или побѣдою, опъ свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій Князь встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа: при чемъ Лѣтوپисецъ рассказываетъ слѣдующую повѣсть :

«Войско Печенѣговъ стояло за рѣкою :
«Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ
«и предложилъ ему рѣшить дѣло поедин-
«комъ между двумя, съ обѣихъ сторонъ
«избранными богатырями. Ежели Русской
«убьетъ Печенѣга , сказалъ онъ , то обяза-
«ваемся три года не воевать съ вами : а
«ежели наши побѣдитъ , то мы воины три
«года опустошатъ твою землю. Владиміръ
«согласился, и велѣлъ Бирючанинъ или Ге-
«рольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охот-
«никовъ для поединка (⁴⁷⁰) : не сыскалось
«ни одного, и Князь Россійскій былъ въ
«горести. Тогда приходитъ къ нему ста-
«рецъ и говоритъ : Я вышелъ въ поле съ че-
«тырьмя сынами , а меньшій остался дома.
«Съ самаго дѣтства никто не могъ одо-
«лжать его. Однажды, въ сердцѣ на меня,
«онъ разорвалъ на-двое толстую воловую
«кожу. Государь! вели ему бороться съ Пе-
«ченѣгомъ. Владиміръ немедленно послалъ
«за юношею, который для опыта въ силѣ

«своей требовалъ быка дикаго; и когда
«звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ го-
«рячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей
«богатырь одною рукою вырвавъ у него
«изъ боку кусокъ мяса. На другой день
«явился Печенѣгъ, великанъ страшный, и
«видя своего малорослаго противника, за-
«емѣлся. Выбрали мѣсто: единоборцы
«схватились. Россіянинъ крѣпкими мыш-
«цами своими давилъ Печенѣга, и мерт-
«ваго ударилъ объ землю. Тогда дружина
«Княжеская, воскликнувъ побѣду, броси-
«лась на уstraшенное войско Печенѣговъ,
«которое едва могло снастися бѣгствомъ.
«Радостный Владиміръ въ память сему слу-
«чаю заложилъ на берегу Трубежа городъ,
«и называлъ его *Переяславлемъ*: ибо юноша
«Русской *перелазъ* у враговъ *славу* (⁴⁷¹). Ве-
«ликій Князь, наградивъ витязя и старца,
«отца его, саномъ Бодрекимъ, возвратился
«съ торжествомъ въ Кіевъ.» Поединокъ
можетъ быть истиною; но обстоятельство,
что Владиміръ основалъ Переяславль, ка-
жется сомнительнымъ: ибо о семъ городѣ
упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ
съ Греками въ 906 году (⁴⁷²).

Россія года два или три наслаждалась г. 994-
потомъ тишиною. Владиміръ, къ великому 996.
своему удовольствію, видѣлъ наконецъ со- ц е р-
вершеніе каменнаго храма въ Кіевѣ, по- ковъ
священнаго Богоматери, и художествомъ Де сл-
тивод.

Грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ олтаремъ Всевышняго : «Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда «молитвамъ добрыхъ Россіянъ!» и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и градскихъ старцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. — Владиміръ отдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней Херсонскимъ Іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; установилъ брать ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамотою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмъ ⁽⁴⁷³⁾. Слѣдственно Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая *Десятинною*) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о Кіевскихъ Митрополитахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчатъ другъ другу ⁽⁴⁷⁴⁾. Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополіи до княженія Ярославова, говоритъ единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, тѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствахъ

набожности. Печенѣги, снова напавъ на
 области Россійскія, приступили къ Васи-
 леву, городу построенному имъ на рѣкѣ
 Стугнѣ ⁽⁴⁷⁵⁾. Онъ вышелъ въ поле съ ма-
 лою дружиною, не могъ устоять противъ Плѣтъ
Почв.
вѣговъ
 ихъ множества и долженъ былъ скрыться
 подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сто-
 роу врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣ-
 щался, ежели Небо спасетъ его, соорудить
 въ Василевѣ храмъ празднику того дня,
 Святому Преображенію. Непріятели удали-
 лись, и Великій Князь, исполнивъ обѣтъ
 свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ,
 Посадниковъ, старѣйшинъ изъ другихъ
 городовъ. Желая изобразить его роскошь,
 Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ при-
 казалъ сварить *триста варъ меду*, и восемь Пиръ
Владимі-
ровъ.
 дней праздновалъ съ Боярами въ Василевѣ.
 Убогіе получили 300 гривенъ изъ казны
 государственной. Возвратясь въ Кіевъ, онъ
 далъ новый пиръ не только Вельможамъ,
 но и всему народу, который искренно ра-
 довался спасенію добраго и любимаго Го-
 сударя. Съ того времени сей Князь великую
 недѣлю угощалъ въ *Гридниці*, или въ при-
 хожей дворца своего, Бояръ, *Гридней* (ме-
 чепосцевъ Княжескихъ) воинскихъ Сотни-
 ковъ, Десятскихъ и всѣхъ людей именни-
 тыхъ или *нарочитыхъ* ⁽⁴⁷⁶⁾. Даже и въ тѣ
 дни, когда его не было въ Кіевѣ, они
 собирались во дворцѣ и находили столы

покрытые мясами, дичиною и все́ми роскошными яствами тогдашняго времени. Однажды — какъ рассказываетъ Лѣтописецъ — гости Владиміровы, упоенные крѣпкимъ медомъ, вздумали жаловаться, что у знаменитаго Государя Русскаго подаютъ имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій Князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать для нихъ серебряныя, говоря благоразумно : *серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины; а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и дѣду*. Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отменно любилъ свою дружину и совѣтовался съ сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцемъ бѣдныхъ, которые всегда могли приходить на дворъ Княжескій, утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги (¹⁷⁷). Сего мало : *больные, говорилъ Владиміръ, не въ силахъ дойти до палатъ моихъ* — и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. «Гдѣ нищіе, недужные?» спрашивали люди Княжескіе, и надѣляли ихъ все́мъ потребнымъ. Сію добродѣтель Владимірову приписываетъ Несторъ дѣйствию Христіанскаго ученія. Слова Евангельскія : *блаженни милостивіи, яко тии помиловани будутъ*, и Соломоновы : *дай нищему, Богу въ заимъ даете*, вселили въ душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ благотворенію и вообще та-

кое милосердіе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ только *Вирою*, или денежною пенею ⁽⁴⁷⁸⁾: число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Князя изъ заблужденія. «Для чего не ка-
раешь злодѣйства?» спросили они. *Боюсь гнѣва Небеснаго*, отвѣтствовалъ Владиміръ. «Нѣтъ,» сказали Епископы: «ты постав-
ляешь Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно карать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ.» Великій Князь, принявъ ихъ совѣтъ, отмѣнилъ *Вирю* и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ, для государственнаго блага, и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же человѣколюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдственными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ ⁽⁴⁷⁹⁾; но хищные Печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и старцы доказали Великому Князю, что Государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государ-

Мило-
сердіе.

ственныхъ, но и виѣшнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ ⁽⁴⁸⁰⁾.

г. 997. Владиміръ, желая собрать воинство многочисленное для отраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи не-
Осада
Бѣла-
города.
утомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на *Въче* или совѣтъ ⁽⁴⁸¹⁾, изъявилъ желаніе сдаться непріятелямъ. «Князь «далеко,» говорилъ онъ: «Печенѣги могутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ насъ; а отъ голода мы всѣ погибнемъ.» Но хитрость умнаго старца, впрочемъ не совсѣмъ *въроятная*, спасла гражданъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадъ съ сытою, другую съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу и возвратились къ своимъ Князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ принасахъ! Печенѣги сняли осаду ⁽⁴⁸²⁾.

г. 997-1014. Въроятно, что Владиміръ счастливымъ оружіемъ унялъ наконецъ сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ не упоми-

насть болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія оставляють, кажется, Нестора, и въ теченіе *семнадцати лѣтъ* онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна ⁽⁴⁸³⁾, супруга Владимірова, достопамятная для потомства: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекавшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Кончина
на Ав-
ны.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцомъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ Исландскій Лѣтописецъ Стурлезонъ ⁽⁴⁸⁴⁾. Голымъ судьбою, малолѣтній Принцъ Норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію вдовствующею Королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осынаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю; но оклеветанный завистливыми Боярами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ

Война
съ Эри-
комъ
Нор-
веж-
скимъ.

иѣсколько лѣтъ — можетъ быть, съ помощію Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западные Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *въроятно*, нынѣшнюю Старую Ладогу (⁴⁸⁵), гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владиміра въ старости: предъ концемъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе вооружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

г. 1014. Намѣстники Новгородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ Великому Князю и тысячу раздавали Грядиямъ или тѣлохранителямъ Княжескимъ (⁴⁸⁶). Ярославъ, тогдашній Правитель Новгорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный Владиміръ велѣлъ готовить войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призывалъ изъ-за моря Варяговъ на

Бунтъ
Владими-
рова
сына,
Яро-
слава.

помощь, думая, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечъ на отца и Государя. Небо, отвративъ сію войну богопротивную, спасло Ярославъ отъ злодѣянiя рѣдкаго. Владиміръ, можетъ г. 1015. быть отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое время Печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отразить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наслѣдника, и оставивъ кормило Государства на волю рока. ..

Кончина Владиміра.

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбiя, придворные хотѣли утаить кончину Великаго Князя, вѣроятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ (⁴⁸⁷); ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городѣ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли трупъ Государя и стонами изъяснили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благодетеля, Бояре отца отечества . . . Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную тор-

жественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго (488).

Свой-
ства
его.

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святѣнѣ Христіанства, или какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка (489), одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими рѣшило его креститься? извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человекомъ. Бывъ въ язычествѣ мститель-лемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбомъ (490), воинномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человеколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ

въ ея пользу; смирить бунты своихъ данни-
ковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣ-
довъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и слав-
ный храбростію народъ Ятвяжскій; расши-
рилъ предѣлы Государства на Западъ; му-
жествомъ дружины своеі утвердилъ вѣ-
нецъ на слабой главѣ Восточныхъ Импе-
раторовъ; старался просвѣтить Россію;
населить пустыни, основалъ новые города;
любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами
о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ
училища и призывалъ изъ Греціи не толь-
ко Іерсевъ, но и художниковъ; наконецъ
былъ нѣжнимъ отцемъ народа бѣднаго.
Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ
заплатилъ за важную ошибку въ Политикѣ,
за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для
сыновей.

Слава его правленія раздалась въ трехъ
частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣ-
мецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи
говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви
и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ
Владиміровыхъ, память сего Великаго Кня-
зя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о
великолѣпнѣ пировъ его, о могучихъ бога-
тыряхъ его времени: о Добрынь Нового-
родскомъ, Александрѣ съ золотою гривною,
Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (кото-
рый будто бы одинъ ходилъ на 300 вой-
новъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣговъ,

Сказки
народ-
ныя.

Богат-
ыря.

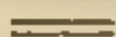
и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ ⁽⁴⁹¹⁾. Сказки не Исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству, любовію къ Наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владиміръ, не смотря на слабое отъ природы здоровье ⁽⁴⁹²⁾, дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго Монарха, дополнимъ Исторію описанныхъ нами временъ всѣми извѣстіями, которыя находятся въ Историѣ и въ чужестрапныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать нити историческаго повѣствованія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особенной.

ГЛАВА X.

О состояніи древней Россіи.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Военское искусство. Флоты. Чиновначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Усиѣхи разума. Механическія и свободныя художества. Нравы.

Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію едва ли <sup>Предѣ-
лы.</sup> не весь тогдашній Государства Европейскія (493). Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы, распространили ея владѣнія отъ Новгорода и Кіева къ Западу до моря Бальтійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго Воспора; къ Сѣверу и Востоку граничила она съ Финляндією и съ Чудскими народами, обитателями нынѣшнихъ Губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ Казанскими Болгарами, закончи, къ морю Каспійскому, жили Хвалысы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (по чему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалескимъ).

Слова Новгородцевъ и союзныхъ съ

ними народовъ, преданныя намъ Лѣтопис-
 цемъ : «хотимъ Князя, да владѣтъ и пра-
 вить нами по закону,» были основаніемъ
 перваго устава государственнаго въ Россіи,
 то есть, Монархическаго.

Правле-
 ніе.

Но Князя привели съ собою многихъ
 независимыхъ Варяговъ, которые считали
 ихъ болѣе своими товарищами, нежели
 Государями, и шли въ Россію властвовать,
 а не повиноваться. Сіи Варяги были пер-
 выми чиновниками, знаменитѣйшими вои-
 нами и гражданами; составляли отборную
 Дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ
 Государь дѣлился властію. Мы видѣли, что
 Послы Россійскіе заключили договоръ съ
 Греціею отъ имени Князя и Бояръ его; что
 Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ
 Императоромъ, и что вся *дружина Кня-
 жеская* должна была вмѣстѣ съ нимъ при-
 сягать на священномъ холмѣ (494).

Самый народъ Славянскій хотя и поко-
 рился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя
 обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ, важ-
 ныхъ, или въ опасностяхъ государствен-
 ныхъ, сходился на общій совѣтъ. Бѣлого-
 родцы, тѣснимые Печенѣгами, разсуждали
 на Вѣчѣ, что имъ дѣлать (495). — Сіи на-
 родныя собранія были древнимъ обыкнове-
 ніемъ въ городахъ Россійскихъ, доказы-
 вали участіе гражданъ въ правленіи и мог-
 ли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ

Державахъ строгаго , неограниченнаго Единства. Такъ Новгородцы объявили Святославу, что они требуютъ отъ него сына въ Правители , или , въ случаѣ отказа , выберутъ себѣ особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ : онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь взяли дань съ Грековъ на каждого изъ своихъ ратниковъ ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю ⁽⁴⁹⁶⁾. Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ Древлянской, Игорь удалилъ отъ себя войско : слѣдственно не только добычею счастливой битвы, но и данію, собираемою съ народовъ уже подвластныхъ Россіи, Князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію Великихъ Князей : они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ многіе Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика. Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ, а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, княжилъ въ Полоцкѣ ⁽⁴⁹⁷⁾.

Варяги , на условіяхъ *Полѣстной Системы* владѣвшіе городами, имѣли титуло Князей : о сихъ-то многихъ Князьяхъ Россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ Греческимъ Императоромъ ⁽⁴⁹⁸⁾. Дѣти ихъ, заслуживъ милость Государя, могли получать тѣ же Удѣлы : Бояре Владиміровы называли Полоцкъ , гдѣ княжилъ отецъ Рогнѣдинъ , ея наследственнымъ

достояніемъ или отчиною (⁴⁹⁹). Но Великій Князь какъ Государь располагалъ сими частными Княжествами: Владиміръ отдалъ дѣтямъ своимъ Ростовъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норманскихъ. Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Посадниковъ или Намѣстниковъ (⁵⁰⁰). Образъ сего внутренняго правленія отвѣтствовалъ простотѣ тогдашнихъ правовъ. Одни люди были чиповниками воинскими и гражданскими: Государь совѣтовался о *земскихъ* учрежденіяхъ съ храброю дружиною (⁵⁰¹). Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владиміръ по волѣ своей отмѣнилъ и снова установилъ смертную казнь. — Несторъ упоминаетъ еще о *градскихъ старейшинахъ*, которые дѣлами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Законы
граждан-
скіе.

Во времена независимости Россійскихъ Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣсть и древніе обычаи каждаго племени въ особепности (⁵⁰²); но Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками; и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. Напримѣръ: и въ

тѣхъ и другихъ было уставлено, что родственникъ убійцаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умертвить вора, который не захотѣлъ бы добровольно отдаться ему въ руки; что за каждый ударъ мечемъ, коніемъ или другимъ орудіемъ, надлежало платить денежную пеню⁽⁵⁰³⁾. Сіи первые законы нашего отечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлають честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдовательно къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ виновный былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ хищникъ наказывался соразмѣрно съ вивою, и платилъ вдвое и втрое за всякое похищеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ⁽⁵⁰⁴⁾. — Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ законы писанные: ибо въ древнемъ отечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, употребленіе Руническихъ письменъ было извѣстно до времени Христіанства⁽⁵⁰⁵⁾.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владиміровъ уставъ*, по коему, сообщаемъ

Церковный уставъ

Владиміровъ.

разно съ Греческими Номоканонами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства Монахи и церковники, богадѣльни, гостиницы, дома страннопріимства, лекаря и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ Епископамъ : также вѣсы и мѣрила городскія, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконныя, волшебство, отравы, идолопоклонство, неистойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татѣба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россійское въ первыя времена Христіанства рѣшило не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относились къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторые изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ) : но сей *Уставъ* есть подложный — и вотъ доказательство : тамъ Владиміръ пишетъ, что Патріархъ *Фотій* далъ ему *перваго* Митрополита *Леона*; а *Фотій* умеръ за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя (806).

Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами без-

Войн-
ское.

порядочными, какъ Славяне древніе, но ^{покус-}
строены, вокругъ знаменъ своихъ или стя-
говъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ
трубъ воинскихъ ; имѣли конницу, соб-
ственную и наемную, и *сторожесвые* отря-
ды, за коими цѣлое войско оставалось въ
безопасности. Готовясь къ битвамъ, они
выходили на открытое поле заниматься
воинскими играми : учились быстрому,
дружному нападенію и согласнымъ движе-
ніямъ, дающимъ побѣду ; носили для защи-
ты своей тяжелыя латы , обручи , высокіе
шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые,
копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ.
Укрѣпляя города свои стѣнами, хотя дере-
вянными, но неприступными для народовъ
варварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи,
предки наши умѣли брать города чуждые,
и знали искусство осадныхъ земляныхъ
работъ ; окружали глубокими рвами не
только крѣпости, но и полевые станы свои
для безопасности (807).

Подобно другимъ Славянамъ мужествен-
ные на сушѣ , они заимствовали отъ Варя-
говъ искусство мореплаванія , и только ^{Флоты.}
однимъ страшный *огонь Греческій* могъ спа-
сти Царьградъ отъ флота Игорева : для
того Великіе Князья всегда желали узнать
тайный составъ сего огня ; но хитрые Гре-
ки увѣряли ихъ , что Ангелъ Небесный
вручилъ оный Императору Константину, и

что одни Христіане могутъ имъ пользо-
ваться. Тогдашніе военные корабли Россій-
скіе были не что иное, какъ гребныя, съ
помощію большахъ парусовъ весьма ход-
кія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60
человѣкъ (508).

Чино-
началіе
и внут-
реннее
образо-
ваніе
войска.

О древнемъ чиноначаліи и внутреннемъ
образованіи войска извѣстно намъ слѣдую-
щее: Князь былъ его Главою на водѣ и
сушѣ; подъ нимъ начальствовали Воеводы,
Тысячскіе, Сотники, Десятскіе (509). Дру-
жину перваго составляли опытные витязи
и Бояре, которые хранили его жизнь и
служили примѣромъ мужества для про-
чихъ. Мы знаемъ, сколь Владиміръ ува-
жалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и
по смерти Князя носила на себѣ его имя.
Подъ симъ общимъ названіемъ разумѣлись
иногда и молодые отборные воины, От-
роки, Гридни, которые служили при Князѣ:
первые считались значитѣе вторыхъ (510).
Главные Воеводы имѣли также своихъ От-
роковъ, какъ Свѣномельдъ, Воевода Иго-
ревъ. — Варяги до самыхъ временъ Яро-
славовыхъ были въ Россіи особеннымъ
войскомъ: они и Гридни, или Мечники,
брали изъ казны жалованье; другіе уча-
ствовали только въ добычѣ (511).

Торгов-
ля.

Народы, изъ коихъ составилось Госу-
дарство Россійское, и до пришествія Варя-
говъ имѣли уже нѣкоторую степень обра-

зованія: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбонашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внешней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія. Первые извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ Варяжскихъ Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоценныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константины Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатая одежды, сукна, сафьяны, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды ⁽⁵¹²⁾. Ежегодное путешествіе Россійскихъ купцовъ въ Грецію описываетъ Константины слѣдующимъ образомъ: «Суда ихъ приходятъ въ Царьградъ изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане и другіе, зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя *моуѣрѣхъ*: ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи днѣпра Славяне приплываютъ въ Кіевъ и про-

«даютъ оныя Россіянамъ , которые дѣлають
«суключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ
«Апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь Россійскій
«флотъ въ городкѣ Вптичевѣ , откуда идетъ
«уже къ порогамъ. Дошедши до четвертаго
«и самаго опаснаго , то есть , *Неясытя* , купцы
«выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ не-
«вольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Пе-
«ченѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за поро-
«гами , близъ такъ называемаго *Крарійскаго пе-*
«*ревоза* (гдѣ Херсонцы , *возвращаясь изъ Россіи* ,
«переправляются чрезъ Днѣпръ): отразивъ сихъ
«разбойниковъ , и доплывъ до острова Св. Григо-
«рія , Россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву
«благодарности , и до самой рѣки Селицы , кото-
«рая есть рукавъ Дуная , не встрѣчаютъ уже ни-
«какой опасности ; но тамъ , ежели вѣтромъ
«прибьетъ суда ихъ къ берегу , они снова дол-
«жны сражаться съ Печенѣгами , и наконецъ ,
«миновавъ Конопу , Константию , также устье
«Болгарскихъ рѣкъ , Варны и Дицины , дости-
«гаютъ Месимврии , перваго Греческаго горо-
«да ⁽⁵¹³⁾.» Сія торговля безъ сомнѣнія весьма
обогащала Россіянъ , когда они для ея выгодъ
отваживались на столько опасностей и трудовъ ,
и когда она была предметомъ всякаго ихъ мир-
наго договора съ Имперіею. — Они ходили на
судахъ не только въ Болгарію , въ Грецію , Хаза-
рію или Тавриду , но , если вѣрить Константину ,
и въ самую отдаленную Сирію ⁽⁵¹⁴⁾ : Черное
море , покрытое ихъ кораблями , или , справедли-

вѣе сказать, лодками, было названо *Русскими* (⁵¹⁵). Но Цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мпрцыя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество Азіатскихъ копей, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбигъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиѣскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ пей убивали всѣхъ иноземцевъ (⁵¹⁶).

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со времени Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, Царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатые одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали

Новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Вппнетѣ и другихъ Бальтійскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многочисленныя ярмонки, собиравсь весною Норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха, и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣтписцы сего времени обыкновенно называютъ Россію *Страною изобильною всеми благами, omnibus bonis affluentem* (317).

Вѣроятно, что Великіе Князья, слѣдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народпой торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдственно казна изобиловала *товарами* и могла отпускать ихъ въ чужія земли (318).

Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились, морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли ихъ удерживать (319). Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе предъявляли отъ своего Князя письменное

свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые Россіане подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Счастливыя войны и торговля Россіанъ, служивъ къ обогащенію народа, должны-
Ныш-
ность и
рос-
кошь.
 ствовали, въ теченіе ста лѣтъ и болѣе, прозвести нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ (820). Не рѣдко Послы Россійскіе, именемъ Государя, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличаться отъ варваровъ хотя украшеніями драгоцѣнными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владиміра, обѣдая у Князя, ѣли серебряными ложками. Медъ, древнее любимое питіе всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душею славныхъ пировъ его; но Кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина Греческія и вкусныя

плоды теплыхъ климатовъ. Перець Индѣйскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоцѣнные поясы, сафьянные сапоги ⁽⁵²¹⁾, и проч.

Города сего времени отвѣтствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій Лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, *великомъ градѣ*, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ Христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ оный *главнымъ украшеніемъ Россіи* и даже *вторымъ Константинополемъ* ⁽⁵²²⁾. Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою ⁽⁵²³⁾. Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею Великаго Князя Святослава, даетъ по крайней мѣрѣ знать, что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ.

Народъ торговый не можетъ обойтиса безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бывають металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и Славяне Россій-

Состояніе городовъ.

Деньги.

скіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, *куницъ* и бѣлокъ: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя *мордками* и другими *лоскутками*, *куньими* и бѣлыми (⁵²¹). Надобно думать, что Правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обвиняли въ казнѣ сія *лоскутки* на цѣлыя кожи. Однакожь, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ вишней торговли. Въ Олеговыхъ условіяхъ съ Имперією сказано, что Грекъ, ударивъ мечемъ Россіянина, или Россіянинъ Грека, обязывался платить за вину 5 литръ *серебра*. Россіяне брали также въ Царѣградѣ за каждаго невольника Греческаго 20 *золотниковъ*, т. е. Византійскихъ червонцевъ, *ноμισмъ* или *солидовъ* (⁵²²). Иѣтъ сомнѣнія, что и внутри Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну *цляги* или *шиллицы*, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ (⁵²³). Однакожь мордки или кувы долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ *гривны* означалось извѣстное число *кунъ*, иѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи *лоскутки*, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра

содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими кунами ⁽⁵²⁷⁾.

Успѣхи
разума.

Успѣхи разума и способностей его, необходимое слѣдствіе гражданскаго состоянія людей, были ускорены въ Россіи Христіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго : вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего отечества! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предпріятіе, и называлъ Олега *вѣщимъ*, ибо сей великодушный, смѣлый Князь возвратился съ сокровищами изъ Константинополя. Любопытство, сродное человѣку, питалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкоторое остроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бѣда аки въ Роднѣ — Нищанцы волчья хвоста бѣгаютъ* ⁽⁵²⁸⁾, и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчій Россіянгъ; на примѣръ: *дондеже солнце сіяетъ и мѣръ стоитъ — да не защитятся щиты свои — да будемъ золоти аки золото*, и проч. Краткая сильная

рѣчь Святославова есть достойный памятникъ сего Героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе Руническихъ буквъ; однакожь мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщали его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недостаточны для выраженія многихъ звуковъ языка Славянскаго. Хотя Кирилловскія письмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самыя первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются

Здѣсь должно отвѣтствовать на вопросъ любопытный: какія Священныя книги были тогда употребляемы Христіанами Россійскими? тѣ ли самыя, коими донынѣ пользуется наша Церковь, или *иного древнѣйшаго перевода*? Сличивъ рукописныя харатейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Несторомъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Библіею, всякой увѣрится, что Рос-

сіяне XI и XII столѣтія имѣли тотъ же переводъ ея (⁵²⁹). Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема : при Константиѣ, Вольшскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ ; при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ ; однакожь, не смотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признаютъ оный древнѣйшимъ памятникомъ языка Славянскаго (⁵³⁰). Библія Чешская или Богемская переведена съ Латинской Іеронимовой въ XIII и XIV вѣкѣ ; Польская, Краицкая, Лаузицкая, еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ : когда же и гдѣ переведена наша Библія? при Великомъ ли Князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Острожской печати (⁵³¹), или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Мефодія? Второе гораздо вѣроятнѣе : ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ отечества не умолчалъ бы о новомъ Россійскомъ переводѣ ея ; но сказавъ : *силь бо первая преложены книги (т. е. Библія) въ Моравъ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси* (⁵³²), онъ ясно даетъ знать, что Россійскіе Христіане пользовались трудомъ Кирилла и Мефодія. Сии два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми вы-

раженіями и словами, держась нарѣчія своей родины. Θεσσαλονικι, то есть Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ. Впрочемъ, всѣ тогдашнія нарѣчія должныствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли просвѣтъ себѣ Моравскую Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библии и Русской Правды (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и Слова о Полку Игоревѣ, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на Россійскую Словесность XII вѣка.

Нужнѣйшія Искусства механическія, равно какъ и Свободныя, были извѣстны древнимъ Россіянамъ. И пылъ селянинъ Русской дѣласть собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: въ старину, когда люди менѣе общались другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе нужды въ сей промышленности. Мужъ обрабатывалъ землю, плотничалъ, строилъ; жена прядла, ткала, шила, и всякое семей-

Механическія и свободныя художества.

ство представляло въ кругу своемъ дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе городовъ, торговля, роскошь, мало по малу образовали людей особенно искусныхъ въ нѣкоторыхъ художествахъ: богатые требовали вещей сдѣланныхъ удобнѣе и лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Славяне торговали полотнами: Русскіе издревле ткали холсты и сукна; умѣли также выдѣлывать кожи, и сїи ремесленники назывались *усмариами* (⁵³³). Народъ, составленный изъ воиновъ, *хлѣбопашцевъ* и *звѣролововъ*, безъ сомнѣнія пользовался искусствомъ ковать желѣзо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечехъ, будто бы предложенныхъ Кіевлянами въ дань Козарамъ. — Христіанская Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ зодчества въ Россіи. Владиміръ началъ строить великолѣпныя церкви, и призвалъ художниковъ Греческихъ; однакожь и въ языческія времена были уже *каменные зданія* въ столицѣ: на примѣръ, Ольгинъ теремъ. Стѣны и башни служили для городовъ не только защитою, но и самымъ украшеніемъ (⁵³⁴). Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшнимъ; а горожане имѣли высокіе дома, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч. *Камни*, или *горинцы*, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись *полюстомъ* или *сѣньми*; спальни назывались *одринами*. На дворахъ строились вышки для голубей: ибо Россіяне искоши любили сихъ

птиць (⁵³⁵). — Несторово описаніе Перунова истукана свидѣтельствуеъ о рѣзномъ и плавильномъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Кіевѣ. Греческіе художники могли выучить Русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ Героевъ Святославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь Россіянь къ искусству мусикійскому.

Что касается собственно до нравовъ сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную Права. вѣкамъ невѣжества. Россіяне IX и X вѣка славлялись на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію; но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ Грековъ коварными (⁵³⁶). Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри Государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купѣль Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нра-

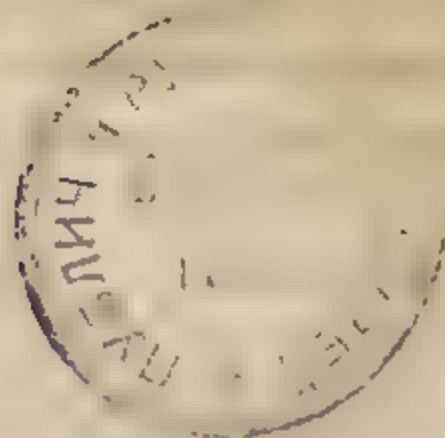
вовъ. Онъ боялся, по челоѡколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножились Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелию нашихъ предковъ, и слово любимаго вождя: *станемъ крѣпко, не посраимъ земли Русскія*, вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ ⁽⁵³⁷⁾. — Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, желая казаться другомъ народа своего, давалъ ему пиры, и сказалъ Магометанскимъ Болгарамъ: *Руси есть веселіе пити* ⁽⁵³⁸⁾. Между достопамятными чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство ⁽⁵³⁹⁾. Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени Русскому.

К О Н Е Ц Ъ I Т О М А .

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.

ВІСНИК

ВІСНИК ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ

ПЕЧАТАНО

ПО ВИСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ II.

ГЛАВА I.

Великій Князь Святополкъ.

Г. 1015—1019.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новгородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новгородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка.

Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожь не любилъ его и, кажется, предви- г. 1015.
дѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современ-
ный Лѣтописецъ Нѣмецкій, Дитмаръ, го-
воритъ, что Святополкъ, Правитель Ту-
ровской области, женатый на дочери Поль-
скаго Короля Болеслава, хотѣлъ, по нау-
щенію своего тестя, отложиться отъ Россіи,

Слѣто-
архъ
похити
те дѣ
престо-
ла.

Добро-
дѣтель
Бориса.

и что Великій Князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и Нѣмецкаго Епископа Реннберга, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава (¹). Владиміръ — можетъ быть, при концѣ жизни своей — простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный Князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя Государемъ Кіевскимъ и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ пахвалились въ походѣ съ Княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ Печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты (²): тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занялся единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: «Князь! съ тобою дружна «и войны отца твоего; поди въ Кіевъ и «будь Государемъ Россіи!» Борисъ отвѣтствовалъ: «могу ли поднять руку на брата «старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцемъ.» Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ Князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслу-

живалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ Бояръ на совѣтъ (3). «Хотите ли доказать мнѣ вѣрность свою?» спросилъ новый Государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить Князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ стаѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приблизились къ шатру его, и слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился . . . за Святополка (4); наконецъ, успокоивъ душу Небесною Вѣрою, легъ на одръ, и съ твердостью ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломались въ шатеръ и коньями пронзили Бориса, также вѣрнаго Отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить Государя и друга.

Брато-
убій-
ства.

Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ Княземъ своимъ, и въ знакъ его милости послалъ на шею золотую гривну : корыстолюбивые убійцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и другихъ Княжескихъ Отроковъ, которые не хотѣли спастись бѣгствомъ, но все легли на мѣстѣ ⁽⁵⁾. Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ Варягамъ довершить злодѣяніе : одинъ изъ нихъ вонзилъ мечъ въ сердце умирающему. . . . Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію, имѣлъ взоръ пріятный и веселый; отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. — Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичъ, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзѣнія. Святополкъ безъ сомнѣнія награждалъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ Муромскому Князю Глѣбу, сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу ⁽⁶⁾; однакожь не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего го-

рода настигъ его посланный отъ Ярослава, Князя Новгородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то самое время, когда Глѣбъ чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя Небу горестъ свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина Муромская оробѣла: Горясѣрь, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить Князя и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго Государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу, между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ Вышегородской церкви Св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій Князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россією, и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ и лишили жизни. — Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои, какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ гражданъ Кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду, и надѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную (7).

Скоро нашелся метитель: Ярославъ, сплъ-

Безраз-
судная
жесто-
кость
Яро-
слав-
ва.

иѣйшій изъ Князей Удѣльныхъ, возсталъ на пзверга; но собственною безразсудною жестокостію едва не отнялъ у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неис- товые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ Князя пристрастнаго къ ино- земцамъ, Новогородцы вышли изъ терпѣ- нія и побили великое число Варяговъ. Яро- славъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ за- городный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ име- нитыхъ Новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться предъ своимъ Княземъ; но Князь не устыдился быть вѣроломнымъ, и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева отъ се- стры своей Передеславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся, и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе Новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дыми- лась на дворѣ Княжескомъ Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на Вѣче, и сказалъ: «вчера умертвилъ я безразсудный вѣрныхъ «слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить «ихъ всѣмъ золотомъ казны моею . . . »

Народъ безмолвствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ : «Друзья! отецъ мой Велико-душіе Ново-город-цевъ. скончался, Святополкъ овладѣлъ престо-
ломъ его и хочетъ погубить братьевъ.»

Тогда добрые Новгородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему : «Государы! «ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, «но мы готовы идти на враговъ твоихъ.»— Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40,000 Россіянъ, 1000 Варяговъ, и сказавъ : *да скончается злоба нечестиваго* ⁽⁸⁾! выступилъ въ поле.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ также многочисленное войско, призвавъ г. 1016. Печенѣговъ, и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ими. Уже наступила осень Наконецъ Воевода Святополковъ обидными и грубыми насмѣшками вывелъ Новгородцевъ изъ терпѣнія. Опъ ѣздилъ берегомъ и кричалъ имъ : «Зачѣмъ «вы пришли сюда съ хροмымъ Княземъ «своимъ?» (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ.) «Ваше дѣло плот-«ничать, а не сражаться.» *Завтра*, сказали воины Новгородскіе, мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ идти

Битва
у Любе-
ча.

съ нами , того убьемъ какъ измѣнника. Однѣ изъ Вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ , и ручался ему за успѣхъ почнаго , быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ , ни мало не опасаясь враговъ , шлъ съ дружиною , воины Князя Новгородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ , оттолкнули лодки отъ берега , желая побѣдить или умереть , и напали на безпечныхъ Кіевлянъ , обвязавъ себѣ головы платками , чтобы различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро ; но Печенѣги , отдѣленные отъ его стана озеромъ , не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина Кіевская , чтобы соединиться съ нимъ , вступила на тонкій ледъ сего озера , и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ , а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ ; награждалъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ — далъ каждому чиновнику и Новгородцу 10 гривенъ , а другимъ по гривнѣ — и надѣясь княжить мирно , отпустилъ ихъ въ дома (9).

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола , окровавленнаго тремя братоубійствами , и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей Король , справедливо названный *Храбрымъ* , былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города

Червенскіе, отнятыя Владиміромъ у Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II, Императоромъ Нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ Мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что Императоръ вошелъ въ сношеніе съ Ярославомъ, убѣждая его предупредить *общаго* ихъ врага, и что Князь Россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ Польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу (¹⁰).

Союзъ
Яро-
слава
съ Им-
перато-
ромъ
Нѣмец-
кимъ.

Война
съ Бо-
лесла-
вомъ
Храб-
рымъ.

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствомъ: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣсимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію Россіянъ, старался даже утвердить Короля въ его ненависти къ Великому Князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, Нѣмцами, Венграми, Печенѣгами — вѣроятно, Молдавскими — расположился станомъ на берегахъ рѣки г. 1018. Буга.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени

страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева (11): Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготovitъся къ оборонѣ. Польскіе Историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что Князь Россійскій въ ту же минуту бросилъ удъ на землю, и сказавъ: *не время думать о забавѣ; время спасать отечество*, вышелъ въ поле, съ Варягами и Россіянами (12). Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а второй ожидалъ битвы съ потернѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, Будый, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностію Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ (13). Король Польскій въ самомъ дѣлѣ едва могъ двигаться отъ необыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостію, онъ сказалъ воинамъ: «отмстимъ, или я погибну!» сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, Россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ по-

Битва
на Бугѣ.

бѣду храброму непріятелю, и только съ четырьмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города Россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и высылали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: Король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ ⁽¹⁴⁾. Лучше другихъ укрѣпленный, Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣшенныя граждане отворили ворота — и Епископъ Кіевскій, провождаемый Духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка ⁽¹⁵⁾, которые 14 Августа въѣхали торжествуя въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка Государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что Король тогда же отправилъ Кіевского Епископа къ Ярославу, съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ Новгородской или другой сѣверной области).

Взятіе
Кіева

Ярославъ, устрашенный могуществомъ Короля Польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ Варягамъ; но великодушіе Новгород-

В т о -
ричное
велико-
душіе
Ново-
город-
цовъ.

цевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни славнаго, и граждане знаменитые, пэрубивъ лодки, приготовленныя для Князя, сказали ему: «Государь! мы хотимъ и можемъ еще противиться Болеславу. У тебя «пѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ.» Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ Бояръ по осьмнадцать гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или Старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ Варяговъ на помощь и сами вооружились (16).

Въ ро-
домное
взбѣю-
ше По-
ляковъ.

Въроломство Святополково не допустило Новгородцевъ отметить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, Король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное по городамъ Кіевской области, для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорѣе воспользоваться независимостію, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ Поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями и не брали никакихъ предосторожностей (17). Злая воля его исполнилась, къ безславію имени Русскаго. Въроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей Государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ со-

Боле-
славъ

бою многихъ Бояръ Россійскихъ и сестеръ Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ — <sup>остав-
ляетъ</sup> и Россію. нашъ Лѣтописецъ подтверждаетъ — что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею — именно Передеславу, за которую онъ нѣкогда сватался, и получивъ отказъ, хотѣлъ насладиться гнусною местию. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать и довѣренность Короля Польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны, и выѣхалъ съ нею изъ Кіева: измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. — Польскіе Историки увѣряютъ, что многочисленное войско Россіянъ гналось за Болеславомъ; что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими ^{Черная} ^{рѣка.} *Черною* (18) Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи, и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти устроилъ на строеніе церквей въ своемъ Королевствѣ.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ Поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ Монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣ-

г 4019.
Битва
на Аль-
тѣ.

жалъ изъ отечества къ Печенѣгамъ, тре-
бовать ихъ помощи. Сии разбойники, все-
гда готовые опустошать Россію, вступили
въ ея предѣлы и приблизились къ бере-
гамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки Рос-
сійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ оба-
грениомъ кровію Святаго Бориса. Умилен-
ный сномъ печальнымъ воспоминаіемъ,
онъ воздѣлъ руки на небо, молился, и ска-
завъ: *кровь невиннаго брата моего вопіетъ*
ко Всевышнему, далъ знакъ битвы. Восхо-
дящее солнце озарило на поляхъ Альты сра-
женіе двухъ многочисленныхъ воинствъ,
сраженіе упорное и жестокое: никогда, го-
ворить Іѣтонисецъ, не бывало подобнаго
въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина Но-
вгородская хотѣла лучше умереть за Яро-
слава, нежели покориться злобному брату
его. Три раза возобновлялась битва: не-
пріятели въ остервененіи своемъ хватали
другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ
вечеру Святополкъ обратилъ въ бѣгство.
Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ
разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ.
Воины принесли его къ Бресту, городу Ту-
ровскаго Княженія (19); онъ велѣлъ имъ
итти далѣе за границу. Гонимый Небес-
нымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи
ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріа-
телей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не
дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ велико-

Бѣг-
ство и
смерть
Свято-
полка.

душію Болеслава ; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ Богемскихъ, заслуживъ проклятiе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго Князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019—1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздаль. Битва у Лисгена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Печенѣгами. Каменные стѣны и Соборъ Св. Софій въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами, Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіанинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ второй Царьградъ. Моветъ Ярославовъ. Демественное цѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ Великаго

Князя Россійскаго (20). Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

г. 1021.
Водпа
съ По-
лоцк
к п я
Князя
земь.

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей, и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое Удѣльное Княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской Губерніи (21). Плѣнники Новгородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ Великимъ Княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ. — О сей войнѣ упоминаютъ древнія Исландскія *Саги*. Варяги или Норманы, служившіе тогда нашимъ Князьямъ, рассказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, отчасти и баснословныя: «Храбрый витязь Эймундъ, «сынъ Короля Гейдмаркскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе «трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Госуда-
«ремъ (Свитополкомъ); наконецъ, взявъ «сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ «Россіянъ своимъ мужествомъ и хитро-
«стію. Сей витязь засѣлъ съ товарищами «въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать «супругѣ Ярославовой: убили подъ нею

«коца и привезъ ее къ Брячиславу, осты-
«давъ многочисленныхъ воиновъ, окру-
«жавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ,
«заключивъ миръ съ братомъ, награ-
«дилъ Эймунда цѣлою областію ⁽²²⁾.» —
Скоро опасѣйшій непріятель возсталъ на
Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Вос-
порскую или Тматороканскую область въ
Удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей Князь,
рожденный быть Героемъ, хотѣлъ войны
и побѣды: Императоръ Греческій предло-
жилъ ему уничтожить Державу Каганову Побѣ-
дѣ
Мстис-
слава-
вы.
въ Тавридѣ. Искавъ дружбы Козаровъ идо-
лопоклонниковъ, но сильныхъ, Греки ис-
кали ихъ погибели, когда они приняли
Вѣру Христіанскую, но утратили свое мо-
гущество. Андроникъ, Вождь Император-
скій, въ 1016 году присталъ къ берегамъ
Тавриды, соединился съ войскомъ Мсти-
слава, и въ самомъ первомъ сраженіи плѣ-
нилъ Кагана, именемъ Георгія Цула ⁽²³⁾.
Греки овладѣли Тавридою, удовлетво- Паденіе Ко-
зар-
ской
Держа-
вы.
вавъ Мстислава одною благодарностію или
золотомъ. — Такимъ образомъ пала Козар-
ская Держава въ Европѣ; но въ Азіи, на
берегахъ Каспійскаго моря, она существо-
вала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ
1140 году Левитъ Еврейскій, Равви Іегуда,
писалъ еще похвальное слово Монарху ея,
своему единовѣрцу ⁽²⁴⁾. Съ одной стороны

Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ Св. Владиміра; а съ другой Узы, Печенѣги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое Царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и береговъ Оки. — Чрезъ г. 1022. нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявлялъ войну Касогамъ или нынѣшнимъ Черкесамъ, восточнымъ сосѣдямъ его области. Князь ихъ Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. «Начто губить дружину?» сказалъ онъ Мстиславу: «одолей меня, и возьми все, что мнѣю: жену, дѣтей и страну мою.» Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы Князя Россійскаго начали изнемогать: онъ призывалъ въ помощь Богородицу — низвергнулъ врага и зарѣзалъ его пожемъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство Княжеское и наложилъ дань на подданныхъ ⁽²⁵⁾.

Увѣренный въ своемъ воинскомъ сча- г. 1023. стіи, сей Князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмутороканскою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему Козаровъ, Черкесовъ или Касоговъ, и пошелъ къ берегамъ Днѣпровскимъ. Ярослава не было въ сто-

лицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава. — Великій Князь усмиралъ тогда народный мятежъ въ Суздаль⁽²⁰⁾. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суетѣрные, приписывая оный злему чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, минныхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа, однихъ смертію, другихъ ссылкой, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей голодомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ Казанскихъ Болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, Великій Князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Знаменитый Варягъ Якунъ пришелъ на помощь Ярославу⁽²⁷⁾. Сей витязь Скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шпату золотомъ луду или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій Князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвепа, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ Сѣверягъ

Голодъ въ Суздаль.

Битва у Листвепа.

или Черниговцевъ въ среднѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами — и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный Князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ Сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза, тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говорятъ Лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастье Мстислава рѣшили побѣду: Варяги, утомленные битвою съ Черниговцами, смятые пылкимъ нападениемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якушъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія златую луду свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: «миѣ ли не радоваться? здѣсь лежатъ Сѣверянинъ, тамъ Варягъ; а собственная моя дружина цѣла.» Слово недостойное добраго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнию, стояли по крайней мѣрѣ его сожалѣнія.

Миръ. Но Мстиславъ изъяснилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ Великаго Владиміра, надъ всею правою сторопою Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ На-

мѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ ⁽²⁸⁾; заключили искренній союзъ и г. 1026. раздѣлили Государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ими, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и вѣшними непріятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ въ 1030 году снова г. 1030. покорилъ Чудь, основалъ городъ Юрьевъ, <sup>Осно-
ваніе
Юрье-
ва или
Дерпта.</sup> или нынѣшній Дерптъ, и собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ Христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ Князей Россійскихъ! Пользуясь свободою Вѣры, древняя Ливонія имѣла и собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи и палачи, то есть, обвинявъ преступника, сами отсѣкали ему голову ⁽²⁹⁾. — Однакожь, не смотря на умѣренность Россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, Чудь и Латыши, какъ увидимъ, не рѣдко старались свергнуть оное, и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечи- ^{Запое-}славъ, малодушный сынъ и послѣдникъ ^{внукъ}

въ
Поль-
шѣ. Великаго Болеслава. Пользуясь слабостію
сего Короля и внутренними неурядица-
ми земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ
г. 1031. слѣдующій годъ, соединясь съ мужествен-
нымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова
всеми городами Червенскими; входилъ въ
самую Польшу, вывелъ оттуда множество
г. 1032. плѣнниковъ, и поселивъ ими берега Роси,
заложилъ тамъ города или крѣпости ⁽³⁰⁾.

Искреннее согласіе двухъ Государей Рос-
сійскихъ продолжалось до смерти одного
г. 1036. изъ нихъ ⁽³¹⁾. Мстиславъ, выѣхавъ на ло-
Смерть. влю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей
Мстис- Князь, прозванный Удамыль, не испыталъ
слава. превратностей воинскаго счастія: сра-
жаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для
враговъ, славился милостію къ народу и
любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и
провалъ съ нею подобно великому отцу
своему, слѣдуя его правилу, что Государь
не златомъ наживается витязей, а съ витя-
зими злато. Онъ поднялъ мечъ на брата, но
загладилъ сію жестокость, свойственную
тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ
съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была
десятилѣтнею внутреннею тишиною счаст-
ливому ихъ союзу, истинно братскому. —
Памятникомъ Мстиславовой пачобности
остался каменный храмъ Богоматери въ
Тмутороканѣ, созданный имъ въ знакъ
благодарности за одержанную надъ Касож-

скимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ Князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ летописи, былъ черменъ лицомъ и дебелъ тѣломъ; имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наследниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался Монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и Дакіи. Едино-властію. Изъ прежнихъ Удѣльныхъ Князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди какъ Государа Самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодъ ⁽³²⁾, Станиславъ, Позвиздъ, Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что Великій Князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава, меньшаго своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ. Судиславъ заключенъ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бѣдствіямъ Удѣльнаго Правленія. Женатый на Инггердѣ или Аннѣ, дочери Шведскаго Короля Олофа — которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или Старую Ладогу ⁽³³⁾ — онъ былъ уже отцемъ многочисленнаго семейства,

Новые
удалы.

Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, Великій Князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здра-
вая Политика, основанная на опытахъ и
знаніи сердца человѣческаго, не могла про-
тивиться дѣйствию слѣпой любви родитель-
ской, которое обратилось въ несчастное
обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ спѣ-
шилъ изъ Новгорода въ южную Россію и
сразился съ варварами подъ самыми стѣ-
нами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощ-
ники, стояли въ среднѣхъ; на правомъ кры-
лѣ граждане Кіевскіе, на лѣвомъ Нового-
родцы. Битва продолжалась цѣлый день.

Побѣда
надъ
Пече-
нѣгами.

Ярославъ одержалъ побѣду, самую счаст-
ливѣйшую для отечества, сокрушивъ од-
нимъ ударомъ силу лютейшаго изъ вра-
говъ его. Большая часть Печенѣговъ легла
на мѣстѣ; другіе, гоимые раздраженнымъ
побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ ⁽³⁴⁾; не-
многіе спаслись бѣгствомъ, и Россія на-
всегда освободилась отъ ихъ жестокихъ
нападеній. Въ память сего знаменитаго тор-

г. 1037.
Камен-
ныи
стѣны
и Со-
боръ
Св. Со-
фіи въ
Кіевѣ.

жества Великій Князь заложилъ, на мѣстѣ
сраженія, великолѣпную церковь, и распро-
странивъ Кіевъ, обвелъ его каменными стѣ-
нами; подражая Константинополю, онъ на-
звалъ ихъ главныя врата *Златыми*, а новую
церковь Святою Софією *Митрополитскою*,

украшивъ ее золотомъ, серебромъ, мусією и драгоценными сосудами. Тогда былъ уже *Митрополитъ* въ нашей древней столицѣ, Митрополитъ. именемъ *Феофемъ* — вѣроятно, Грекъ — который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ Кіевскимъ пожаромъ 1017 году. Ярославъ началъ Строить монастыри. также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь Св. Георгія и Св. Ирины. Сей Государь, по сказанію Лѣтописца, весьма любилъ церковныя уставы, духовныхъ Пастырей и въ особенности *Черноризцевъ*; не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ Любовь къ книгамъ. Греческаго на Славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ въ церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе Іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ, и предписалъ имъ учить новыхъ Христіанъ, образовывать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи Вѣры, и радовался, какъ усердный сынъ Церкви и добрый отецъ народа.

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, г. 1038. Война съ Ятвягами, Литвою,

- Мазов-
шана-
ми,
Ямью.
- обитая въ густыхъ лѣсахъ, питалась рыб-
пою ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего
любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому
г. 1040. платить дани. Прославъ имѣлъ съ нимъ
войну; также съ Литовцами, сосѣдами По-
лоцкаго или Туровскаго Княжества, и съ
Мазовшанами, тогда независимыми отъ
г. 1041. Государя Польскаго ⁽³⁵⁾. Сынъ Великаго
Князя, Владиміръ, ходилъ съ Новгород-
г. 1042. цами на Ямь, или нынѣшнихъ Финлянд-
цевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ,
безплодной и каменистой, воины его оста-
вили всѣхъ копей своихъ, бывшихъ тамъ
жертвою мора.
- г. 1043. Предпріятіе гораздо важнѣйшее озна-
меновало для нашей Исторіи 1043 годъ.
Дружба Великихъ Князей съ Императора-
ми, основанная на взаимныхъ выгодахъ,
утвердилась единствомъ Вѣры и родствен-
нымъ ихъ союзомъ. Съ помощію Россіянъ
пѣрипъ Владиміровъ завоевалъ не только
Тавриду, но и Болгарію; они сражались
подъ знаменами Имперіи въ самыхъ окре-
стностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы
Византійскіе рассказываютъ, что чрезъ нѣ-
сколько лѣтъ по кончинѣ Св. Владиміра
прибылъ на судахъ въ гавань Цареград-
скую какой-то родственникъ его; объявилъ
намѣреніе вступить въ службу Императора,
но тайно ушелъ пѣри пристани, разбилъ
Грековъ на берегахъ Проπονтиды, и воо-

руженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лиму, гдѣ Самскій Намѣстникъ и Воевода Солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы Россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ Имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ими и Греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго Россіянина. Вѣроятно, что Великій Князь напрасно требовалъ удовольствія ⁽³⁶⁾: оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать Грековъ; поручилъ войско мужественному Полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, идти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя некогда ею отъ флотовъ Россійскихъ — и Послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной Россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ Греческихъ Пословъ съ отвѣтомъ высокомернымъ, какъ говоритъ Византійскіе Историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу

Походъ на Грековъ.

купцевъ и воиновъ Россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ Имперіи, выѣхалъ самъ на Царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. «Соглашаюсь» — сказалъ гордый Князь Новгородскій — «ежели вы, «богатые Греки, дадите по три фунта золота на «каждаго человѣка въ моемъ войскѣ (37).» Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ, и желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя вѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли Греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне спланились съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ Россійскихъ лодокъ; одни исчезли въ волнахъ, другія стали на мель, или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиръ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ Князя и воеводу Ярославова, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6,000 Россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный Воевода Ярославъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную, и сошелъ на берегъ, сказавъ Князю: «иду съ ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ (38).» Между тѣмъ

Императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду и возвратился въ столицу, отираивъ въ слѣдъ за Россіянами флотъ и два Legiona. 24 галеры Греческія обогнали Владиміра и стали въ залпѣ: Князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда Греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ, и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ . . . Великодушный, но несчастный Вышата сразился въ Болгаріи, у города Варвы, съ сильнымъ Греческимъ войскомъ: большая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ Россіянъ и самого Вышату: Императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ на Воспорѣ: ибо Россія, дерзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы не-
полниться древнее предсказаніе, не из-
вѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ
подъ иступаномъ Беллерофона (который
стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что «Россіяне должны овладѣть сто-
лицею Имперіи Восточной³⁹⁾»: столь имл

Древ-
нее
пред-
сказа-
ніе.

ихъ ужасало Грековъ! — Чрезъ три года Великій Князь заключилъ миръ съ Имперією, и плѣнники Россійскіе, безчеловѣчно лишеныя зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Брач-
ные со-
юзы.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми Государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава Храброго: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерію, онъ удалился (какъ разсказываютъ Историки Польскіе) во Францію, и не имѣя надежды быть Королемъ, сдѣлался Монахомъ. Наконецъ Вельможи Польскіе, видя мятежъ въ Государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный Папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ кельи въ чертоги Царскіе (40). Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери Св. Владиміра. Польскіе Историки говорятъ, что брачное торжество совершилось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная *Марія*, названная *Доброгильвою*, приняла Вѣру Латинскую, и что Король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоценныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный Лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за *вѣно* — то есть, за вѣсту свою — 800 человекъ: вѣро-

ятно Россіяны, плѣненихъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою Политикою обопхъ Государствъ, утвердилъ за Россією города Червенскіе; а Ярославъ, какъ искренній другъ своего зятя, помогъ ему смприть мятежника смѣлаго и хитраго, именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовією и хотѣлъ быть Государемъ независимымъ. Великій Князь, г. 1046. разбивъ его многочисленное войско, покорилъ сію область Казимпру.

Исторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ; но достовѣрные Лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ Князю Ярославу; влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь; вступилъ въ службу Императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ Мѣстамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою, возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подви-

говъ геройства ⁽⁴¹⁾. Наконецъ онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ.

Вторая Княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, Королемъ Французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ незаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ Государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой цѣлѣсты ⁽⁴²⁾. Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенію завоеваніями Олега и Великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году — по извѣстію древней рукописи, найденной въ С. Омерской церкви — Король отпраздновалъ Посломъ къ Ярославу Епископа Шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію Государей Французскихъ. — По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Салюзскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ Графомъ де-Крени. Одинъ Французскій Лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ втораго любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію: но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075

года ⁽⁴³⁾. Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и Вѣра Католическая, ею принятая, удерживали сію Королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за Короля Венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ Россіянь переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ Графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дунай, живетъ донынѣ многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую Вѣру отцевъ своихъ ⁽⁴⁴⁾.

Ссылаясь на Лѣтоисцевъ Норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гнды, дочери Англійскаго Короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ *Завоевателемъ*. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій Историкъ Датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при Дворѣ Свенона II, Короля Датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за Россійскаго Князя, именемъ Владиміра ⁽⁴⁵⁾; но сей Князь не могъ быть *Ярославичъ*. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 (построивъ въ Новѣгородѣ церковь Св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ, и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира Польскаго, не смотря на то, что его родная тетка была за снѣмъ Королевъ ⁽⁴⁶⁾; а Всево-

лодь, по сказанію Нестора, на *Греческой Царевни*. Новѣйшіе Лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по Византійскимъ лѣтописямъ, ни одной Греческой Царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Θεодоры, умершихъ въ дѣвствѣ ⁽⁴⁷⁾. Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ Императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ *первою*, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего *вѣрнаго*. Историки Нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леополяда, Графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI вѣка за Князей Россійскихъ, но, скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ Нѣмецкими Принцами ⁽⁴⁸⁾. Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревую: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ, и первая отъ Россійскаго Князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года, и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы Нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій Князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ Христіанскомъ благочестіи. Но

сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ Вѣру и присылая главныхъ духовныхъ Пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россією : Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего Единодержавія, будучи въ Новгородѣ, самъ избралъ въ начальники для сей Епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ Епископовъ, велѣлъ имъ поставить Митрополитомъ Іларіона *Россіянина*, безъ всякаго участія со стороны Константинопольскаго Патріарха (⁴⁹)

Іларіонъ, мужъ ученый и добродѣтельный, былъ іереемъ въ селѣ Берестовѣ при церкви Святыхъ Апостоловъ : Великій Князь узналъ его достоинства, имѣлъ тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Г 1051.
Митро-
политъ
Россіа-
нинъ.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будетъ меня на свѣтѣ,» говорилъ онъ : «вы, дѣти одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично для васъ, погубитъ славу и величіе Госу-

Г. 1054.

Настав-
леніе и
кончи-
на Яро-
слава.

«дарства, основаннаго счастливыми тру-
«дами нашихъ отцевъ и дѣдовъ (50). Миръ
«и согласіе ваше утвердятъ его могуще-
«ство. Изяславъ, старшій братъ, засту-
«питъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ
«Кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы
«отцу повиновались. Святославу даю Чер-
«ниговъ, Всеволоду Переяславль, Вяче-
«славу Смоленскъ: каждый да будетъ до-
«воленъ своею частію, или старшій братъ
«да судитъ васъ какъ Государь! Онъ защи-
«титъ утѣшеннаго и накажетъ виновнаго.»
Слова достопамятныя, мудрыя и бесполез-
ныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ
быть разсудительнѣе отцевъ, и къ несча-
стію ошибся.

Февра-
ля 19.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ
все еще занимался государственными дѣ-
лами: поѣхалъ въ Вышегородъ, и тамъ
скончался, имѣя отъ роду болѣе семиде-
сяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050
году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ
Всеволодъ, котораго онъ любилъ иѣжнѣе
всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ
себя. Горестный сынъ, народъ и Священ-
ники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣ-
ломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно,
заключенное въ мраморную раку, было по-
гребено въ Софійской церкви. Сей памят-
никъ, украшенный рѣзными изображеніями

птиць и деревъ, уцѣлѣвъ до нашихъ вре- о г а-
воуъ.
менъ ⁽⁶¹⁾.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя Государя мудраго ; не приобрѣлъ оружіемъ Свой-
ства се-
го Кня-
зя.
новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россією въ бѣдствіяхъ междоусобія ; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество ; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благо-
дѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына и примириться съ тѣнію огорченнаго имъ отца.

Внѣшняя Политика Ярославова была до-
стойна Монарха сильнаго : онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные Россіяне требовали и не на-
шли тамъ правосудія ; но отпустивъ Поль-
шѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ся цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ митежныхъ Нового-
родцевъ, за убіеніе Варяговъ, такъ, какъ Государи не должны наказывать : вѣро-
ломнымъ обманомъ ; но признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья Новгородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его *льготныхъ гра-
мотъ*, къ сожалѣнію истребленныхъ вре-
менемъ ⁽⁶²⁾. Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя воля-

нымъ въ избраніи собственныхъ Властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходилъ народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось *Дворомъ Ярослава*.

Сей Князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками; но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника, и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду Князя Тмутороканскаго.

Креще-
ніе ко-
стей.

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія: онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ — Олеговъ и Ярополковы — крестилъ ихъ и положилъ въ Кіевской церкви Св. Богородицы ⁽⁵³⁾. Ревность его къ Христіанству соединилась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія нужныя для Священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ ⁽⁵⁴⁾. Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ ⁽⁵⁵⁾, онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо

Первое
народ-
ное
учили-
ще.

Кіевъ
второй
Царь-
градъ.

называться *вторымъ Царемградомъ*. Ярославъ любилъ Искусства : художники Греческіе, имъ призваныя въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, доннынѣ видимою въ Кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду Святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ : работа болѣе трудная, нежели пязщная, однакожь любопытная для знатоковъ Искусства. — Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ Греческою надписью : *ὁ Γεσργιος*, и съ Русскою : *Ярославе серебро* ⁽⁵⁶⁾ : доказательство , что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имѣла и собственныя. — Стараясь о благолѣпіи храмовъ , пріятномъ для глазъ , Великій Князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе : пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы Греческіе , научившіе Россійскихъ церковниковъ согласному *Демественному* пѣнію ⁽⁵⁷⁾.

Монета
Ярославо-
ва.

Демест-
венное
пѣніе.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія , служилъ убѣжищемъ для Государей и Князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина,

Россія
убѣжи-
ще из-
гнанныхъ.

Олофъ *Святый*, Король Норвежскій, ли-
шенный трона, требовалъ защиты Россій-
скаго Монарха. Ярославъ принялъ его съ
особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать
ему въ управленіе знаменитую область въ
Государствѣ своемъ; но сей Король, оболь-
щенный сповѣдніемъ и надеждою побѣ-
дить Канута, завоевателя Норвегій, вы-
ѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго
сына своего, Магнуса, который послѣ цар-
ствовалъ въ Скандинавіи ⁽⁵⁸⁾. Дѣти муже-
ственнаго Короля Англійскаго, Эдмунда,
изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ,
также Принцъ Венгерскій, Андрей (не бывъ
еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ
братомъ своимъ Левентою, искали безона-
спости въ нашемъ отечествѣ ⁽⁵⁹⁾. — Яро-
славъ съ такимъ же великодушіемъ при-
нялъ Князя Варяжскаго Симона, который,
будучи изгнанъ дядею, *Якуномъ Сильнымъ*,
со многими единоплеменниками вступилъ въ
Россійскую службу и сдѣлался первымъ
Вельможею юнаго Всеволода ⁽⁶⁰⁾.

Сѣвер-
ныя владѣ-
нія
Россіи.

Мы сказали, что Ярославъ не принадле-
житъ къ числу завоевателей; однакожь вѣ-
роятно, что въ его княженіе область Ново-
городская распространилась на Востокъ и
Сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Пе-
чорскихъ, Югра ⁽⁶¹⁾, были уже въ XI вѣкѣ
данными Новгородскими (Несторъ зналъ
и дикихъ Самоѣдовъ, которые обитали къ

Сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской Губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ Чудскихъ, славнымъ въ Сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію Исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы Скандинавскіе и гдѣ Норвежцы, отправленные въ Біармію Св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе Финскаго идола Йомалы (⁶²). Баснословіе ихъ Стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпін сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ Исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей, солью, железомъ, мѣхами, торговать съ Норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины (⁶³), и даже съ Камскими Болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію, до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые Новгородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава (⁶⁴). Сія земля, отъ Бѣлоозера до рѣки Печоры, была названа Зоволочьемъ,

и мало по малу населена выходцами Новогородскими, которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ Югу, и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи, и Новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоценныя произведенія Сибири чрезъ своихъ Югорскихъ дашниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзные орудія и другія дешевыя вещи.

Законы,

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ достойный великаго Монарха. Сему Князю приписываютъ древнѣйшее собраніе нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды* ⁽⁶⁵⁾. Еще въ Олегово время Россіяне имѣли законы; но Ярославъ *можетъ быть*, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы *писменные* на языкѣ Славянскомъ. Они конечно были государственными или общими, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя или

мѣстныя учрежденія (⁶⁶). Сей остатокъ древности, подобный *двенадцати скамъ* Рима, есть вѣрное зеркало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи, и драгоцѣненъ для Исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ,

или

ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортвые знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наследственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

Законы
уголов-
ные.

Денеж-
ная пе-
ня за у-
бийство.

Г. «Кто убьетъ челоѣка, тому родствен-
ники убитаго мстятъ за смерть смертію; а
«когда не будетъ мстителѣй, то съ убійцы
«взыскать деньгами въ Казну: за голову
«Боярина Княжескаго, Тіуна *Огнищанъ* или
«гражданъ *пмешитыхъ*, и Тіуна *Конюшаго*,
«80 гривенъ или двойную Виру; за Княже-
«скаго Отрока или Грядня, *повара, конюха*,
«купца, Тіуна и Мечника Боярскаго, за
«всякаго *Людина*, то есть свободнаго чело-
«вѣка, Русскаго (Варяжскаго племени) или
«Славянина, 40 гривенъ или Виру, а за
«убіеніе жены полвиры. За раба пѣтъ Виры;
«но кто убилъ его безвинно, долженъ пла-
«тить господину такъ называемый урокъ,
«или цѣну убитаго: за Тіуна *сельскаго* или
«старосту Княжескаго и Боярскаго, за ре-
«месленника, дядьку или пѣстуна, и за кор-
«миллицу, 12 гривенъ, за простаго холопа
«Боярскаго и *Людскаго* 5 гривенъ, за рабу
«шесть гривенъ, и сверхъ того въ Казну
«12 гривенъ *продажи*,» дани или пени ⁽⁶⁷⁾.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что
Россіяне получили свои гражданскіе уста-
вы отъ Скандинавовъ. Желая утвѣрдить
семейственныя связи, нужныя для безопас-
ности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ
народы Германскіе давали родственникамъ
убитаго право лишить жизни убійцу или
взять съ него деньги, опредѣляя разные
пени или Виры (*Wehrgeld*) по граждан-

скому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ Вара. сравненіи съ нынѣшней цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ ⁽⁶⁸⁾. Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и Тіуны Княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Нѣмецкое *Thiuegn, Thiangu, Dakn.* мужъ честный, *vir probus* ⁽⁶⁹⁾; такъ вообще назывались Дворяне Англо—Саксонскіе, иногда дружина Государей, Графы, и проч. — Люди военные, придворные ⁽⁷⁰⁾, купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или низжайшей, холопы Княжескіе, Боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были конечно потомки военнопленныхъ; но въ сіе время — то есть, въ XI вѣкѣ — уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ ⁽⁷¹⁾, что «холопомъ обильнымъ, или полнымъ, бываетъ 1) чело-

Гражданскія
степени.

«вѣкъ купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто
«не можетъ удовольствоваться своихъ займо-
«давцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ вся-
«каго условія; 4) кто безъ условія же пой-
«детъ въ слуги или въ ключники, и 5) *закупъ*,
«то есть, наемникъ или на время каба-
«ленный человѣкъ, который, не выслу-
«живъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что
«онъ ходилъ къ Князю или судьямъ, искать
«управы на господина. Но служба не дѣ-
«лаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ
«всегда отойти отъ господина, возвративъ
«ему не заработанные ими деньги. Вольный
«слуга, обманомъ проданный за холопа,
«совершенно освобождается отъ кабалы, а
«продавецъ вноситъ въ Казну 12 гривенъ
«пени.»

Давал
Вира.

II. «Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ
«или въ пьянствѣ и скроется, то *Верьвь* или
«округа, гдѣ совершилось убійство, пла-
«титъ за него пеню» — которая называлась
въ такомъ случаѣ *дикою Вирою* — «но въ
«разные сроки, и въ нѣсколько лѣтъ, для
«облегченія жителей. За найденное мертвое
«тѣло человѣка неизвѣстнаго *Верьвь* не от-
«вѣтствуетъ. — Когда же убійца не скроет-
«ся, то съ округи или съ волости взыскать
«половину *Виры*, а другую съ самого убій-
«цы.» Законъ весьма благоразумный въ
тогдашнія времена: облегчая судьбу пре-
ступника, разгоряченнаго виномъ или ссо-

рою, онъ побуждалъ всякаго быть миро-
творцемъ, чтобы въ случаѣ убійства не
платить вмѣстѣ съ виновнымъ. — «Ежели
«убійство сдѣлается безъ всякой ссоры, то
«волюсть не платитъ за убійцу, но выдаетъ
«его на потокъ» — или въ руки Государю — Па-
токъ.
«съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ» (72).
Уставъ жестокой и несправедливый по на-
шему образу мыслей; но жена и дѣти от-
вѣтствовали тогда за вину мужа и роди-
теля, ибо считались его *собственностію*.

III. Какъ древніе Пѣмецкіе, такъ и Яро-
славовы законы опредѣляли особенную пе-
ню за всякое дѣйствіе насилія: «за ударъ
«мечемъ необнаженнымъ, или его рукоят-
«кою, тростію, чашею, стаканомъ (73), Пени за
удары.
«стію, 12 гривенъ; за ударъ пальцею и жер-
«дію 3 гривны, за всякой толчокъ и за рану
«легкую 3 гривны, а равешному гривну на
«лечение.» Слѣдственно гораздо пензвнщи-
тельнѣе было ударить голою рукою, легкою
чашею или стаканомъ, нежели тяжелою па-
льцею или самымъ острымъ мечемъ. Уга-
даемъ ли мысль Законодателя? Когда чело-
вѣкъ въ ссорѣ обнажалъ мечъ, бралъ па-
лицу или жердь, тогда противникъ его,
видя опасность, имѣлъ время изготovitъся
къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или
домашнимъ сосудомъ можно было ударить
незапно; также мечемъ необнаженнымъ и
тростію: ибо воищъ *обыкновенно* носилъ

мечъ, и всякой человѣкъ обыкновенно ходилъ съ тростию: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: «За поврежденіе ноги, руки, глаза, носа, виновный платитъ 20 гривенъ въ Казну, а самому изувѣченному 10 гривенъ ⁽⁷⁴⁾; за выдернутый клочъ бороды 12 гривенъ въ Казну; за выбитый зубъ то же, а самому битому гривну; за отрубленный палецъ 3 гривны въ Казну, а раненному гривну. Кто погрозитъ мечемъ, съ того взять гривну пени; кто же вынулъ его для обороны, тотъ не подвергается никакому взысканію, ежели и ранитъ своего противника. Кто самовольно, безъ Княжескаго повелѣнія, накажетъ *Огнищанина* (именитаго гражданина) или *Смерда* (земледѣльца и простаго человѣка), платитъ за перваго 12 гривенъ Князю, за втораго 3 гривны, а битому гривну въ томъ и въ другомъ случаѣ. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не выдастъ его, то взыскать съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего обидчика.» Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа ⁽⁷⁵⁾, или взять за безчестіе гривну. — Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины тѣлесно накажетъ *закуна* или слугу наемнаго, то платитъ ему какъ свободному.» — Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ Казну, ибо вся-

кое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на Дворъ Княжескій» — гдѣ Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. обыкновенно судились дѣла — «придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять ничего «свидѣтельства; а ежели нѣтъ знаковъ, то «представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея платитъ 60 кунъ» (см. ниже). «Ежели истецъ будетъ окровавленъ, «а свидѣтели покажутъ, что онъ самъ «началъ драку, то ему нѣтъ удовлетво- «ренія ⁽⁷⁶⁾.»

Оградивъ личную безопасность, Законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

V. «Всякой имѣетъ право убить ночного «татя на воровствѣ; а кто продержитъ его «связаннаго *до свѣта*, тотъ обязанъ идти «съ нимъ на Княжескій Дворъ. Убіеніе «татя взятаго и связаннаго есть престу- «пленіе, и виновный платитъ въ Казну 12 Охраненіе собственности. «гривенъ. Тать *коневый* выдается головою «Князю и теряетъ все права гражданскія, «вольность и собственность». Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга чело- «вѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путеше- «ствіяхъ! Древніе Саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь ⁽⁷⁷⁾. — Далѣе: «Съ вора

«*клятнаго*» — т. е. домашняго или горничнаго — «взыскивается въ Казну 3 гривны, съ вора *житнаго*, который унесетъ «хлѣбъ изъ ямы или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ; хозяинъ же беретъ свое жито, и еще полгривны съ вора. — Кто украдетъ «скотъ въ хлѣвѣ или въ домѣ, платитъ въ «Казну 3 гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, «тотъ 60 кунъ» (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): «сверхъ чего «за всякую скотину, которая не возвращена лицомъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: за коня *Княжаго* 3 гривны, за «простаго 2, за кобылу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка 6 «*ногатъ*, за вола гривну, за корову 40 «кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за «годовика полгривны, за теленка, овцу и «свинью 5 кунъ, за барана и поросенка «погату (⁷⁸).»

Оцѣнка
вещей.

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 *ногатъ* или 50 *рѣзаней*, а 2 рѣзани составляли одну куну. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи (⁷⁹).»

VI. «За бобра, украденнаго изъ норы, «опредѣляется 12 гривенъ пени (⁸⁰).» Здѣсь говорится о бобрахъ *племянныхъ*, съ которыми хозяинъ лишался всего возможнаго

приплода. — «Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти или другіе признаки воровской ловли, то Вербъ должна сыскать виновнаго или замятить пеню.»

VII. «Кто умышленно зарѣжетъ чужаго кова или другую скотину, платитъ 12 гривенъ въ Казну, а хозяину гривну ⁽⁸¹⁾.» Злоба безчестила гражданъ менѣе, нежели воровство: тѣмъ болѣе должны были законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешетъ *бортные* знаки ⁽⁸²⁾ или запашетъ межу полевую, или перего-
«родятъ дворовую, или срубятъ бортную
«грань, или дубъ граниый или межевый
«столпъ, съ того взять въ Казну 12 гривенъ.»
Слѣдственно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденныя Гражданскимъ Правительствомъ и знаки ихъ были священны для народа.

Борт-
ные
знаки
и
меже-
вые
столпы.

IX. «За бортъ ссѣченную виновный дастъ 3 гриввы пени въ Казну, за дерево пол-
«гривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а
«хозяину за медъ неслаженнаго улья 10
«кунъ, за лаженный 5 кунъ ⁽⁸³⁾.» Читателю
извѣстно, что есть *бортное* ухажье: дупла
служили тогда ульями, а дѣса единствен-
ными пчельниками. — «Ежели тать скроет-
«ся, должно искать его по слѣду, но съ
«чужими людьми и свидѣтелями. Кто не
«отведетъ слѣда отъ своего жилища, тотъ

«виновать; но буде слѣдъ кончится у го-
«стиницы, или на пустомъ, незастроен-
«номъ мѣстѣ, то взысканіа нѣтъ.»

Птице-
л о в-
ство.

X. «Кто срубитъ шесть подъ сѣтію пти-
«целова или отрѣжетъ ея веревки, платитъ
«3 гривны въ Казну, а птицелову гривну;
«за украденнаго сокола или ястреба 3 грив-
«ны въ Казну, а птицелову гривну; за го-
«лубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку
«30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя то
«же ⁽⁸¹⁾.» Сею чрезмѣрною пенею Законо-
датель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ мно-
гочисленныхъ птицелововъ въ ихъ про-
мыслѣ.

XI. «За покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ
«Казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ
«ногаты.»

XII. «Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ
«Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за
«набойную 2 гривны, за стругъ гривну, за
«челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицомъ
«возвратить украденнаго ⁽⁸⁵⁾.» Имя *набой-*
«*ная* происходитъ отъ досокъ *набиваемыхъ*
«сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвы-
шенія боковъ его.

Зажигатель-
ство.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается
«головою Князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ
«когого надобно прежде вознаградить убы-
«токъ, понесенный хозяиномъ гумна или
«дома.»

XIV. «Если обличатся въ воровствѣ хо-

«люди Княжескіе, Бояръ или простыхъ
«гражданъ, то съ нихъ не брать въ Казну
«пени (взыскиваемой единственно съ лю-
«дей свободныхъ); но они должны платить
«истцу вдвое: на примѣръ, взявъ обратно
«свою украденную лошадь, истецъ тре-
«буетъ еще за оную 2 гривны — разумѣется
«съ господина, который обязанъ или вы-
«купить своего холопа, или головою вы-
«дать его, вмѣстѣ съ другими участниками
«сего воровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей.
«Ежели холопъ, обокравъ кого, уйдетъ, то
«господинъ платитъ за всякую унесенную
«нимъ вещь по цѣнѣ обыкновенной. — За
«воровство слуги наемнаго господина не
«отвѣтствуетъ; но если внесетъ за него
«пеню, то беретъ слугу въ рабы или мо-
«жетъ продать ⁽⁸⁶⁾.»

XV. «Утративъ одежду, оружіе, хозинъ ^{Сводъ.}
«долженъ заявить на торгу; опознавъ вещь
«у *горожанина*, идетъ съ нимъ на *сводъ*, то
«есть, спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и
«переходя такимъ образомъ отъ человѣка
«къ человѣку, отыскиваетъ дѣйствитель-
«наго вора, который платитъ за вину 3
«гривны; а вещь остается въ рукахъ хо-
«зина. Но ежели ссыла поидетъ на жи-
«телей *уѣздныхъ*, то истцу взять за укра-
«денное деньги съ *третьяго* отвѣтчика,
«который идетъ съ полчинымъ далѣе, и
«накопецъ отысканный воръ платитъ за

«все по закону. — Кто скажетъ, что краденное куплено имъ у человѣка неизвѣстнаго, или жителя иной области, тому подобно представить двухъ свидѣтелей, гражданъ свободныхъ, или мытника (сборщика пошлинъ), чтобы они клятвою утвердили истину словъ его ⁽⁸⁷⁾. Въ такомъ случаѣ хозяинъ беретъ свое лицо, а купецъ лишается вещи, но можетъ отыскивать продавца.»

Крѣпа
людей.

XVI. «Ежели будетъ украденъ холопъ, то господинъ, опознавъ его, также идетъ съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ человеку, и *третій* отвѣтчикъ даетъ ему своего холопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе ⁽⁸⁸⁾. Отыскавший виновника платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пеня Князю; а *третій* отвѣтчикъ беретъ обратно холопа, отданнаго имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго.

Бѣглецъ.

XVII. «О бѣгломъ холопѣ господинъ объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ три дни опознастъ его въ чьемъ домѣ, то хозяинъ сего дому, возвративъ укрытаго бѣглеца, платитъ еще въ Казну 3 гривны. — Кто бѣглецу дастъ хлѣба или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ ⁽⁸⁹⁾. Кто представитъ ушедшаго холопа, тому дастъ господинъ гривну; а кто упуститъ

«задержаннаго бѣглеца, платитъ госпо-
«дину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ
«первомъ случаѣ пятая, а во второмъ ше-
«стая уступается ему за то, что онъ пой-
«малъ бѣглыхъ. — Кто самъ найдетъ раба
«своего въ городѣ, тотъ беретъ Посадни-
«кова Отрока, и дастъ ему 10 купъ за свя-
«заніе бѣглеца.»

XVIII. «Кто возметъ чужаго холопа въ Кабала,
«кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу
«денегъ, или долженъ присягнуть, что
«онъ считалъ сго свободнымъ: въ такомъ
«случаѣ господинъ выкупаетъ раба, и бе-
«ретъ все имѣніе, пріобрѣтенное симъ ра-
«бомъ (⁹⁰).»

XIX. «Кто, не спросивъ у хозяина, ся-
«детъ на чужаго коня, тотъ платитъ въ
«наказаніе 3 гривны» — то есть, всю цѣну
лошади. Сей законъ слово въ слово есть
повтореніе древняго Ютландскаго, и еще
болѣе доказываетъ, что гражданскіе уста-
вы Нормановъ были основаніемъ Россій-
скихъ (⁹¹).

XX. «Ежели наемникъ потеряетъ соб-
«ственную лошадь, то ему не за что от-
«вѣтствовать; а ежели утратить плугъ и
«борону господскую, то обязапъ платитъ
«или доказать, что сіи вещи украдены въ
«его отсутствіе, и что онъ былъ посланъ
«со двора за господскимъ дѣломъ.» II такъ
владѣльцы обрабатывали свои земли не

одними холопами, но и людьми паемными. — «Вольныйи слуга не отвѣтствуетъ за ско-
«тину, уведенную изъ хлѣва; но когда рас-
«теряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ
«на дворъ, то платитъ. — Ежели госпо-
«динъ обидитъ слугу и не выдастъ ему
«полнаго жалованья, то обидчикъ, удо-
«вольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ
«пени; ежели насильственно отцпметъ у
«него деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ
«еще въ Казну 3 гриввы (⁹²).»

Долгн.

XXI. «Ежели кто будетъ требовать сво-
«ихъ денегъ съ должника, а должникъ за-
«прется, то истецъ представляетъ свидѣ-
«телей. Когда они поклянутся въ справед-
«ливости его требованія, займодавецъ бе-
«ретъ свои деньги и еще 3 гриввы въ удов-
«летвореніе. — Ежели заемъ не свыше
«трехъ гривенъ, то займодавецъ одинъ
«присягаетъ; но большій искъ требуетъ
«свидѣтелей или безъ нихъ уничтожает-
«ся (⁹³).»

XXII. «Если купецъ повѣрилъ деньги
«купцу для торговли, и должникъ начнетъ
«запираться, то свидѣтелей не спрашивать,
«но отвѣтчикъ самъ присягаетъ (⁹⁴).» За-
конодатель хотѣлъ, кажется, изъяснить въ
семъ случаѣ особенную довѣренность къ
людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бы-
ваютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. «Если кто многимъ долженъ, а

«купецъ *иностранный*, не зная ничего, по-
«вѣрить ему товаръ : въ такомъ случаѣ
«продать должника со всѣмъ его имѣніемъ,
«и *первыми* вырученными деньгами удо-
«вольствоваться иностранца или Казну; ос-
«тальное же раздѣлить между прочими за-
«имодавцами : но кто изъ нихъ взялъ уже
«много ростовъ, тотъ лишается своихъ
«денегъ.»

XXIV. «Если чужіе товары или деньги
«у купца потонуть, или сгорятъ, или бу-
«дутъ отняты невріателемъ, то купецъ не
«отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію,
«и можетъ разложить платежъ въ сроки:
«ибо власть Божія и несчастіе не суть вина
«человѣка. Но если купецъ въ пьянствѣ
«утратитъ ввѣренный ему товаръ или про-
«мотаетъ его, или испортитъ отъ небре-
«женія: то заимодавцы поступятъ съ нимъ,
«какъ имъ угодно: отсрочатъ ли платежъ,
«или продадутъ должника въ неволю.»

XXV. «Если холопъ *обманомъ*, подъ
«именемъ вольнаго человѣка, испроситъ у
«кого деньги, то господинъ его долженъ
«или заимать, или отказаться отъ раба;
«но кто повѣритъ *изъестному* холопу, ли-
«шается денегъ. — Господинъ, позволивъ
«рабу торговать, обязанъ платить за него
«долги (96).»

Торгов-
ля ра-
бамъ.

XXVI. «Если гражданинъ отдастъ свои
«сложитки на сохраненіе другому, то въ

Сохране-
ніе
псжт-
ковъ.

«свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ за-
«спираться въ принятіи вещей, долженъ
«утвердить клятвою, что не бралъ ихъ. То-
«гда онъ правъ: ибо имѣніе повѣряютъ
«единственно такимъ людямъ, коихъ честь
«извѣстна; и кто беретъ его на сохраненіе,
«тотъ оказываетъ услугу (⁹⁶).»

Росты.

XXVII. «Кто отдаетъ деньги въ ростъ,
«или медь и жито въ займы, тому въ слу-
«чаѣ спора представить свидѣтелей, и взять
«все по сдѣланному договору. Мѣсячные
«росты берутся единственно за малое вре-
«мя; а кто останется должнымъ цѣлый
«годъ, платитъ уже *третные*, а не *мѣсяч-*
«*ные*.» Мы не знаемъ, въ чемъ состояли
«тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ
«обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно,
«что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и
«что Законодатель хотѣлъ облегчить судьбу
«должниковъ. — «Законы позволяютъ брать
«10 кунъ съ гривны на годъ» — то есть,
«сорокъ на сто (⁹⁷). Въ земляхъ, гдѣ тор-
«говля, художества и промышленность цвѣ-
«тутъ изъ давнихъ времечъ, деньги теряютъ
«цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи,
«въ Англіи займодавцы довольствуются са-
«мымъ малымъ прибыткомъ; но въ стра-
«нахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ
«только грубыми естественными произведе-
«ніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ
«первобытная дикость правовъ уже смяг-

чается навыками гражданскими; гдѣ по-
вая внутренняя и ви́шняя торговля знако-
митъ людей съ выгодами роскоши — деньги
имѣютъ высокую цѣну, и лихоимство поль-
зуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для уликъ
и оправданія:

XXVIII. «Всякой уголовный доносъ тре-
«буетъ свидѣтельства и присяги *семи* чело- Уликъ,
оправ-
данія.
«вѣкъ (98); но Варягъ и чужестранецъ обя-
«зывается представить только двухъ. Когда
«дѣло идетъ единственно о побояхъ лег-
«кихъ, то пужбы вообще два свидѣтеля;
«но чужестранца никогда нельзя обвинить
«безъ семи.» И такъ древніе наши законы
особенно покровительствовали иноземцевъ.

XXIX. «Свидѣтели должны быть всегда
«граждане свободные; только по нуждѣ и
«въ маломъ искѣ дозволено сослаться на
«Тіуна *Боярскаго* или закабаленнаго слугу.»
(Слѣдственно Боярскіе Тіуны не были сво-
бодные люди, хотя жизнь ихъ, какъ озна-
чено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ
жизнію вольныхъ гражданъ). — «Но истецъ
«можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ
«раба, и требовать, чтобы отвѣтчикъ
«оправдался *испытаніемъ железа*. Если по-
«слѣдній окажется виновнымъ, то платитъ
«шестакъ; если оправдается, то истецъ даетъ
«ему за муку гривну и въ Казну 40 кунъ,
«Мечнику 5 кунъ, Княжескому Огроку пол-

Пепи-
тавіе
жел-
зю и
водою.

«гривны (что называется *жельзною по-*
шлиною). Когда же отвѣтчикъ вызванъ
«на сіе испытаніе по веленому свидѣтель-
«ству людей свободныхъ, то, оправдавъ
«себя, не беретъ ничего съ истца, который
«платитъ единственно пошлину въ Казну.
«— Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ
«истецъ доказываетъ правость свою *же-*
льзою: чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ
«убійствѣ, воровствѣ и поклѣпѣ, ежели
«никъ стоятъ полугривны золота; а ежели
«менѣе, то испытывать *водой*; въ двухъ же
«гривнахъ и менѣе достаточно одна истцева
«присяга ⁽⁹⁹⁾.»

Законы суть дополненія лѣтописей: безъ
Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что
древніе Россіяне, подобно другимъ наро-
дамъ, употребляли желѣзо и воду для изо-
бличенія преступниковъ: обыкновеніе без-
разсудное и жестокое, славное въ Исторіи
среднихъ вѣковъ подъ именемъ *суда Не-*
беснаго ⁽¹⁰⁰⁾. Обвиняемый бралъ въ голую
руку желѣзо раскаленное или выжималъ съ
кольцо изъ кипятка: послѣ чего судьямъ
надлежало обвязать и запечатать оную.
Если черезъ три дня не оставалось извы-
или знака на ея кожѣ, то невиновность была
доказана. Умъ здравый и самая Вѣра исти-
ная долго не могли истребить сего устава
языческихъ временъ, и Христіанскіе Па-
стыри торжественно освящали желѣзо и

воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства, не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ Государей въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго; по хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасти виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовныя (¹⁰¹); по Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наследственности.

XXX. «Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ Казну; «буде останется дочери незамужній, то имѣ^{Право} «дать нѣкоторую часть онаго. Но Князь не^{наслед-} «можетъ наследовать послѣ Бояръ и му-^{ствен-} «жей, составляющихъ воинскую дружи-^{нов.} «ну (¹⁰²): если они не имѣютъ сыновей, «то наследуютъ дочери.» Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или Князь? Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

XXXI. «Завѣщаніе умершаго исполняется «въ точности. Буде онъ не изъявилъ воли «своей, въ такомъ случаѣ отдать все дѣ- «тямъ, а часть въ церковь для спасенія его «души. Дворъ отцовскій всегда безъ раз- «дѣла принадлежитъ меньшему сыну» — какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному паживать доходъ.

XXXII. «Вдова беретъ , что назначилъ ей мужъ: впрочемъ она не есть наследница. — Дети первой жены наследуютъ ея достояніе или вѣно, назначенное отцемъ для ихъ матери. — Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ добровольнаго приданнаго отъ своихъ братьевъ.»

XXXIII. «Если жена, давъ слово остаться вдовою, проживетъ имѣніе и выдетъ замужъ, то обязана возвратитъ дѣтямъ все прожитое. Но дети не могутъ согнать вдовствующей матери со двора, или отнять, что отдано ей супругомъ. Она властна избрать себѣ одного наследника изъ дѣтей, или дать всѣмъ равную часть. Ежели мать умретъ безъ языка, или безъ завѣщанія, то сынъ или дочь, у коихъ она жила, наследуютъ все ея достояніе.»

XXXIV. «Если будутъ дѣти разныхъ отцевъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцовское. Если второй мужъ расхитилъ имѣніе перваго, и самъ умеръ, то дѣти его возвращаютъ оное дѣтямъ перваго, согласно съ показаніемъ свидѣтелей.»

XXXV. «Если братья станутъ тягаться о наследіи предъ Княземъ, то Отрокъ Княжескій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну за трудъ.»

XXXVI. «Ежели останутся дѣти малолѣтныя, а мать выдетъ за-мужъ, то отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближнему родственнику, съ имѣніемъ и съ домомъ; а что сей опекунъ присокупитъ къ оному, то возметъ себѣ за

«трудъ и попеченіе о малолѣтвыхъ; но приплодъ отъ рабовъ и скота остается дѣтямъ. — За все утраченное платитъ опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ вѣдѣющій.»

XXXVII. «Дѣти, прижитыя съ рабою, не участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ свободу, и съ матерью.»

Главою правосудія вообще былъ Князь, а Дворъ Княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда ⁽¹⁰³⁾. Но Государь поручалъ сію власть Тіунамъ и своимъ Отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались *Вирниками*, и каждый судья имѣлъ помощника или Отрока, *Мѣтельника* или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла ⁽¹⁰⁴⁾. — Вирнику и писцу его, для объѣзда волости, давали лошадей.

Въ одномъ изъ Новгородскихъ списковъ *Ярославовой Правды* сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ идти съ отвѣтчикомъ *на изводъ передъ 12 гражданами* — можетъ быть, Присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судѣ опредѣлить наказаніе и взыскивать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откуда сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританію ⁽¹⁰⁵⁾. Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ

П р и -
с я ж -
и м е.

VIII вѣкѣ Рагнаръ Лодброкъ, Король Датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати Присяжныхъ.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними правами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, на примѣръ: о смертной отравѣ (какъ въ XII Декахъ Рима), о насиліи женщннъ (и проч.) : для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось Законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Общій
харак-
теръ за-
коновъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные Россіане не терпѣли никакихъ *тѣлесныхъ* наказаній : виновный платилъ или жизнью, или вольностію, или деньгами — и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескье говоритъ вообще о Германскихъ : они изъясняютъ какое-то удивительное просто-сердечіе; кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти ⁽¹⁰⁶⁾.

Предложимъ еще одно замѣчаніе : Германцы, овладѣвъ Европою, не давали

всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ : такъ по уставу Салическому за убіеніе Франка надлежало платить 200 су, и вдвое менѣе за убіеніе Римлянина (¹⁰⁷). Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между Россіянами Варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что Князья Варяжскіе не завоевали нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государствомъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ Новгородскій *о мостовыхъ*, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весь- Уставъ
о мостовыхъ. ма обширный, раздѣлялся на Части или Концы (Словенскій, Перевскій, Горничскій, Людинъ, Плотинскій), а жители на Сотни, означаемыя именами ихъ Старѣйшинъ; что одна улица называлась *Добрыниною* (въ память сего знаменитаго Восвояды и дяди Владимірова), а главный рядъ *Великиихъ* рядомъ; что Шьмцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улпцахъ, и проч. — Но такъ называемый Церковный Уставъ Ярославовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе Лѣтописцы, и коего имѣемъ разные списки, есть безъ сомнѣнія подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно мнѣмому Влади- Уставъ

церков-
ный.

мірову, онъ даетъ Епископамъ исключи-
тельное право судить оскорбленіе женскаго
цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя сла-
бому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры
дѣтей съ родителями, зажигательство, во-
ровство, драки и проч. Сей Уставъ не со-
гласенъ съ *Русскою Правдою*, и, кромѣ
нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія
и слова повѣйшихъ временъ; на примѣръ,
опредѣляетъ пени рублями, еще не упо-
требительными въ денежномъ счетѣ вре-
менъ Ярославовыхъ (108).

ГЛАВА IV.

Великій Князь Ізяславъ, названный въ
крещеніи Димитріемъ.

Г. 1054 — 1077.

Удѣлы. Побѣда надъ Голыдами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобіи. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Мятежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Ізяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Княземъ. Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Ізяславъ у Пѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Чалсзаву. Россіане въ Силезіи. Возвращеніе Ізяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіане служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Переписка съ Патріархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возведенная Единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наследники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ

цѣлое, и Государство, шагнѹвъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ Властителей, коихъ тѣни, обогрѣныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ предъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество : ея судьба и въ славѣ и въ униженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь Государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу Князей педостойныхъ и слабыхъ ; но среди ихъ увидимъ и Героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душою. Въ темной картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій, являют-ся также яркія черты ума народнаго, свойства, нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, Исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣща-
 г. 1054- ніе, раздѣлили по себѣ Государство. Об-
 1060. ласть Изяславова, сверхъ Новгорода, про-
 удѣлы. стиралась отъ Кіева на Югъ и Западъ до
 горъ Карпатскихъ, Польши и Литвы. Князь
 Черниговскій взялъ еще отдаленный Тму-

торокань, Рязань, Муромъ и страну Вятичей: Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Новоложскъ, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю Губернію сего имени съ нѣкоторою частію Витебской, Псковской, Калужской и Московской (109). Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ старшаго брата, въ частный Удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь Полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наследовалъ Удѣлъ отца — и Россія имѣла тогда шесть юныхъ Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: Россіяне вооружались только противъ вѣнскихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ Голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, Прусской *Галиндіи*, народъ Латышскій (110); а Всеволодъ Торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что и Великій Князь, вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ, идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа (111). — По отечеству наше, избавленное отъ Торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе новыхъ варваровъ, дотоѣ неизвѣстныхъ въ Исторіи міра.

Побѣда
и а зъ
Голяда-
ми и
Торка-
ми.

Полов-
цы.

Еще въ 1055 году Половцы, или Коман-ны, входили въ область Переславскую : тогда Князь ихъ, Болушъ, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ кочующій, единоплеменный съ Печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними Киргизами, обиталъ въ степяхъ Азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго ; вытѣснилъ Узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, Торками въ нашей лѣтописи) ; принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддался Грекамъ) ; изгналъ, кажется, Печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи, и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ Государства сосѣдственныя : Греческую Имперію, Венгрію и другія. — О нравахъ его говорятъ Лѣтописцы съ омерзѣніемъ : грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею. — Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ, и въ 1061 году Половцы, не имѣя терпѣнія дожидаться лѣта, съ Княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону ⁽¹¹²⁾.

г. 1061.
1064.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и Лѣтописецъ сказываетъ, что

Небо предвѣстило ихъ многимъ ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ, солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей подобно мѣсяцу; что рыбодовы Кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго уroda, брошеннаго въ Дцѣирѣ. Сія сказка достойна нѣкотораго замѣчанія, изъясняя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями Государства. «Небо правосудно!» говоритъ Несторъ: «оно наказываетъ Россіянъ за ихъ беззаконія. «Мы имеемъся Христіанами, а живемъ какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ домахъ трубы, гусли и скоморохи (113).» — Сія укоризна безъ сомнѣнія не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ правахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали заповѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели Государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ общаго согласія отдали Смоленскъ Игорю (чрезъ два года потѣмъ умершему), и вспомнивъ о заточенномъ дядѣ, Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный осво-

Ужас-
ная чу-
деса.

осво-

божде-
ніе Су-
днсла-
ва.

сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Георгія ⁽¹¹⁴⁾.

Междо-
усобіа.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославичъ оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого Удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ ⁽¹¹⁵⁾.

г. 1064.

Будучи отваженъ и славолубивъ, онъ подговаривалъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатю, сыномъ Новгородскаго Изяславова Посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ юнаго Князя, Глѣба Святославича, который управлялъ ссю Азовскою областію. Святославъ сиѣвши туда съ войскомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія ⁽¹¹⁶⁾; но когда Черниговскій Князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, Касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго Героя, такъ, что его славолубіе и счастье устрашили Грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему Князю своего знатнаго чиновника, Катапана или Префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ

Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, Катаванъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ Князя, уѣхалъ въ Херсонъ, и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель Тмутороканскій умереть въ седьмой день. Предсказаніе исполнилось; но Херсонцы, гнушавъ такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями ⁽¹¹⁷⁾. — Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіемъ для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить по крайней мѣрѣ воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ.

Г. 1066,
Февр. 3.

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что въ Государствѣ явился новый непріятель: Князь Полоцкій ⁽¹¹⁸⁾. Сей правнукъ Рогнединъ ненавидѣлъ дѣтей Ярославыхъ, и считалъ себя законнымъ наследникомъ престола Великокняжескаго: побѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ Св. Владиміра. Современный Лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, но-

симою сѣмь Княземъ для закрытія природ-
ной на головѣ лавины. Всеславъ, безъ
успѣха осаждавъ Псковъ, неожиданно за-
воевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жи-
телей; не пощадилъ и святыни церквей,
огранивъ Софійскую. Оскорбленные такою
наглостію, Ярославичи соединили силы
свои, и не смотря на жестокую зиму, оса-
дили Минскъ въ Княжествѣ Полоцкомъ;
г. 1067. взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и
дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ
дошелъ съ непріятелями на берегахъ Нѣ-
мена, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ.
Множество Россіянъ съ обѣихъ сторонъ
легло на мѣстѣ. Великій Князь побѣдилъ;
но еще страшась племянника, вступилъ съ
нимъ въ мирныя переговоры, и звалъ его
къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Яро-
славичей, что они не сдѣлаютъ ему ника-
кого зла, перѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ,
близъ Смоленска. Великій Князь встрѣтилъ
его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ
руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ
съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и
заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ,
гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду
надъ Святополкомъ и Печенѣгами, на бе-
регахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ
г. 1068 Изяславъ и братья его въ ночномъ сраже-
ніи были на голову разбиты свирѣпыми
Пора-
женіе
Россі-
янъ.

Половцами (¹¹⁹). Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Войны перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали Вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный сумъ своевољествомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и Мятежъ въ Кіевѣ. недовольные, обвиняя во всемъ главнаго Воеводу Изяслава, именовъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ Бѣгство Всеслава-го Князя. ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, купецъ и бѣлокъ.

Изяславъ удался въ Польшу; но его

Разби-
тіе По-
лов-
цевъ.

братья спокойно княжили въ своихъ Удѣлахъ , а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской , будучи снова призванъ ея жителями (120). Князь Черниговскій имѣлъ случай отмстить Половцамъ , которые жгли и грабили въ его области. Предводителемъ малочисленною конною дружиною , онъ вступилъ съ ними въ битву : 3000 Россіянъ , ободренныхъ примѣромъ и словами Князя , стремительно ударили на 12,000 Половцевъ , смяли ихъ и плѣнили Вождя непріятельскаго ; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцевъ своихъ , приученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ , знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Король Польскій , Болеславъ II , сынъ Маріи , Владиміровой дочери , и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской (121), принявъ Изяслава со всѣми знаками преклоненіяго дружелюбія , какъ Государя несчастнаго и близкаго родственника , охотно согласился быть ему помощникомъ.

г. 1069. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлгорода ; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева : но устрешенный силою Поляковъ , и , можетъ быть , не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ , ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне , свѣдавъ о бѣгствѣ его , съ ужасомъ возвратились

въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на Вѣче, и немедленно отправили Пословъ къ Святославу и Всеволоду, объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признають вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплемениныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу, и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушнѣйшимъ сыновьямъ Ярослава и отечества. «Врата Кіева для васъ отверсты,» говорили Послы: «идите спасти градъ великаго отца своего; а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую.» Святославъ обѣщалъ за нихъ вступить, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда братъ мой» — сказалъ Черниговскій Князь — «войдетъ въ городъ мирно, и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву Лихамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава, какъ непріятеля.» Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шедъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій Князь, давъ слово быть милосерднымъ,

Кіевляне хотѣли бѣжать въ Грецію.

И з л а-
с л а в ѣ
в о з в р а-
щ а е т с я
с ѣ П о-
л я к а м и .

послалъ въ Кіевъ сына своего, Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣдствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человекъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться, и съ покорностію встрѣтили Изяслава, вѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ Поляковъ (122).

2 Mail.

Кіевъ
новая
Капуа.

Историки Польскіе говорятъ, что Великій Князь, обязанный Королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плененный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію Россіянъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуа; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червецкой области или Галиціи, осаждалъ Черемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся (123). Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріателемъ: что же могло вооружить его противъ Великаго Князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: Россіяне, ненавидя Поляковъ, тайно убивали ихъ, и Король, утраченный сею народною местию, подобно его

знаменитому ирадѣду, Болеславу I, спѣ-
шили оставить наше отечество.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова
Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣд-
ственный для него мятежъ сдѣлался на
торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное
отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для
того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ
верхнюю часть города (¹²⁴): осторожность
малодушная и бесполезная! Едва учредивъ
порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣ-
шили отмстить Всеславу, и жаркимъ при-
ступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важ-
ный городъ въ Удѣлъ Мстиславу: по вне-
запной же его кончинѣ Святополку, другому
своему сыну. Но въ то самое время бодрый
Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился
подъ стѣнами Новгорода, гдѣ начальство-
валъ юный Глѣбъ Святославичъ, переве-
денный туда отцемъ изъ Тмутороканя. Не-
навидя Полоцкаго Князя, Новгородцы
сразились отчаянно, разбили его, и могли
бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали
ему спастися бѣгствомъ (¹²⁵). — Сія война
кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Все-
славъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣд-
ственной областію, и хотя былъ еще по-
бѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ
Великаго Князя, однакожь удержалъ за со-
бою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное оте-
чество стеснено отъ вѣннихъ непріятелей;

Война
съ По-
лоц-
кимъ
Кня-
земъ.

Октяб-
ря 23.

г. 1071

требовало защитниковъ , и не находило ихъ : Половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Преве-
сенте
ищей
Бориса
и Глѣба.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда Вельможею Чуднымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба, и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество ⁽¹²⁶⁾. Оно совершилось въ присутствіи знаменитѣйшаго Духовенства, Бояръ и народа, 2 Маія, день, въ который Великій Князь, за три года предъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и Митрополитъ Георгій призналъ святость Россійскихъ Мучениковъ, къ удовольствію Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ : три Князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими Боярами, и разѣхались друзьями.

Г. 1073
Новое
быство
Велик.
Князд.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ въ Государства ⁽¹²⁷⁾. Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать по-

выхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ Лѣтописца) указалъ ему путь отъ себя. Горестный изгнанникъ отправился къ Нѣмецкому Императору, Генрику IV; былъ ему представленъ въ Маинцѣ Саксонскимъ Маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ, и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ Нѣмецкіе Лѣтописцы, признать себя данникомъ Имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовившій судьбою къ бѣдствіямъ гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ Государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, Трирскаго духовнаго Членовника, брата Оды, шурина Вячеслава, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить Князьямъ Россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско Нѣмецкое смирить хищниковъ (128). Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ Пословъ Императорскихъ, и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей Князь, подобно Іудейскому Царю

Г. 1075.
Изяславъ у
Нѣмца.
Импера-
тора.

Посоль-
ство
Генри-
ка IV въ
Кіевъ.

Езекіи , величался предъ Нѣмцами богатствомъ казны своей , и что они , видя множество золота , серебра , драгоценныхъ паволокъ , благоразумно сказали : *Государь! мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ.* «Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ,» прибавляетъ Несторъ : «по смерти Святослава «исчезли какъ прахъ все его сокровища.»— Бурхардъ возвратился къ Императору съ дарами , которые удивили Германію. «Никогда» — говоритъ современный Нѣмецкій Лѣтописецъ ⁽¹²⁹⁾ — «не видали мы столько золота , серебра и богатыхъ тканей.» Генрикъ , обезоруженный щедростію Святослава , и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами , утѣшилъ изгнанника однимъ бесполезнымъ сожалѣніемъ.

Именно
Папы
къ Болеславу.

Болеславъ обратился къ Папѣ , славному въ Исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть Главою всеобщей Монархіи или Царемъ Царей , и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбію и православіемъ Восточной Церкви и достоинствомъ Государя независимаго , онъ признавалъ не только духовную , но и мірскую власть Папы надъ Россією ; требовалъ его защиты и жаловался ему на Короля Польскаго. Григорій отправилъ пословъ къ Великому Князю и къ Болеславу , написавъ къ первому слѣдующее:

«Григорій Епископъ, слуга слугъ Божиихъ,
«Димитрію, Князю Россіянъ (Regi Russorum), и
«Княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и по-
«сылаетъ Апостольское благословеніе.

«Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима,
«смиренно молимъ насъ, чтобы мы властію Св.
«Петра утвердили его на Княженіи, и далъ пря-
«еягу быть вѣрнымъ Главѣ Апостоловъ. Мы
«исполнили сію благую волю — согласную съ
«вашею, какъ онъ свидѣтельствуеть — поручили
«ему кормлю Государства Россійскаго имепемъ
«Верховнаго Апостола, съ тѣмъ намѣреніемъ и
«желаніемъ, чтобы Св. Петръ сохранилъ ваше
«здравіе, княженіе и благое достояніе до кон-
«чины живота, и сдѣлалъ васъ ижекогда сопри-
«частникомъ славы вѣчныя. Желая также изъяс-
«нить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ,
«довѣряемъ симъ Посламъ — изъ коихъ одинъ
«вашъ пзвѣстенъ и другъ вѣрный (¹³⁰) — изустно
«переговорить съ вами о всемъ, что есть и чего
«нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію,
«какъ пословъ Св. Петра; благосклонно выслу-
«шайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они
«предложатъ вамъ отъ имени нашего — и проч.
«Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши и да
«преведетъ васъ отъ благъ временныхъ ко славѣ
«вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 Маія, Індикта
«XIII,» (то есть, 1075 году).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя то-
гда власти надъ Россією, далъ поводъ надмен-
ному Григорію причислить сію Державу ко ми-

мымъ владѣніемъ Св. Петра, завѣщаніемъ
отъ мнимаго Апостольскаго Намѣстни-
ка ! . . . Въ письмѣ къ Болеславу говорятъ
Папа : «Беззаконно присвоивъ себѣ казну
«Государя Россійскаго, ты нарушилъ до-
«бродѣтель Христіанскую. Молю и закли-
«наю тебя именемъ Божіимъ отдать ему все
«взятое тобою или твоими людьми: ибо
«хищники не внидутъ въ Царствіе Не-
«бесное, ежели не возвратятъ похищен-
«наго.»

Заступленіе гордаго Папы едва ли имѣло
какое нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ
году юные Князья Россійскіе, Владиміръ
Мономахъ и Олегъ — первый Всеволодовъ,
г. 1076. а второй Святославовъ сынъ — заклю-
Россія- чивъ союзъ съ Поляками, ходили съ вой-
на въ Слѣзін. скомъ въ Слѣзію, помогать Болеславу
противъ Герцога Богемскаго (131). Но скоро
обстоятельства, къ счастью Изяславову,
Декаб- перемѣнились. Главный врагъ его, Свѣто-
ря 27. славъ, умеръ, отъ разрѣзанія какой-то за-
твердѣлости или опухоли. Тогда изгнан-
никъ ободрился: собралъ нѣсколько ты-
сячъ Поляковъ и вступилъ въ Россію. До-
бродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ
Вольшинѣ и, вмѣсто битвы, предложилъ ему
г. 1077. миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее,
Юля 3. умереть друзьями, и старшій вѣхалъ въ
Возвра- Кіевъ Государемъ, уступивъ меньшему
щеніе

Княженіе Черниговское, а сыну его, Вла-
диміру, Смоленскъ (132). Изясла-
ва.

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ пле-
мянниковъ и замысловъ давнишняго врага
своего, Всеслава, они хотѣли удалить пер-
выхъ отъ всякаго участія въ правленіи и Междо-
усобіа.
вторично изгнать послѣдняго. Романъ Свя-
тославичъ княжилъ въ Воспорской области:
сынъ Вячеславовъ, Борпсъ, въ самое то
время, когда Ізяславъ и Всеволодъ заклю-
чали миръ на границѣ, овладѣлъ Черни-
говымъ; но предвидя, что дяди не оставятъ
его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника,
черезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмуторо-
капъ къ Роману (133). Князь Новгородскій,
Глебъ, юноша прекрасный и добродушный,
къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ от-
даленномъ Заволочѣ : Ізяславъ отдалъ г. 1078.
его Княженіе Святополку, а другому сыну
своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ
Святославичъ господствовалъ въ области
Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ
дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить
праздно въ Черниговѣ. Князь Полоцкій до-
вольствовался независимостію и наслед-
ственнымъ Удѣломъ: Ярославичи объяви-
ли ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его
столицѣ, и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ
слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и
Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе;
но Мономахъ возвратился къ отцу съ бо-

гатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на красномъ дворѣ въ Черниговѣ, и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота ⁽¹³⁴⁾.

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ. Напавъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго Княженія, и разбили Всеволода. Многіе знаменитые Бояре лишились тутъ жизни ⁽¹³⁵⁾. Побѣдители взяли Черниговъ, и думали, что все Государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: «Утѣшься, горестный братъ, и вступи, что было со мною въ жизни! «Отверженный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ; лишенный престола и всего законнаго «достоинства, могъ ли я чѣмъ нибудь укорять «себя? Вторично изгнанный братьями единокровными — и за что? свидѣтельствуюсь Богомъ въ «моей невинности — я скитался въ земляхъ чуждыхъ; искалъ сожалѣнія и помилосердія! По «крайней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ «княжить въ землѣ Русской, то обонмъ; если «быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я положу за тебя «свою голову.» . . . Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владиміръ сѣвши так-

же изъ Смоленска къ отцу своему, и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы Половцевъ (136). Великій Князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться. Владиміръ взялъ приступомъ вышнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей, и совѣтовалъ брату вступить въ мирныя переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: «останься «спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ «ними» — сразился близъ Чернигова, и заплатилъ жизнью за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его конемъ въ плечо: Великій Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмуторокань. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (какъ говоритъ Лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ Княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу

Смерть
Велик.
Князя.

и добродѣтели отца своего. — Положенное въ мраморную раку, тѣло Великаго Князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ Св. Владиміра.

Свой-
ства Ц-
зясла-
ва.

Несторъ пишетъ, что Ізяславъ, пріятный лицомъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ правомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему Великое Княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата, и, къ несчастію, сдержалъ слово. . . . Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Ізяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на немъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казни безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъясняютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его Княземъ Владимѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами Лѣтописца?

Ізяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ,

Святослава и Всеволода, также уми́йшихъ Вельможъ того времени: Коснячка, Воеводу несправедливаго Кіевлянамъ (¹³⁷), Перепита, Ипкифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, установивъ денежную пеню за всякія убійства: по измышленію ли челоуѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія *Вирами* казны Государей?

Уничто-
женіе
смерт-
ной ка-
зни.

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевонечерскій, и самъ Несторъ рассказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный Христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть Святую гору, возлюбилъ житіе Монаховъ Аѳонскихъ, и постриженный въ ихъ Обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, поставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ итти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ Черноризцевъ. Антоній возвратился еще при Князѣ Ярославѣ (¹³⁹), обходялъ тогдашніе монастыри Россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Іларіонъ, будучи еще простымъ Іереемъ Берестовскимъ, ископалъ опую собственными руками, и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она

Мона-
стырь
Кіево-
нечер-
скій.

стояла уже пустая: Іларіонъ, въ сапѣ Мятрополита, насъ Церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній наѣвился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Іларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разошелся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святаго мужа; самъ Великій Князь Ізяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать Монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: Великій Князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую Обитель Ігумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожь не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, Великій Князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывезти изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру, и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть Лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ірославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ золота, на строеніе каменнаго великолѣннаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый Варягъ Симонъ,

Вельможа Всеволодовъ, подарилъ Автопію на украшеніе олтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный, наслѣдіе отца его, Князя Варяжскаго. Святой Θεодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ Цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ Черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей Россійскихъ. Сей благочестивый Игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ странноиришества, и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Θεодосіева была столь уважаема, что Великій Князь не рѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ, оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво, и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза Княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Ізяслава, Θεодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святой мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусля, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Θεодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба. — Монахи Печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы Мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской Губерніи). Самые Вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали ду-

шевнаго мира въ Печерской Обители. Такъ Варлаамъ, первый Игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго Боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святаго мужа, пріѣхалъ къ нему со многими Отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду Боярскую и сказалъ: «вотъ прелесть міра! употреби, какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; «хочу жить въ уединеніи и бѣдности.»

Россія-
но слу-
жать въ
Греци.

Ізяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ Греками, и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ Императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не Государь, но только Полководецъ Имперіи, въ 1077 году смиря мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ Россійскихъ (139).

Зависимость
нашей
Церкви
отъ Гре-
ческой.

— Ярославичи возвратили Константинопольскому Патріарху важное право ставить Кіевскихъ Митрополитовъ: Георгій, преемникъ Іларіоновъ, родомъ Грекъ, былъ присланъ изъ Царяграда; утраченный, можетъ быть, раздоромъ Князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени Церковь Россійская, до самаго паденія Восточной Имперіи,

зависѣла отъ Патріарха Константинопольскаго, и въ росписи Епископствъ, паходившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась *семидесятымъ*. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ Митрополитовъ, Патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они дѣлали только Императорамъ, Королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ ⁽¹⁴⁰⁾. Переписана съ Патріарха.

Успѣхи Христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ Исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли пере-мѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человекъ (пишетъ Несторъ) дѣйствительно проналъ въ одну ночь безъ вѣсти. Пророкъ и волшебникъ.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля — основаннаго, думаю, Великимъ Княземъ Ярославомъ — ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною

всего зла, и скрываютъ въ *самихъ себѣ* хлѣбъ, медъ и рыбу (¹⁴¹). Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча, и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «видите, что лежало у *спихъ* за кожей!» Сии злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣлаозера, гдѣ Вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для Князя Святослава: онъ велѣлъ ловить ихъ, и чрезъ нѣсколько дней Бѣлозерцы привели къ нему двухъ главныхъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Діаволъ сотворилъ тѣло человека, гниющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что Антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣрують въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. «Но знаете ли собственную *вашу* участь?» сказалъ Янь. «Ты представишь *на*съ Святославу,» говорили кудесники: «а если *умертвишь*, то будешь несчастливъ.» Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи Финны и Чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи Тосканцы (¹⁴²). Несторъ рассказываетъ, что Новорогодцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ черными крылатыми духами. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ

торжественно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, бранилъ Епископа и хотѣлъ итти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человека божественнаго. Ревностный Епископъ облачился въ Святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика : одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ : предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? — Волшебникъ отвѣтствовалъ : «я сдѣлаю великія чудеса.» «Нѣтъ!» сказалъ смѣлый Князь — и топоромъ разсѣкъ ему голову ⁽¹⁴³⁾. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

ГЛАВА V.

Великій Князь Всеволодъ.

Г. 1078 — 1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономахъ. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Ізяславовъ, но Всеволодъ на-
г 1078- слѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дя-
1094. дя, по тогдашнему образу мыслей и всеоб-
щему уваженію къ семейственнымъ свя-
замъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право ста-
рѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для
племянниковъ. — Сей Государь утвердилъ
Святополка на Княженіи Новгородскомъ:
другому сыну Ізяславову, Ярополку, от-
далъ Владиміръ и Туровъ (¹⁴⁴), а Мономаху
Черниговъ.

Романъ Святославичъ, Князь Тмуторо-
капскій, желая отмстить за Олега и Бори-
Медло- са, немедленно началъ войну междоусоб-
усобіа. ную, которая стоила ему жизни. Половцы,

его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля, и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отравили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, Великій Князь прислалъ въ Тмуторокань Намѣстника своего, Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище Князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ *Игоревичемъ* и Володаремъ *Ростиславичемъ*, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также не долго въ ней господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ, славномъ въ Исторіи своими древними мудрыми законами; Науками, великолѣпіемъ зданій и Колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно, съ помощію Грековъ овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ Козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ Половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію (146).

Олегъ
въ Ро-
досѣ.

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій Князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ съѣхалъ туда съ Черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пепѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, и чрезъ

Подви-
ги Мо-
нома-
ха.

нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя. — Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ : побѣдилъ Торковъ, обптавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безнокойныхъ Вятичей, и вездѣ гналъ неугомонныхъ злодѣевъ Россіи, Половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля; плѣнял ихъ Вождей, отбивалъ добычу (146). Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и Князя Россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали вѣвшихъ непріятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ пелѣю Насхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый г. 1084. мятежникъ, обѣщавъ грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ : доказательство, сколь правленіе было слабо и своеволие народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху идти на Ростиславичей : ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой Удѣлъ съ честью. — Въ то же время Давидъ Игоревичъ, скитаясь въ южной Россіи и вѣдъ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ

городомъ близъ устья Днѣпровскаго , и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцевъ : Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Волинѣи (¹¹⁷).

Самъ Ярополкъ , облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его : Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ , и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, г. 1085. предупредилъ ихъ опасное исполненіе; и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну ; возвратился съ ними въ Кіевъ , а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу. — Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ въ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода некрѣпкимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ , въ Волинѣи, полу- г. 1086. чилъ обратно свое Княженіе (¹¹⁸). Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя, на пути въ Черсенскій Звенигородъ : сей преступникъ, именемъ Перядецъ , ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими Княжескими Отроками и воиномъ саблю въ бокъ своему Государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ,

Убіеніе
Яро-
поля.
Ноября
23.

извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: «умираю отъ коварнаго врага,» и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ Удѣлъ ⁽¹⁴⁹⁾, и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ Великаго Князя), Духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъясненіемъ горести ⁽¹⁵⁰⁾. — Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный подобно отцу своему, давалъ всегда церковную *десятину* въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; заведовалъ святости Бориса и Глѣба, и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичъ наследовалъ область Владимірскую.

Г. 1088.
И падѣ-
ше Бол-
гаровъ
на Му-
ромъ.

Между тѣмъ, какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, Камскіе Болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе, и въ случаѣ неурожая питая восточный край Россіи,

они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую нибудь обиду или несправедливость: но крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ не долго былъ въ ихъ власти (181).

Великій Князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось; но бѣдствія пнаго роду постигли Россію. Отъ непрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ, и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 Ноября до 1 Февраля 7000 человекъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затмѣніи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суетвѣріе прибавило чуждыя чудеса: рассказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ Великій Князь забавлялся ловлею звѣрей; что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, и что множество людей отъ того умерло (182). Народъ стоналъ, Государь былъ въ уныніи, Половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Дуѣира ды-

г. 1092.
Засуха
и моръ.

Землетрясе-
ніе.

Видѣ-
нія.

Нябѣгъ
Полов-
цевъ.

милые села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песочень на рѣкѣ Суноѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы, и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичъ, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами (153). Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наследовалъ часть Черемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Сла-
вость
Велика-
го Кня-
зя.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ — которые, желая господствовать, не давали ему покоя и безпрестанно требовали Удѣловъ — съ завистію воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя и спокойный сердцемъ (154). Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удаливъ отъ себя Бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ, и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи Вельможъ, судили народъ свой на дворѣ Княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ; Намѣстники и Тіуны грабили

Россію какъ Половцы: Всеволодъ не выи-
малъ жалобамъ. — Чувствуя приближеніе
конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ
въ Черниговъ, и скончался въ объятіяхъ Г. 1093.
Конца-
на его.
Владимира и Ростислава, орошенный ихъ
искренними слезами: Христіанинъ набож-
ный, человеколюбивый, *трезвый* и цѣло-
мудреный отъ самой юности; однимъ
словомъ, достохвальный между частными
людьми, но слабый и слѣдственно пороч-
ный на степеняхъ Государей.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы люби-
мый сынъ его, со временемъ наследовалъ
законнымъ образомъ Кіевскую область,
былъ и во гробѣ съ нимъ неразлученъ (¹⁵⁵):
воля нѣжнаго отца исполнилась, и Всево-
лода погребли, на другой день кончины
его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы ко-
сти — въ Софійскомъ храмѣ — съ обыкно-
венными торжественными обрядами, и въ
присутствіи народа, который погребалъ
тогда Государей какъ истинныхъ отцевъ
своихъ, съ чувствительностію и слезами,
забывая ихъ слабости и помня одни благо-
дѣлія.

Всеволодъ оставилъ супругу втораго бра-
ка, мачиху Владимира, и трехъ дочерей,
Янку или Анну, Евпраксию и Екатерину;
первыя двѣ отказались отъ свѣта и заклю-
чились въ монастырѣ (¹⁵⁶). Мы знаемъ,
что Императоръ Генрикъ IV въ 1089 году дочь

Всево-
лода за
Генри-
комъ
IV.

женился на Россійской Княжпѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ Маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла Игуменьею : она могла быть дочерью Всеволода (¹³⁷). Въ то же время другая Россіянка, именемъ *Евпраксія*, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности ; но Историки Польскіе называютъ сію Княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

Митро-
политъ
Іоаннъ.

При Всеволодѣ былъ Митрополитомъ Грекъ Іоаннъ, мужъ знаменитый ученостію и Христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ Духовенства и другъ несчастныхъ. «Никогда» (сказано въ лѣтописи) «не бывало у насъ такого и не «будетъ!» Мы имѣемъ его сочиненіе, на-

Его со-
чиненіе.

званное *Церковнымъ правиломъ*, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе Князей Россійскихъ выдавать дочерей за Государей Латинской Вѣры ; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (Половцевъ), даже ѣздить туда, и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами ; налагасть епитимью на тѣхъ, которые совокупаются съ правнучатыми или же-нятся безъ вѣщанія думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для Князей и Бояръ ; отлучаетъ отъ церкви Іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею

женою ; велить имъ и Монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости ; наконецъ , въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ , устанавливаетъ *духовное покаяніе* для преступниковъ *благонравія* и *цѣломудрія*. Сей Митрополитъ, наименованный отъ современниковъ *Пророкомъ Христа* ⁽¹⁵⁸⁾ , святилъ церковь *Осодосіева* монастыря *Печерекаго*, о коей написано столь много чудеснаго въ *Патерикъ Кіевскій*. *Визаптійскіе* художники, украсивъ оную , не захотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ *Печерской Обители* : донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ. — Въ 1089 году, когда преставился Митрополитъ *Іоаннъ*, дочь *Всеволодова*, *Янка*, ѣздила въ *Константинополь* и привезла съ собою новаго Митрополита, скопца, именемъ также *Іоанна*, но человѣка весьма обыкновеннаго , слабаго здоровьемъ, и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его *мертвецомъ* ⁽¹⁵⁹⁾ : онъ черезъ годъ умеръ. Третій Митрополитъ *Всеволодова* княженія былъ *Ефремъ*, *Грекъ*, по извѣстію повѣйшихъ *Лѣтописцевъ* ; другіе же называютъ его *Монахомъ Печерскимъ*. *Несторъ* сказываетъ только, что *Ефремъ*, скопецъ подобно *Іоанну*, жилъ въ *Переяславѣ*, гдѣ находилась тогда *Митрополія*, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ *Россіи* строить при

Крестяны. церквахъ крестяныцы (160). Сей Митрополитъ, какъ пишутъ, установилъ торжествовать 9 Маія пренесеніе мощей Св. Николая изъ Ликии въ Италинскій городъ Баръ (101): праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но Лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то Святителѣ Осодорѣ, пріѣзжавшемъ къ Великому Князю отъ Папы (Урбана II) въ 1091 году (102). Властолюбивые Намѣстники Св. Петра безъ сомнѣнія всѣчески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую.

Сношенія съ
Римомъ.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Святполкъ-Михаилъ.

г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святполковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олегова. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Красворѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегово. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣйство Давида и Святполка. Ослѣпленіе Василька. Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Местъ Ростиславичей. Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Святполка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей. Усмиреніе Давида. Строптивость Новгородцевъ. Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами. Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими. Бѣдствіе Россіянъ въ Семигалии. Новые успѣхи въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый. Имя Тматорокаиа исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кончина Святполкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачныя союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоній Римлянинъ. Путешествіе Давида. Россіане въ Іерусалимѣ. Конечъ Несторовой лѣтописи. Старецъ Явъ.

Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ г. 1093. родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступилъ оный Цзя-

Велико-
душіе
Моно-
маха.

славову сыну, и сказавъ: «отецъ его былъ «старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде моего отца; не хочу кровопролитія и войны «междоусобной,» объявилъ Святополкъ Государемъ Россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславъ.

Апрѣля
24.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призывали къ себѣ юнаго Князя, Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ (163): онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго Государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями.

Война
съ По-
ловца-
ми.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посо- вѣтовался съ Болрами отца своего и дяди: велѣлъ заключить Пословъ въ темницу; но свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предложеній, и Великій Князь, собравъ только 800 воиновъ, сѣвши выступить въ поле. Едва благо-

разумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что, вопреки надменному самохвальству молодых людей, пужны не *сотни*, а *тысячи* для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь Черниговскій немедленно вооружился, и призвалъ брата своего, Ростислава. Но Князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собою. Наконецъ Бояре сказали имъ: «ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ и тогда уже думайте о своихъ несогласіяхъ» (164). Святполкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски, и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святыи крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ населенный Торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися Россіянамъ (165): Князья хотѣли освободить его, Святполкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали Бояръ на совѣтъ. Янь, Воевода Кіевскій, другъ блаженнаго Θεодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ Княземъ Черниговскимъ. «Половцы (говорили они) видятъ блескъ мечей нашихъ, и не отвергнутъ мира.» Но Кіевляне, желая побѣды, сложили большинство голосовъ на свою сторону, и войско Россійское перешло за Стугну. Святполкъ велъ правое крыло, Владиміръ лѣвое: Ростиславъ находился въ среднѣ.

Они поставили значена между земляными
 26 Мая. укрѣпленіями Трипольскими (166), и ждали
 непріятеля, который, выславъ напередъ
 стрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми си-
 лами на Святополка. Кіевляне не могли
 выдержать сего удара, и замѣшались. Ве-
 ликій Князь оказалъ примѣрную неустра-
 шимость; бился долго, упорно, и послѣдній
 оставилъ мѣсто сраженія. Срединна и лѣвое
 крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ
 движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько
 времени стояли, но также уступили пре-
 восходству непріятеля. Земля дымилась
 кровію. Росіяне, спасаясь отъ меча побѣ-
 дителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ,
 которая отъ дождей наполнилась водою.
 Мономахъ, видя утопающаго брата, за-
 былъ собственную опасность и бросился во
 глубину: усердная дружина извлекла его
 изъ воли — и сей Князь, оплакивая Ро-
 стислава, многихъ Бояръ своихъ, отече-
 ство, съ горестію возвратился въ Черни-
 говъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастливая
 мать Ростиславова ожидала сына: ей при-
 несла тѣло сего юноши, коего безвременная
 смерть была предметомъ всеобщаго сожа-
 лѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граж-
 дане оборонялись мужественно; но изну-
 ренные голодомъ и жаждою, напрасно тре-
 бовали съѣстныхъ припасовъ отъ Свято-

полка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приближились къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться, и вторично разбитый подъ Кіевомъ (¹⁶⁷), ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и здавія его 23 Іюля. обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

Не имѣвъ счастья воипскаго, Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить г. 1094-
Бракъ
Свято-
п о л-
ковъ. Половцевъ, и женился на дочери ихъ Килзя, Тугоркана. Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: Князь Тматороканскій, Безпо-
койный
Олегъ. Олегъ Святославичъ, въ *третій разъ* пришелъ съ ними разорить отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ, и требовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала пѣкогда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся; но жахъ крови, великодушно сказалъ: *да не радуются враги отечества!* и добровольно уступилъ Княженіе Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ (¹⁶⁸)! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Передславль съ женою и дѣтьми, подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать

толпы хищныхъ Половцевъ, которые, не смотря на миръ, еще долгое время свирѣствовали въ Черниговской области: жестокий Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства.

Жалкое
состоя-
ніе юж-
ной
Россіи.

— Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. «Города опустѣли,» нищеть Песторъ: «въ селахъ пылаютъ церкви, дома, житницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ остріемъ меча, или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, идутъ наги и босы въ отдаленную страну варваровъ, сказывая другъ другу со слезами: *я изъ такого-то города Русскаго, я изъ такой-то веси!* Не видимъ на лугахъ своихъ ни стада, ни копей; нивы заросли травою, и дикіе звѣри обитаютъ тамъ, гдѣ прежде жили Христіане (169)!» Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичъ естественный: саранча, дотоѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совершенно истребила жатву: тучи сихъ нагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ Юга къ Сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселенъ.

Августа
26. Са-
ранча.

г. 1095.
Побѣ-
ды.

Наконецъ Великій Князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія государственныя остервеняютъ сердца и вредятъ са-

мой нравственности людей. Вожди Половецкіе, Итларь и Киптанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ *тали*, или въ аманаты, сына его, Святослава. Киптанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городского вала: Итларь гостилъ въ Переяславѣ у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили Князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства — однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ Половцевъ. Владиміръ колебался; но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву. . . . Въ глубокую ночь Россіяне, вмѣстѣ съ Торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Киптана, его воиновъ, и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава (170). Итларь, не зная ничего, спокойно готовился по утру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, парочно для того сдѣланное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ Князей Россійскихъ казался дозволенною хитростію!

Въ ро-
домъ
ство
Россі-
и.

24 Фе-
вра 10.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и Святополкъ хотѣли предупредить оную. Въ первый разъ дерзнули Россіяне искать Половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, вельблюдовъ, коней, плѣшниковъ, и возвратились благополучно. — Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ Половцами ⁽¹⁷¹⁾: жители его ушли съ Епископомъ въ столицу, и Великій Князь поселилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя *Святополча*.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ Великимъ Княземъ на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго Половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но Князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство бесполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало, Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеславомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ ⁽¹⁷²⁾; но своевольные Новгородцы чрезъ два года

объявляли Давиду, что онъ имъ не надобенъ, и вторично призывали къ себѣ, на его мѣсто, Мстислава. Лишенный Удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, Правитель Курска, подавъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ Черниговскаго Князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова Намѣстника.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святполкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на съѣздъ *Княжескій*. «Тамъ, въ старѣйшемъ градѣ Русскомъ» — говорили они — «утвердимъ безопасность Государства въ общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ Духовенствомъ, съ Боярами отцевъ нашихъ и гражданами.» Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: «я Князь, и не хочу совѣтоваться ни съ Монахами, ни съ чернѣю.» *Когда такъ,* Г о р-
дость
Олего-
ва. сказали Святполкъ и Владиміръ: *когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами!* Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ пахотился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ (173). Наконецъ Черниговскій Князь,

смиранный голодомъ, долженъ былъ покориться, и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ истеричливо хотѣлъ прекратить сѣю междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ Княжескій, другая мѣстечко Устье, близъ Переяслава, и тестъ Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ сѣю Мономахову столицу. Великій Князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города (174). Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и Россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ Половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить войновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ, и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе Половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего Берестовскаго дворца.

Въ то самое время, когда Россіяне торжествовали свою побѣду, другой Князь Половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ; выжегъ предмѣстіе, красный дворецъ Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри;

Май 24.

30 Мая.

Іюль 19.

Іюль 20.

Сожже-
ны мо-
насты-

ворвался ночью въ Обитель Печерскую, ри Кіе-
вопечерска-
го. умертвилъ нѣсколько безоружныхъ Монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣлаго непріятеля; ограбилъ церковь, кельи, и съ добычею удался, оставивъ деревяшныя зданія въ пламени.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ Смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому (¹⁷⁵). Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера, и готовился отразить сего непріятеля. «Иди княжить въ «свою Ростовскую область.» велѣлъ сказать ему Олегъ: «отецъ твой отнялъ у меня «Черниговъ: не ужели и въ Муромѣ, на-«сѣдственномъ моемъ достояніи, вы ли-«шите меня хлѣба? Я не хочу войны, и же-«слаю примириться съ Владиміромъ.» Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ Черниговскихъ Князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечъ. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи, и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ 6 Сеп-
тября. Муромъ (гдѣ была супруга Изяславова), Суздаль, Ростовъ, и слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

Мстиславъ Владиміровичъ, Князь Новгородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о

несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привести къ себѣ тѣло его, и съ горестію погребѣ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Муромъ, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ Пословъ: «ты «убилъ моего брата; но въ ратахъ гибнуть «Цари и Герои. Будь доволенъ своимъ на-
«слѣдственнымъ городомъ: въ такомъ слу-
«чаѣ умолю отца моего примириться съ то-
«бою.» Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился (¹⁷⁶). Начальникъ отряда Новгородскаго, Добрыня Ратуйловичъ, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской Губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ нѣмныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшаго сына, Вячеслава, съ копытымъ

Храб-
рость и
добро-
душие
Мсти-
слава.

отрядомъ союзныхъ Половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержания (¹⁷⁷): «Долго печальное сердце Письмо Мономахово.
«мое боролось съ закономъ Христіанина, «обязаннаго прощать и миловать: Богъ ве- «слитъ братьямъ любить другъ друга; но «самые умные дѣды, самые добрые и бла- «женные отцы наши, обольщаемые вра- «гомъ Христовымъ, возставали на кров- «ныхъ. . . . Пишу къ тебѣ, убѣжденный «твоимъ крестнымъ сыномъ, который мо- «литъ меня оставить злобу для блага земли «Русской, и предать смерть его брата на «судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца «своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ «самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ Боже- «ственной кротости, данный намъ Спаси- «телемъ, мы тѣмныя созданія? нынѣ въ «чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и «другіе раздѣлятъ наше богатство! Вспо- «мнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что «они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? «Убивъ моего сына и твоего собственного «крестника, видя кровь сего агнца, видя «сей юный, увядшій цвѣтъ, ты не пожа- «лѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ «отца и матери; не хотѣлъ написать ко «мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ «прислать бѣдной, виновной снохи, чтобы «я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не ви- «давъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ

«ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней. . . . Ради
 «Бога отпусти несчастную, да сѣтуеть какъ гор-
 «лица въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ отецъ
 «Небесный. — Не укоряю тебя безвременною
 «кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣй-
 «шіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ не-
 «скалъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и въ пе-
 «саль, обманутый слугами корыстолюбивыми.
 «Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ
 «Ростова, и тогда же примирился со мною. Раз-
 «суди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому
 «или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если захочешь
 «успокоить мое сердце, и съ Посломъ или Свя-
 «щенникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ
 «всякаго лукавства: то возмешь добрымъ по-
 «рядкомъ область свою, обратишь къ себѣ
 «наше сердце, и будемъ жить еще дружелюб-
 «нѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ, и не хо-
 «тѣлъ крови твоей у Стародуба» (гдѣ Свято-
 «полкъ и Мономахъ осаждали сего Князя): «но
 «дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія
 «моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова един-
 «ственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ
 «томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка).
 «Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сы-
 «новья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли
 «умертвить ихъ? твоя воля. Богу извѣстно, что
 «я желаю добра отечеству и братьямъ. Да ли-
 «шится навѣки мира душевнаго, кто не желаетъ
 «изъ васъ мира Христіанамъ! — Не боязнь и не
 «крайность заставляютъ меня говорить такимъ

«образомъ , по совѣсть и душа , которая
«мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе.»

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы Вѣро-
обмануть племянника; и когда Мстиславъ, любителю
распустивъ воиновъ по селамъ, безопасно Олего-
сидѣлъ за обѣдомъ съ Боярами своими,
гонцы принесли ему вѣсть, что коварный
его дядя стоитъ уже на Клязьмѣ съ вой-
скомъ ⁽¹⁷⁸⁾. Олегъ думалъ, что Мстиславъ, г. 1097,
изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, Марта
уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный Князь,
въ одни сутки собравъ дружину Нового-
родскую, Ростовскую, Бѣлозерскую, при-
готовился къ битвѣ за городскимъ валомъ.
Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно,
и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ,
успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда на-
чалось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя
славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя
Половецкаго, заходившаго къ нему въ
тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты,
и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ
меньшему своему брату, Ярославу, Му-
ромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мсти-
славъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ
завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ,
освободивъ единственно Ростовскихъ и
Суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключен-
ныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ
отчаяніи , и не зналъ , гдѣ приклонить го-
лову; но племянникъ велѣлъ ему сказать,

чтобы онъ былъ спокоенъ. «Святополкъ и «Владиміръ не лишать тебя земли Русской», говорилъ сей чувствительный юноша: «я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. «Останься и властвуй въ своемъ Княжествѣ: только смирися.» Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ Великимъ Княземъ и своимъ отцемъ.

Велико-
душе
Мстис-
лавъ.

Съѣзъ
Князей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе Князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ (79), они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія; что имъ должно наконецъ прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душою и сердцемъ, унять вѣнскихъ разбойниковъ, Половцевъ — успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ Князей Россійскихъ, былъ виновникомъ и душою сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступалъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и Князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Момахомъ частный Удѣлъ отца его: Переяславъ, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро;

за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волыскій; за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святыи крестъ, говоря: *да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ; а кто возстанетъ на брата, на того мы все возстанемъ.* Добрый народъ благословлялъ согласіе своихъ Князей: Князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминаіе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извѣщаетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный внукъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичъ, прѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Злодѣйство
Давида
и Святослава. Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичъ суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ Великокняжескимъ, а второй городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичъ, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ (150); что благоразуміе тре-

буеть осторожности, а мечь жертвы. Великій Князь содрогнулся и заплакалъ, вспоминая несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сіе ужасное обвиненіе?» сказалъ онъ : «да накажетъ тебя Богъ, если обманывасяшь меня отъ зависти и злобы.» Давидъ клялся, что ни ему въ Владиміръ, ни Святополку въ Кіевъ не господствовать мирно, пока живъ Василько; и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ подобно отцу своему.

Нолбръ
4.

Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ въ сей Обители и почевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до именинъ Великаго Князя, то есть, до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ Поляками, сиѣвшиъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. «Видиши ли?» сказалъ Давидъ Великому Князю: «онъ презираетъ тебя въ самой области твоей: чтожь будетъ, когда пріѣдетъ въ свою? займетъ безъ сомнѣнія Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ принадлежащія (181). Вели схватить его и отдать мнѣ, или ты вспомниши совѣтъ мой, но поздно.» Святополкъ вторично послалъ сказать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей

и побесѣдовать съ нимъ. Несчастный Князь далъ слово; сѣлъ на коня, и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ Отроковъ, и съ ужасомъ объявлялъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. «Мы цѣловали крестъ — сказалъ онъ — и клялися умереть друзьями; не хочу подозрѣніемъ оскорбить моихъ родственниковъ» — перекрестился, и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ Княжескомъ, ввелъ въ горницу, и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ: началъ говорить съ нимъ; но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться (182). По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкіе оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день созвавъ Бояръ и гражданъ Кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: «Государь! безопасность твоя для насъ священна: казни Василька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ отмститъ ему за кровь невиннаго.» Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили Великому Князю о человеколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался; но снова устрешенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ

руки. Василька почью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ; въ глазахъ его остригли похъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ, и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиленіемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали; раздавили ему грудь доскою, и вырѣзали обѣ зѣницы . . . Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: «гдѣ я?» вынулъ свѣжей воды; ощуналъ свою рубашку, и сказалъ: «начто вы сняли съ меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ ней предъ Судією Всевышнимъ» . . . Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ Отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Осѣпленіе
Василь-
ка.

Слезы
Моно-
маховъ.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. «Никогда еще — сказалъ онъ — не бывало подобнаго въ землѣ Русской!» и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей, Олега и Давида. «Прекратимъ зло въ на-

«чалъ,» писалъ къ нимъ сей добрый Князь: «накажемъ изверга, который посрамилъ отечество и далъ ножъ брату на брата; или кровь еще болѣе польется, и мы всѣ обратимся въ убійцъ; земля Русская погибнетъ: варвары овладѣютъ ею.» Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приблизились къ Кіеву и грозно требовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ Князей: г. 1098. «Ежели Василько преступникъ, то для чего еще не хотѣлъ ты судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ состоитъ вина его?» Великій Князь оправдывался своимъ легковѣріемъ, и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. «Но въ твоёмъ гордѣ,» сказали Послы и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Святославичи уже готовились идти за Дибирь¹⁸³), чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Святополкъ думалъ бѣжать; но граждане не пустили его, и зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему Посольство. Митрополитъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станъ соединенныхъ Князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила: «Князья великодушные! сказалъ Митрополитъ Владиміру и Святославичамъ: «не терзайте отечества между-собіемъ, не веселите враговъ его. Съ ка- Рѣчь

Митро-
полита.

«кимъ трудомъ отцы и дѣды ваши утвер-
ждали величіе и безопасность Государства!
«Они пріобрѣтали чуждыя земли; а вы что
«дѣлаете? губите собственную.» Владиміръ
пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего
родителя, вдовствующую Княгиню его и
Пастыря Церкви; а всего болѣе любилъ
Россію. «Такъ!» отвѣтствовалъ Мономахъ
съ горестію: «мы недостойны своихъ ве-
«ликихъ предковъ и заслуживаемъ сію уко-
«ризу.» Князья согласились на миръ, и
Владиміръ простилъ Святополку собствен-
ную обиду: ибо сей неблагодарный, обя-
занный ему престоломъ, не устыдился по-
вѣрить клеветѣ и считать его своимъ тай-
нымъ злодѣемъ. Великій Князь, сложивъ
всю вину на Давида, далъ слово наказать
его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвра-
тить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей
Несторовой лѣтописи, именемъ Василій —
вѣроятно, Инокъ или Священникъ — пред-
ставляетъ самъ важное дѣйствующее лице,
и рассказываетъ слѣдующія обстоятельства:
«Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ
«ночью прислалъ за мною. Окруженный
«своими Боярами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть
«и сказалъ: *Василько говоритъ, что я могу*
«*примириться съ Владиміромъ. Иди къ за-*
«*ключенному* (181): *сговори ему, чтобы*
«*онъ отправилъ Посла къ Мономаху и скло-*

«нилъ сего Князя оставить меня въ покоѣ.
 «Въ знакъ благодарности дамъ Васильку
 «любой изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожь,
 «Шеполь или Перемиль. Я исполнилъ Дави-
 «дову волю. Несчастный Василько слушалъ
 «меня со вниманіемъ, и съ кротостію от-
 «вѣтствовалъ: Я не говорилъ ни слова; но
 «сдѣлаю удобное Давиду, и не хочу, чтобы
 «для меня проливали кровь Россіянъ. Только
 «удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости
 «даетъ мнѣ собственный мой городъ Ше-
 «поль: я и въ темницѣ Князь Теребовля.
 «Скажи, что желаю видѣть и послать ко
 «Владиміру Боярина моего, Кулмея. Да-
 «видъ не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что
 «сего человѣка нѣтъ въ Владиміръ. Я вто-
 «рично пришелъ къ Васильку, который вы-
 «слалъ слугу, сѣлъ со мною и говорилъ
 «такъ: Слышу, что Давидъ мыслитъ от-
 «дать меня въ руки Ляхамъ; онъ еще не
 «сытъ моею кровію: ему надобна остальная.
 «Я мстилъ Ляхамъ за отечество и сдѣлалъ
 «имъ много зла ⁽¹⁸⁵⁾: пусть воля Давидова
 «совершится! Не боюсь смерти. Но любя
 «истину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ
 «наказалъ меня за гордость. Зная, что
 «идутъ ко мнѣ союзные Торки, Берендѣи,
 «Половцы и Печенѣги, я думалъ въ своей
 «надменности: Теперь скажу брату Воло-
 «дарю и Давиду: дайте мнѣ только свою
 «младшую дружину; а сами пейте и весели-

Пр е-
 красная
 душа
 Василь-
 кова.

«тесѣ. Зимую выступлю, лѣтомъ завоюю Поль-
«шу. Земля у насъ не богата жителями: пойду
«на Дунайскихъ Болгаровъ, и плѣнниками на-
«селою ся пустыни. А тамъ буду проситься у Свя-
«тополка и Владиміра на общихъ враговъ оте-
«чества, на злодѣевъ Половцевъ; достигну славы
«или положу голову за Русскую землю. Въ душѣ
«моей не было иной мысли. Клянуся Богомъ, что
«я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Свя-
«тополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ лю-
«безпымъ.» Сей несчастный Князь, въ стѣнахъ
темницы открывая душу свою какому нибудь
смиренному Цюку, не думалъ, что самое отда-
ленное потомство услышитъ его слова, достой-
ныя Героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ за-
ключеніи: Владиміръ — озабоченный, какъ вѣ-
роятно, набѣгами Половцевъ — не могъ осво-
бодить его (¹⁸⁶). Давидъ ободрился и хотѣлъ уве-
личить область свою завоеваніемъ Теремовля;
но устрешенный мужествомъ Володаря Рости-
славича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и
бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ
его, требовалъ единственно брата, и гнусный
Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣ-
рялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною зло-
дѣянія. «Не въ моей области» — говорилъ онъ —
«пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ на все
«согласиться, чтобы не имѣть такой же участи.»
Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро осво-
бодилъ Василька, то снова объявилъ войну Да-

виду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей, и приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали Вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. «Мы рады умереть за самого Князя,» говорилъ народъ; а слуги его не стоятъ кровопролитію. Онъ долженъ исполнить нашу волю, или отворимъ городскія ворота и скажемъ «ему: *промышляй о себѣ!*» Давидъ хотѣлъ спасти панерсениковъ (¹⁸⁷); но боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы Отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему Князю.

Местъ
Ростиславичей.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обремененный торжественною клятвою, шелъ наказывать его, и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у Короля Польскаго, Владислава: сей Государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился стапомъ на Бугѣ, и вступилъ въ переговоры съ Великимъ Княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ: получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою об-

г. 1099.

Коры-
столю-
бія По-
ляковъ.

Апрѣля
9.

ласть, ручаясь за его безопасность. Но Великій Князь, съ согласія Поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый Королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу (188).

Поползъ
въ ро-
домство
Свято-
полка

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волиніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но побѣдивъ его, Великій Князь захотѣлъ овладѣть Черемышлемъ и Теремовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слѣпый Василько явился на мѣстѣ битвы, и показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: «Видишь ли метителя, клятвопреступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою. Крестъ святой да будетъ намъ судіею!» Сраженіе было кровопролитное (189). Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ: поручилъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ палочницею; другаго сына, Ярославъ, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича,

оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжден-
нымъ только до границъ своей области и Умѣрен-
ность
Рости-
славичей. возвратились, не желая никакихъ кріобръ-
тений : умѣренность великодушная! Они
помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и
гнушались примѣрами вѣроломства.

Сынъ Великаго Князя, Ярославъ, скло-
нилъ Государя Венгерскаго объявить войну
Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ
великія силы, вступилъ въ Червенскую
область. Володаръ затворился въ Черемыш-
лѣ. Давидъ Игоревичъ ⁽¹⁹⁰⁾, напрасно пе-
кавъ друзей и союзниковъ въ Государ-
ства, возвратился тогда изъ Польши : видя
общую опасность, прибѣгнулъ къ Рости-
славичамъ, и въ знакъ довѣренности оста-
вивъ жену свою у Володаря, отправился
къ Половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ
его на границѣ, взялся дѣйствовать про-
тивъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ,
что Половцевъ было 390 человекъ, а да-
видовыхъ воиновъ 100 ; что Бонякъ, не-
кусый гадатель будущаго, въ темную глу-
бокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ
вить ; что звѣри степные отвѣтствовали
ему такимъ же воємъ, и что обрадованный
Ханъ предсказалъ Давиду несомнительную
побѣду. Сувѣріе бываетъ иногда счаст-
ливо : ободривъ воиновъ, мужественный
Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части ; ве-

лѣлъ товарищу своему, Алтупонѣ, идти прямо на Венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди, по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человекъ. Алтупона увидѣлъ вдали множество Венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца, и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло, и пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же Венгры устремились велѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтупона спереди, Давидъ также (191). Володаръ, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные Венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга; бросались въ рѣку Санъ, и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ около 40,000 воиновъ, многихъ Бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе Лѣтописцы рассказываютъ, что виною сего *безпримѣрнаго* несчастія была неосторожность ихъ Государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей Россійской Княгини *Ланки*, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосерднымъ къ ея народу; что Венгры, не

Пора-
женіе
Вен-
гровъ.

ожидаѣ сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда Хагъ Половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ, и не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ безъ сомнѣнія думалъ тогда завладѣть Червесою областію: съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россіянь въ свою Вѣру. Одинъ изъ сихъ Епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичъ, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червень (193), и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою — въ самое то мгнове-

Междо-
усобіа.

ніе, какъ онъ натягивалъ лукъ — сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дни кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили уведомить Святополка о своей крайности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой неминуемаго голода (193). Святополкъ отправилъ къ нимъ Воеводу Путагу, и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ Великаго Князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ Пословъ, которыхъ онъ до того

Августа
5.

времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь повѣстить ихъ Государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и Владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой Посадника Святополкова (194); но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель Венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и Посадника Кіевского изъ Владиміра.

г. 1100.

Іюля 30.
Понный
судъ
Князей.

Тогда Князья Россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собрались близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи; заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей Князь Владимірекій не дерзнулъ ихъ послушаться; но пріѣхавъ, гордо сказалъ: «Я здѣсь: чего отъ меня хотите? кто недоволенъ мною?» . . . *Не ты ли самъ —* отвѣтствовалъ ему Владиміръ — *желалъ общаго Княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ косяхъ съ братьями: говори,*

кто и чѣмъ оскорбилъ тебя? Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они спеслися между собою, и Послы ихъ торжественно сказали ему: «Князь Давидъ! объявляемъ волю нашихъ Государей (195). Область Владимірская уже не твоя отныпѣ: ибо ты былъ причиною вражды и злодѣйства, пселяханаго въ Россіи. Но живи спокойно; не бойся мести. Бужскъ остается твоимъ городомъ: Святополкъ дастъ тебѣ еще Дубно и Черторижскъ, Мопомахъ 200 гривень, Олегъ и братъ его тоже.» Давидъ смирился, и Святополкъ чрезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ Волинскій, отдавъ Владиміръ сыну своему Ярославу. Соединенные Князья отправили также Пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Черемышлѣ; чтобы Володаръ взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются кормить его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе, и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теремовальскимъ Княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними; но строго наказалъ

Усми-
реніе
Давида.

г. 1101.

своего роднаго племянника, Ярославъ, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами (196). Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки Владимірскому Князю, сыну Святوپолкову: снова былъ заключенъ, и чрезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

— Раздѣленіе Государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть Князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольтва гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій Князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во Дворецъ Кіевскомъ, сопровождаемый знатыми Новгородцами и Боярами Мономаха. Когда Святуполкъ посадилъ ихъ, Бояре говорили ему: «Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты отпустилъ его княжить въ Владиміръ, а сына своего въ Новгородъ.» *Нѣтъ!* сказали Послы Новгородскіе: *объявляемъ*

Декаб-
ря 2.
Строп-
тивость
Ново-
город-
цевъ.

торжественно, что сего не будетъ. Святѣ-полкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ: теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, елики у него дѣль головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ (197). Великій Князь долго спорилъ съ ними; но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ со Мстиславомъ.

Между тѣмъ второй Княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ Великимъ Княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, имевъ въ хановъ своихъ требовали мира, и заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отерочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго Князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святѣполкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу, и сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ Болярами (198). Дружина Великаго Князя говорила, что весна не благопріятна для военныхъ дѣйствій; что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы, и въ селахъ не будетъ хлѣба. «Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе отечества. Мы дадимъ время пахать земледѣльцу; а Половчинъ застрѣлить его

Совѣтъ
Князей.

«на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, плѣнитъ жену, дѣтей, и возьметъ все имѣніе оратая.» Бояре не могли оспоривать сего убѣдительнаго возраженія, и Великій Князь, вставъ съ мѣста, сказалъ : *я готовъ!* Владиміръ съ нѣжностію обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ Князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть Героями. Олегъ Святославичъ отговорился болѣзнію ; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкій, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году ⁽¹⁹⁹⁾ : меньшій сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ : также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ, и который, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждалъ Владиміръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ ⁽²⁰⁰⁾. Великій Князь взялъ съ собою роднаго племянника, Вячеслава, а Мопомахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченіе сухимъ путемъ и водою двинулось къ Югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова : тамъ построилось войско, и четыре дни шло степями къ Востоку до мѣста называемаго *Сутень*. Встрече-

Счаст-
ливая
война
съ По-
ловца-
ми.

женные непріятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ Хаповъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшій изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира, и что Россіяне, долгое время терпѣвъ отъ Половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ Князей, младшіе Хапы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостію отвѣтствуя: «Старецъ! ты боишься Россіянъ! но мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ, и возмемъ все беззащитные города ихъ.»

Въ то время, когда Половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, Россіяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другіе украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростію и веселіемъ. Алтунопа, славнѣйшій изъ храбрецовъ Половецкихъ, былъ впереди на стражѣ: Россіяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непріятельскій. Началось главное сраженіе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что Половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями, и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во все стороны. Никогда еще Россійскіе Князья не

одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ Хаповъ пали въ сраженіи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привели къ Святополку : сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владиміру, который сказалъ ему : «Ты не учишь дѣтей своихъ и товарищей бояться клятвеннаго преступленія. Сколько разъ вы обѣщали миръ и губили Христіанъ? *«Да будетъ же кровь твоя на главь твоей!»* Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, вельблюдовъ, коней ; освободили невольниковъ, и въ числѣ плѣнныхъ захватили Торковъ и Печенѣговъ, которые служили Половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая Россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ Небо. «Сей день (говорилъ онъ) есть праздникъ для отечества. Всевышній избавилъ отъ враговъ землю Русскую : «они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены главы «змій, и мы обогатились достояніемъ невѣрныхъ.» Въ надеждѣ, что Половцы не дерзнутъ уже беспокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній, и возобновилъ городъ Юрьевъ, имъ сожженный, на берегу Росы.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи Государства не могли тогда имѣть успѣха : княженіе Святополка, отъ начала до конца, представляетъ цѣпь ратныхъ

дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ, и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Ярославъ Святославичъ, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ Мордовою, въ Губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле, въ со-
сѣдствѣ съ Казанскими Болгарами. — Слѣ-
дуя примѣру отцевъ своихъ, Великій Князь и Мономахъ вооружились противъ наслед-
никовъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Пу-
тята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Яро-
полкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскъ. Родной братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ни-
ми: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сто-
рону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха. — Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семи-
галию. Несторъ называетъ ея жителей дан-
никами Россіи ⁽²⁰¹⁾: быть можетъ, что они прежде завиѣли отъ Князей Полоцкихъ и
вздумали тогда отложиться. Кровопрлит-
ная битва утвердила ихъ свободу: Всесла-
вичи, потерявъ 9000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

г. 1104.
Марта
24 Вой-
на съ
Морд-
вою в
съ Кня-
зьями
Полоц-
скими.

г. 1106.
Пора-
женіе
Россі-
анъ въ
Семига-
ліи.

Съ другой стороны Половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не сокрушилъ гидры, и что не всѣ
главы ея пали отъ меча Россійскаго. Уже

Полов-
цы успѣхъ

въ роѣ- варвары съ добычею и съ невольниками
нѣ съ
Полов- возвращались въ свою землю, когда Воево-
цѣмъ. ды Святополковы настигли ихъ за Сулою
г. 1107, и выручили плѣнныхъ (²⁰²). Въ слѣдующій
7 Мая. годъ отважнѣйшій Бонякъ, захвативъ табуны
Переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ,
выѣстъ съ знаменитымъ Вождемъ Поло-
вецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій
Князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ,
Мономахъ съ двумя сынами, перешли за
Сулу и съ грознымъ войскомъ устремились
на варваровъ, которые не имѣли времени
построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь
бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ
42 Авгу- добычу побѣдителя. Россіяне, гнавъ ихъ до
ста. самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ
12 Генв- плѣнъ. — Сии успѣхи не возгордили Олега
варя 1108 г. и Мономаха, которые въ томъ же году же-
нили сыновей своихъ на дочеряхъ Хан-
скихъ (²⁰³). Омерзѣніе къ злобнымъ языч-
никамъ уступало Политикѣ и надеждѣ успо-
коить Государство хотя на малое время. —
Миръ не продолжался ни двухъ лѣтъ :
Россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ
году воевали близъ Дона и брали вежи
Половецкія. Наконецъ Мономахъ снова
г. 1111. убѣдилъ Князей дѣйствовать соединенными
силами, и въ то время, когда народъ го-
вѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы Вели-
копостныя, воины собирались подъ знаме-
нами, Достоинно замѣчаніе, что около сего

времени были многія воздушныя явленія въ Россіи, и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное *счастіе* для Государства, или побѣду: ибо Россіяне не знали тогда иного счастія. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злобныхъ суиостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества (²⁰⁴). Россіяне выступили 26 Февраля, и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою, и 19 Марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклись въ брони (²⁰⁵), и стройными рядами двинулись къ Югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской Имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію Іерсевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ идти предъ воинствомъ со крестами. Россіяне пощадили неприятельскій городъ Осневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ

Походъ
завле-
пный.

дарами : съ виномъ , медомъ и рыбою); другой, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія Татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны Козарами: Половцы, завладѣвъ ихъ страпою, и сами уже обитали въ домахъ. 24 Марта Князья разбили варваровъ, и праздновали Благо-вѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но чрезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопрлитная, доказала пре-восходство Россіянъ въ искусствѣ вои-скомъ. Мопомахъ сражался какъ истинный Герой, и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что Ангелъ свыше каралъ По-ловцевъ, и что головы ихъ, *невидимою* ру-кою ссѣкаемыя, летѣли на землю : Богъ всегда *невидимо* помогаетъ храбрымъ. — Россіяне, довольные множествомъ плѣн-ныхъ, добычею, славою (которая, по увѣ-ренію современниковъ, разнеслася отъ Гре-ціи, Польши, Богеміи, Венгрии до самаго Рима), возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ Половцы безъ сомнѣнія тогда господствовали, овла-дѣвъ Воспорскимъ Царствомъ или Тмуто-роканскимъ Княженіемъ, коего имя съ

Имя
Тмуто-
рокан-
скаго
всѣхъ
заетъ въ
лѣтопи-
сахъ.

сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ ⁽²⁰⁶⁾.

Въ числѣ многихъ Князей, ходившихъ с. 1112. на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичъ Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ; область его наследовалъ зять Мстислава Новгородскаго, Ярославъ Святополковичъ, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ Ятвягами, стронтиными данниками нашего отечества ⁽²⁰⁷⁾. Сєю войною заключилъсь подвиги Россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ все пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилося достоинство Великаго Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству ⁽²⁰⁸⁾.

Апрѣля
16.
Кончи-
на Свя-
топол-
кова.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у Печерскаго Игумена, надъ гробомъ Осодосія, и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви, — какъ-то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего Князя — и въ 1108 году велѣлъ Митрополиту вписать Осодосіево имя въ Синодикъ, для поминовенія во всехъ Россій-

скихъ Епископіяхъ. Довольный паружностію благочестія, онъ явно преступалъ святыя уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая, по его смерти, раздала великое богатство монастырямъ, Священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота, и притомъ великими средствами: терилъ Евреевъ въ Кіевѣ — вѣроятно, переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды — и самъ не стыдился, къ утѣшенію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемышля). — Сбыслава, дочь Великаго Князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ Королемъ Польскимъ, Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвинъ, Епископъ Краковскій, пеходатайствовалъ разрѣшеніе отъ Папы: ибо Княжна Россійская была въ свойствѣ съ Королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ: Болеславъ, въ изъявленіе своего удовольствія, щедро одарилъ Вельможъ Польскихъ. Онъ уважалъ тестя, и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который, въ 1106 году пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ Великаго Князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, въ 1104 вышла за

Евреи
въ Кіевѣ.

Продол-
жа со-
ли.

Брач-
ные со-
юзы.

Королевича Венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время — въ 1104 году — третья Княжна Россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности; второй былъ родоначальникомъ Императоровъ Трапезунтскихъ. — Коломанъ, Государь Венгерскій, уже престарѣлый женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія беременная возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына, Бориса (209).

Въ княженіе Святополково Митрополи-
тами были Греки Николай и Никифоръ: первый ѣздилъ Посломъ къ Мономаху отъ Кіевскихъ гражданъ въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе *Святошею*, отказался отъ міра, и заключился въ Обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Сей Князь, бывъ сперва слугою пноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ

Митро-
политы.

Князь
Свято-
ша.

Св. Ан-
тоній
Римля-
нинъ.

кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. — Время Ипкифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ Св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чпповники и Епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи (210).

Путе-
шестіе
Даніи-
ла.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе Россійскаго Игумена Даніила къ Святѣмъ Мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда Крестоносцами. Славный Бальдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою Королевской дружины сей Игумень ходилъ къ Дамаску, въ Акру, и могъ безопасно осмотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили Христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Бальвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ Обители Св. Саввы, для поминанія на ектеніяхъ, имена Князей Россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что

многіе знатные Кіевляне и Новгородцы находились тогда въ Іерусалимѣ ⁽²¹¹⁾. Алексій Комнинъ безъ сомнѣнія приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ Христіанства ; отечество наше имѣло собственныхъ : по вѣроятію, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ Россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами Крестоваго воинства. Впрочемъ быть можетъ, что одно Христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину : ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что Россіяне въ XI вѣкѣ часто давали Небу обѣтъ видѣть ся мѣста святыя ⁽²¹²⁾.

Россіяне въ Іерусалимѣ.

Описаніе времени Свѣтополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ Князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ въ 1106 году о смерти *добраго*, ^{Конца Несторовой лѣтописи.} *девяносто-лѣтняго старца* Иил, славнаго Воеводы, жизнью подобнаго древнимъ Христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія ⁽²¹³⁾. Отселе путеводителями нашими будутъ другіе, также современные Лѣтописцы. ^{Старецъ Иилъ.}

ГЛАВА VII.

Владиміръ Мономахъ, названный
въ крещеніи Василиемъ.

Г. 1113—1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ умирятъ мятежъ. Новое пренесеніе мощей Бориса и Глѣба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черные Клобуки. Бѣловежцы. Дѣла съ Греками. Мономахова шапка. Царевичъ Леопъ. Умиреніе Минскаго Князя и Новгородцевъ. Изгнаніе и бѣдствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плънь Володаря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кончина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Основаніе Владиміра Залѣскаго. Гilda, супруга Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита Никифора.

г. 1113. По смерти Святополка-Михаила граждане Кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ Князей Россійскихъ долженъ быть Великимъ Княземъ, отправили Пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину, и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему

чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Ярославова сына, по тогдашнему обыкновенію должны были наследовать престолъ Великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: Кіевляне не хотѣли слышать о другомъ Государѣ; а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ Тысяческаго, имѣемъ Путяты, и всѣхъ Жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка (214). Спокойные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. «Спаси насъ» — говорили ихъ Послы — «отъ неистовства черни; спаси отъ грабителей домъ печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святыню монастырей.» Владиміръ пріѣхавъ въ столицу: народъ изъяснилъ необычайную радость, и мятежники усмирлись, видя Князя великодушнаго на главномъ престолѣ Россійскомъ.

Г р а-
б и т ѣ
Жидовъ
въ Кіе-
вѣ.

Апрѣля
20.

Моно-
м а х ѣ
у с м и-
р а е т ѣ
мятежъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцевъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: сямъ

г. 1115,
Маія 2.
Новое
прене-
сеніе
мощей
Бориса
и Глѣ-
ба.

дѣйствиємъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ Мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи Княземъ Черыяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку Святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ Лѣтописецъ, что Греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородъ Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякой хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для Книраса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоценныя шкуры звѣрей, серебряники (215). Олегъ далъ роскошный пиръ Князьямъ; три дни угощали бѣдныхъ и странниковъ. — Сіе торжество, и церковное и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ Исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною Кіевского мятежа было, кажется, лихоимство Евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ Бояръ и

Тысячекныхъ : Ратибора Кіевского, Проконія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира Мирослава и Болрица Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними, и наконецъ опредѣлилъ, что займодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые *трет-* Законъ
о ро-
стахъ.
ные росты, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превъышали ихъ ⁽²¹⁶⁾. Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Сей Государь щадилъ кровь людей; но зпалъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его Мстиславъ, два раза побѣдивъ Чудь, завладѣлъ городомъ Оденне, или *Мед-* г. 1116-
1123.
Побѣда
въ Ля-
воніи,
въ Фин-
ляндіи,
въ Бол-
гаріи,
въ До-
ну.
въжью Головою въ Ливоніи ⁽²¹⁷⁾. Призванный отцемъ княжить въ Бѣлгородъ, онъ поручилъ Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже наступала) и бѣдность земли угрожали Россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили погату. — Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздаль, ходилъ

Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, восвалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество Ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи Берепдѣевъ, Печепѣговъ и Торковъ, новыхъ пришельцевъ: утѣвляемые Половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ* или *Черкасовъ*, и служили Россіянамъ ⁽²¹⁸⁾. — Лѣтописъ Владимірова времени упоминаетъ еще о Бѣловежцахъ, охотно принятыхъ Великимъ Княземъ. Сии обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣхъ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (во 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились каменные стѣны, башни, ворота и

Черные
Клобу-
ки.

Бѣло-
вежцы.

другія зданія. Козары, наученные Греками, строили лучше нашихъ предковъ ⁽²¹⁹⁾.

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего Великаго Князя на Востокъ и Западъ, что имя его, по выраженію Лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ, и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить ^{Дѣла съ Греками.} новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую Имперію. Они рассказываютъ, что Великій Князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ Греками, со многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Оракію; что утраченный Алексіемъ Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ сіи дары Великому Князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ Кіевскомъ Соборномъ храмѣ Императорскимъ вѣнцемъ и возгласилъ Царемъ Россійскимъ ⁽²²⁰⁾. Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова златая шапка или Мономахова шапка, корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются Самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которыя дѣйствительно могли быть даромъ Императора Алексія. Мы

знаемъ, что и въ X Вѣкѣ Государя Россійскіе часто требовали Царской утвари отъ Византійскихъ Императоровъ ⁽²²¹⁾; знаемъ также, что Великіе Князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, слѣдующихъ въ Грецію (какъ то свидѣтельствуютъ подписи оныхъ и самая работа). Но завоеваніе Оракіи кажется сомнительнымъ, и въ древнихъ лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ Грекамъ :

Царе-
и в ч ѣ
Леонъ.

«Въ 1116 году супругъ Мономаховой дочери Маріи, Царевичъ Леонъ, сынъ бывшаго Императора Діогена, собравъ войско на берегахъ Черпаго моря, вступилъ въ сѣверныя области Имперіи и завладѣлъ городами Дунайскими; но Царь Алексій послалъ къ нему въ Доростолъ двухъ Аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (Августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, велѣлъ идти на Дунай Воеводѣ, Іоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ Бояриномъ, Омою Ратиборовичемъ; первый дѣйствительно занялъ нѣкоторыя изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола ⁽²²²⁾.» Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ Исторіи отца ея, славнаго

Императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ Турками близъ Антиохіи. «Черезъ нѣкоторое время, пишетъ Анна, явился въ Имперіи обманщикъ, прицѣпившій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ Половцами, и предводительствуя ихъ толпами, шелъ во Оракію; но взятый въ плѣнъ Греками, не вытѣлъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза» (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе Византійскіе дѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ конечно истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Дворомъ Константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. — Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась Монахинцею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ Великимъ Князьямъ; а города Дунайскіе были скоро возвращены Имперіи, или силою оружія, или въ слѣдствіе мирныхъ договоровъ.

Владиміръ, одолевая вѣнскихъ непріятелей, смиралъ и внутреннихъ. Князь Минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припечью и Двиною: за то сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опу-

Уопи-
реніе
М а и-
скаго
Князя и
Ново-
город-
цевъ.

стошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысь; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба, и вновь имъ оскорбленный, привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался (223).— Безпокойные Новгородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ Бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человеколюбивый, но мудрый Государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказаній (224). Уже нѣсколько времени Посадники Новгородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ Кіевскому Вельможѣ Борису.

Сынъ Святполковъ, Ярославъ или Ярославецъ, Князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономаха выступилъ съ войскою, соединился съ Ростиславичами, Князьями югозападной Россіи, около

двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Влади-
 міръ въ осадѣ, и принудилъ Ярославъ по-
 кориться; но сей легкомысленный племян-
 никъ снова оскорбилъ дядо, съ презрѣ-
 ніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую су-
 пругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ
 Бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и
 Великій Князь отдалъ Владимірскій Удѣлъ
 сыну своему, Роману, Володареву зятю,
 который въ томъ же году умеръ. Моно-
 махъ послалъ на его мѣсто другаго сына,
 Андрея (женатаго на внукѣ Половецкаго
 Князя, Тугоркана) и велѣлъ ему предупре-
 дить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная,
 что сей Король, свойственникъ изгнаннаго
 Князя Владимірскаго, ожидаетъ только
 удобнаго случая для объявленія войны Рос-
 сіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдствен-
 ныя владѣнія Королевскія и возвратился
 съ добычею. Ляхи, приведенные Яросла-
 вомъ, хотѣли взять Червень; но съ вели-
 кимъ урономъ были отражены тамошнимъ
 Намѣстникомъ, Оомою Ратиборовичемъ.
 Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ Государю
 Венгерскому, Стефану, который, желая от-
 метить Россіянамъ за отца своего, побѣж-
 деннаго ими на берегахъ Сава, вступилъ
 въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ Бо-
 гемцами и Поляками. Великій Князь, не
 имѣвъ времени собрать войско, съ малою
 дружиною отправилъ Мстислава къ городу

Изгна-
 ніе и
 бѣд-
 ствіе
 Князя
 Влади-
 мірска-
 го.

г. 1123.
 Венгры,
 Богем-
 цы и
 Поляки
 въ Рос-
 сію.

Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономаху и народу страшною местью въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложившаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человека вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути, между непріятельскимъ станомъ и городомъ, и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ сам-третей возвращался къ союзному войску ⁽²²⁵⁾. Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили заключить миръ съ Великимъ Княземъ. Лѣтописецъ Венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что Воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться въ Венгрію ⁽²²⁶⁾.

Пхъ не-
удача.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сѣи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ Лѣтописцахъ Польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный Володарь, ужасъ

и бичь сосѣдственныхъ Ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго Вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притвораю изъясняятъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному Князю Перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ его Плѣнъ
Воло-
даря. связаннаго къ себѣ въ замокъ ⁽²²⁷⁾: что случилось не за-долго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и вельблюдахъ, множество золота, серебра, драгоценныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ, и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и Великимъ Княземъ.

Завоеваніемъ Мииска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри Государства, но не думалъ переменить системы послѣдственныхъ Удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія Князей

Смерть
трехъ
Князей
знаме-
нитыхъ.

Черниговскихъ, Полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастью потомства; хотѣлъ быть *первымъ*, а не *единственнымъ* Княземъ Россійскимъ: покровителемъ Россіи и Главою частныхъ Владѣтелей, а не Государемъ Самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и Князя Владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплемениковъ грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у Князей снокойныхъ. — По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наследовали Перемышль, Звенигородъ, Теремовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда въ 1124 году умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ ⁽²²⁸⁾.

г. 1123, Князевъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Влади-

міръ Мономахъ скончался на 73 году отъ Майя 19.
 рожденія, славный побѣдами за Русскую Князю
 землю и благими правами, какъ говорятъ на Мо-
 древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и номахо-
 недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное ва.
 святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви
 имъ созданной, на берегу Альты, предалъ
 духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувстви-
 нійхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣ-
 ти и Вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ,
 и совершили обрядъ погребенія въ Софій-
 скомъ храмѣ. Набожность была тогда весь-
 ма обыкновенною добродѣтелию; по Владп- Свой
 міръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ ства
 умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ его.
 глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился
 Вседержителю, за отечество и народъ, ему
 любезный (229). Не менѣе хвалятъ Лѣто-
 писцы вѣжнүю его привязанность къ отцу
 (котораго сей рѣдкій сынъ никогда и ни въ
 чемъ не ослушался), свисхожденіе къ сла-
 бому человѣчеству, милосердіе, щедрость,
 незлобіе: пбо онъ, по ихъ словамъ, тво-
 рилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпу-
 скать ихъ съ дарами. Но всего яснѣе и
 лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ
 самимъ написанное для сыновей. Къ сча- Поуче-
 стію, сей остатокъ древности сохранился нію.
 въ одной харатейной лѣтописи, и достойнъ
 занять мѣсто въ Исторіи (230).

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что

дѣлъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха* или *Единоборца*: для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукомъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъяслялъ особенную доблесть воинскую? — «Приближаясь ко гробу» — пишетъ онъ — «благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: Рука Его довела меня до старости мастиной. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ сихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*»

«Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла его!» Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большей части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

«О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не Монашество спасетъ васъ, но благодаренія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ сѣдрахъ земли: сіе противно Христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа

«Христіанна священна. Не призывайте все
«имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ
«крестнымъ, не преступайте оныя. Братья ска-
«зали мнѣ: *изгони ихъ Ростиславичей и возмемъ*
«*ихъ область, или ты намъ не союзникъ!* Но я
«отвѣтствовалъ: *не могу забыть крестнаго цѣ-*
«*лованія* ⁽²³¹⁾; развернулъ Псалтирь и читалъ съ
«умиленіемъ: *вскую печальна еси, душе моя?*
«*Уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй*
«*завидующимъ ниже завиди творщимъ безза-*
«*коніе.* — Не оставляйте больныхъ; не страши-
«тесь видѣть мертвыхъ; пбо все умремъ. При-
«нимайте съ любовію благословеніе Духовныхъ;
«не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро,
«да молятся за васъ Всевышнему. — Не имѣйте
«гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте:
«мы тленны; нынѣ живы, а завтра во гробъ. —
«Бойтесь всякой лжи, пїянства и любострастія,
«равно гибельнаго для тѣла и души. — Читайте
«старыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ
«какъ братьевъ. — Въ хозяйствѣ сами прилѣжно
«за все въ смотрите, не полагаясь на Отроковъ
«и Тіуповъ, да гости не осудятъ ни дому, ни
«обѣда вашего. — На войнѣ будьте дѣятельны;
«служите примѣромъ для Боеводъ. Не время
«тогда думать о пиршествахъ и нѣгѣ. Разста-
«вивъ ночную стражу, отдохните. Человѣкъ по-
«гибаетъ внезапно: для того не слагайте съ себя
«оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опасность, и
«рано садитесь на коней ⁽²³²⁾. — Путешествуя
«въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ

«обиду Княжескимъ Отрокамъ; а гдѣ останови-
 «тесь, напоите, накормите хозяина. Всего же
 «болѣе чтите гости, и знаменитаго и простаго,
 «и купца и Посла; если не можете одарить его,
 «то хотя брашномъ и итѣмъ удовольствуйте:
 «пбо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и
 «добрую и худую объ насъ славу. — Привѣт-
 «ствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо. —
 «Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти
 «надъ собою. — Все хорошее, узнавъ, вы дол-
 «жны помнить, чего не знаете, тому учитесь.
 «Отецъ мой, сидя дома, говорилъ *пятью языка-*
 «*ми* ⁽²³³⁾: за что хвалятъ насъ чужестранцы.
 «Лѣность мать пороковъ: берегитесь ее. Чело-
 «вѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на
 «конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей
 «читайте наизустъ молитвы, или повторяйте
 «хотя самую краткую, но лучшую: *Господи по-*
 «*милиуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго
 «поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми,
 «то поклонитесь въ землю три раза. Да не за-
 «ставеть васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ
 «церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ
 «дѣлалъ отецъ мой; такъ дѣлали всѣ добрые
 «мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славил
 «Господа съ радостію и говорили: *просвѣти очи*
 «*мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой*
 «*красный*. Потомъ сядились думать съ дружи-
 «ною, или судить народъ, или ѣздили на охоту;
 «а въ полдень спали: ибо не только человѣку,
 «но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отды-

«хать въ часъ полуденный. — Такъ жилъ и
«вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы
«велѣть Отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и
«ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не
«зналъ покоя; не надѣялся на Посадниковъ и
«Бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ
«обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Бо-
«жественное служеніе, домашній распорядокъ,
«конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ.» —
Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя
Читателю ⁽²³¹⁾, Владиміръ пишетъ далѣе: «Всѣхъ
«походовъ моихъ было 83; а другихъ маловаж-
«ныхъ не упомяну. Я заключилъ съ Половцами
«19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ бо-
«лѣе ста лучшихъ ихъ Князей и выпустилъ изъ
«неволы, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и пото-
«пилъ въ рѣкахъ ⁽²³⁵⁾. — Кто путешествовалъ
«скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я
«бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде Вече-
«ренъ. — Любя охоту, мы часто ловили звѣрей
«съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ
«лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣ-
«скольку. Два раза буйволъ металъ меня на
«рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами;
«вепрь сорвалъ мечъ съ бедра моея, медвѣдь
«прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бро-
«сился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько
«разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ
«себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не боя
«жизни въ юности, и не щадя головы своей. Но
«Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не

«бойтесъ смерти, ни битвы, ни звѣрей свѣрѣ-
«ныхъ; но являйтесъ мужамъ во всякомъ слу-
«чаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе
«опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни
«отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе
«надежнѣе человѣческаго.»

Безъ сего завѣщанія ⁽²³⁶⁾, столь умно писан-
наго, мы не знали бы всей прекрасной души
Владимира, который не сокрушилъ чуждыхъ Го-
сударствъ, но былъ защитою, славою, утѣше-
ніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Кня-
зей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на лю-
бовь потомства: ибо онъ естъ живѣйшимъ усер-
діемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если
Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился
нарушить Права Народнаго и вѣроломнымъ
образомъ умертвить Князей Половецкихъ, то
можемъ отнести къ нему слова Цицероновы:
елькъ извиняетъ человека ⁽²³⁷⁾. Считая Полов-
цевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они
жгли церкви), Россіане думали, что истреблять
ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть бо-
гоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе Лѣтописцы наши, раз-
сказывая подробно воинскія и церковныя дѣла,
едва упоминаютъ о государственныхъ или граж-
данскихъ, кончи Владиміръ украсилъ свое прав-
леніе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить
народу всѣ возможныя удобства, сдѣлалъ на
Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ Ростовскую и
Суздальскую землю, наследственную область

Всеволодова Дому, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его *Владими́ромъ Залѣскимъ*, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь Св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, расширилъ въ 1114 году укрѣпленія Новгородскія, а Посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ (238).

Осно-
ваніе
Влади-
мѣра
Залѣс-
скаго.

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дни, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую* улицу. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затмѣніе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала дома и потопила множество скота въ Волховѣ (239).

Бѣд-
ствія.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что *первою* была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, о коей мы упоминали (210), и которая, по извѣстію древняго Историка Датскаго, около 1070 году вышла за нашего Князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе Лѣтописцы сказываютъ, что сынъ

Гида
супру-
га Мо-
номахо-
ва: ся
дѣти.

Гиды и сего Князя женился на Хривниѣ, дочери Шведскаго Короля, Инга Степкльсона : супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Хривною (211). Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачныя союзы: одна съ Норвежскимъ Королемъ, Сигурдомъ, а послѣ съ Датскимъ Эрякомъ Эдмундомъ; вторая съ Канутомъ Святымъ, Королемъ Оботритскимъ, отцемъ Вальдемара, славнаго Государа Датскаго, названнаго сямъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, Владиміра Мономаха; третья съ Греческимъ Царевичемъ: думаю, сыномъ Императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по Византійскимъ лѣтописямъ (212).

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію Митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ: чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о раздѣленіи Церквей, Восточной и Западной; второе о постѣ, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философскія умствованія, заключаемыя хвалою добродѣтелей Мономаховыхъ (213). «Разумъ» — пишетъ Никифоръ — разумъ «есть свѣтлое око души, обитающей во

Сочиненіе Митрополита Никиты.

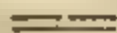
«слава. Какъ ты, Государь мудрый, сиди на
«престолѣ, чрезъ Воеводъ своихъ управляешь
«народомъ, такъ душа посредствомъ пяти
«чувствъ править тѣломъ. Не имѣю нужды во
«многорѣчіи: ибо умъ твой летаетъ быстро,
«достигая смысла каждаго слова. Могу ли пред-
«писывать тебѣ законы для умѣренности въ
«чувственныхъ наслажденіяхъ, когда ты, сынъ
«Княжеской и Царской (Греческой) крови, Вла-
«ститель земли сильныя, не знаешь дому, всегда
«въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой
«землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ госу-
«дарственныхъ вступаешь во дворецъ свѣтлый,
«и снимая съ себя любимую одежду простую,
«надѣваешь Властительскую; когда, угощая дру-
«гихъ обѣдами Княжескими, самъ только смо-
«тришь на яства роскошныя? Восхваляю ли
«тебѣ и другія добродѣтели? Восхваляю ли ще-
«дрость, когда десница твоя ко всему простерта;
«когда ты ни серебра, ни злата не таишь, не счи-
«таешь въ казны своей, но обѣими руками раз-
«даешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь, ибо бла-
«годать Божія съ тобою? Скажу единое:
«какъ душа обязана испытывать или повѣрять
«дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ
«орудій, дабы не обмануться въ своихъ заклю-
«ченіяхъ: такъ и Государь долженъ повѣрять
«донесенія Вельможъ. Вспомни, кто изгнашь,
«кто наказанъ тобою: не клевета ли погубила
«сихъ несчастныхъ? Князь любезный! да
«не оскорбитъ тебя искренняя рѣчь моя! Не

«думай, чтобы я слышалъ жалобу осужденныхъ
«и за нихъ вступался; иѣтъ, пишу единственно
«на воспоминаніе тебѣ: ибо власть великая тре-
«буетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ те-
«перь постъ, время душеспасительныхъ размы-
«шлений, когда Пастыри церковные должны и
«Князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю, что
«мы сами, можетъ быть, въ зломъ педугѣ; но
«Слово Божіе въ насъ здраво и цѣло: ежели
«оно полезно, то надобно ли входить въ даль-
«нѣйшее изслѣдваніе? Человѣкъ въ лицѣ, Богъ
«въ сердцѣ,» и проч. — Такимъ образомъ древ-
ніе учителя нашей Церкви бесѣдовали съ Госу-
дарями, соединяя усердную хвалу съ наставле-
ніемъ Христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ озна-
менованъ печатію вѣка: грубъ, однакожь до-
вольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Мстиславъ.

г. 1125 — 1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота.

Мстиславъ Владиміровичъ наследовалъ г. 1125. достоинство Великаго Князя. Братья его господствовали въ Удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздаль; а сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, въ Курскѣ и Смоленскѣ. — Новый Государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи: имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностію души (244).

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами

воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить Государство и возстановить древнее величіе онаго.

Набѣга
Полов-
цевъ,

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ Торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичъ, тамошній Князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ Торкамъ вѣхаться въ городѣ и самъ, не имѣвъ терпѣнія дожидаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною Переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потошилъ въ рѣкахъ.

г. 1127.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ угнетенныхъ Князей, долженъ былъ обнажить мечъ на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвилъ его Бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ дома. Мстиславъ клялся изгнанному Князю наказать сего мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ Половцами: варвары, въ числѣ семи тысячъ, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хитнику; но Послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены, въ окрестностяхъ рѣки Сейма, Посадниками Ярополка (246). Ожидавъ долгое время от-

Изгна-
ніе Яро-
слава
Черни-
говска-
го.

вѣта и боясь измѣны, Половцы ушли наконецъ во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ Великаго Князя забыть вину его, и между тѣмъ осыпалъ дарами Вельможъ Кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожь медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Муромъ, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, Игуменъ Андреевской Обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый Великимъ Княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность Христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался (216), и Церковь Россійская не имѣла Главы: сей Игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! лучше преступить клятву, нежели убивать Христіанъ. Не бойся грѣха: мы беремъ его на свою душу.» Убѣжденный ими, Великій Князь примирился со Всеволодомъ, и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: «давъ клятву, исполняйте оную!» Ицѣдить кровь людей есть безъ сомнѣнія добродѣтель; но Монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ за-

Почво особен-
ныхъ
Княже-
ний. Му-
роми-
го и Ря-
занска-
го.

конъ Естественный и Народный; а миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ ⁽²⁴⁷⁾.

Удале-
ніе По-
ловцевъ
за Вол-
гу.

Великій Князь, изъяснио снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отметилъ по крайней мѣрѣ варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава «загнало Половцевъ не только «за Донъ, но и за Волгу,» и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ ⁽²⁴⁸⁾.

Междо-
усобіе
въ юго-
запад-
ной
Россіи.

Еще при жизни Мономаха сыновья Всеволодаревы, Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожь, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Черемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоашъ и Григорій; также и Великій Князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло наспіи. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3000 Венгровъ и Россіянъ оборонялись

столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо Великій Князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ Удѣломъ (249).

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго Дому Князей Полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть Владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшившись покорить сію древнюю область Кривичей, и сдѣлавъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды (250). Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ идти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турога, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курека, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они должныствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Все-

Ссылка
Князей
Полоц-
кихъ на
Грцію.

4 авгу-
ста.

значеннаго Мстиславомъ дня , и сѣвшииъ соединиться съ дядями , обступившими городъ Изяславль , Удѣль знаменитой Рогнѣды , первой супруги Св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ , сынъ Бориса Всеславича , зять Мстиславовъ : хотѣвъ бѣжать къ отцу , онъ попался въ руки къ своему шурину , который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ , что сѣи плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя , осажденные граждане рѣшились сдаться , но требовали клятвы отъ Вячеслава , сына Мономахова , что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насплія. Клятва была дана и нарушена. Ночью , въ слѣдъ за дружиною Тысячскихъ , посланною въ городъ , бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы : Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой , мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей , а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ , старшій сынъ Великаго Князя , вступилъ съ Новгородцами въ область Полоцкую : уstraшенные жители не оборонялись , и выгнали своего Князя , Давида , на мѣсто коего , согласно съ ихъ желаніемъ , Мстиславъ далъ имъ Рогволода , брата Давидова ⁽²⁵¹⁾ ; а чрезъ два года отправилъ всѣхъ Князей Полоцкихъ въ ссылку , за то , какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ , что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества. Половцевъ ⁽²⁵²⁾. Все-славичи Давидъ , Ростиславъ , Святославъ , и

племянники ихъ Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ Княженіе г. 1129. Полоцкое и Млинское сыну своему Изяславу.

Князь Новгородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на Чудь, г. 1130-1131. и на Эстонцевъ, зимою: обратилъ въ не- Войны съ Чудью и Литвою. цель селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей; но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ Россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань, и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю. — Самъ Великій Князь воевалъ Литву и при- г. 1131. велъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ (253). Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ Князьямъ и Боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были расселяемы по деревнямъ.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслу- Княжна Мстислава. г. 1132, Апр. 15. живъ имя Великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри Государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время. — Сей Великій Князь, вторично женатый на дочери знатнаго Но-

вогородца, Дмитрія Завидича, имѣлъ отъ нее двухъ сыновей : Святополка и Владимира (кромѣ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги ⁽²⁵⁴⁾.

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затмѣній, и легкаго землетрясенія въ южной Россіи (Августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новгородской. Отъ жестокаго, совѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озимы, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 Апрѣля, вода затопила нѣвы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени, одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ, и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осмина ржи въ 1128 году стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копеекъ ⁽²⁵⁵⁾. Народъ питался мякною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди считались какъ привидѣнія : падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тѣнія, и пасмники не уснѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ

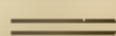
иноземнымъ въ рабство, и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. «Новгородъ опустѣлъ,» говорятъ Лѣтописцы: однакожь войско его чрезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла по прежнему, купческія суда ходили въ Готландію и Данію ⁽²⁵⁶⁾.

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ Древнѣйшая грамота. подлинныхъ Княжескихъ грамотъ Русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ Новгородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлыны, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Ярополкъ.

Г. 1132—1139.

Неустройство. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнание Князя изъ Новгорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Исковъ отдѣлился отъ Новгорода. Уставъ о церковной дани. Новгородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борись воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станъ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Г. 1132. Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ Князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Граждане Кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича Государемъ своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между нимъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ усту-

пилъ Переяславъ Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новгородскій, пріѣхавъ не у-
строй-
ства. туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, Княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся, чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ Кіевского престола. Великій Князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля⁽²⁵⁷⁾; но, чтобы успокоить братьевъ отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго Государя обнаружилась въ излишней спешительности, и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для Государства. Новгородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область), уже не хотѣли принять Всеволода. «Забывъ клятву умереть съ нами» (говорили они), ты искалъ другаго Княженія: иди же, куда тебѣ угодно! Несчастный Князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника: но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сдѣлались ихъ совѣстниками въ могущество, будучи съ того времени избираемы народомъ⁽²⁵⁸⁾. — Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Княземъ

своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда (²⁵⁹).

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ Удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достоинно примѣчая, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской Губерніи, платилъ за нихъ Великимъ Князьямъ особенную дань, которая называлась *Печорскою*. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ Удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичъ взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области (²⁶⁰). Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ ко Всеволоду: сей Новгородскій Князь не задолго до того времени побѣдилъ мятежную Чудь, взялъ Юрьевъ или Дерить, основанный Великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завосвать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова: до-

Д а н ѣ
Печор-
ск а я.
г 1134-
1135.

Завое-
ваніе
Дерята.

шелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ Посадниковъ, и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ Новгородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны, и хотѣли снова идти къ Суздаю. Напрасно Михаилъ, тогдашній Митрополитъ Кіевскій, пріѣхавъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: Новгородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя Митрополита, и не смотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 Декабря: съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, выюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 Января, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской Губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе Суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно освободили Митрополита, который предсказалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода ⁽²⁶¹⁾.

Битва на Ждановой горѣ.

И южная Россія была въ сіе время острѣмъ раздора. Ольговичи, Князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ.

Кровопролитіе въ южной Россіи.

его ; призывали Половцевъ ; жгли города, села ; грабили, илѣпали Россіянъ, и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ Новгородцами въ область Суздальскую: Великій Князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславъ, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ Новгородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества : не хотѣвъ взять участія въ междоусобицѣ, они прислали своего Посадника Мирослава, и наконецъ Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира ⁽²⁶²⁾.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и Князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, Великій Князь лишился всей дружины своей ; она гналась за Половцами и была отрѣзана неприятелями : ибо Ярополкъ съ большею частию войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ Бояръ, Ольговичи взяли и знамя Великаго Князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери, Ма-

г 1135,
Августа 8.

рин, и Греческаго Царевича Леона, находясь въ числѣ убитыхъ. — Завоевавъ Триполь, Халенъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ предложилъ миръ, и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ съ частию Переяславской области ⁽²⁶³⁾. Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ, и приводилъ ихъ къ цѣлованію Креста, по тогдашнему обычаю.

Между тѣмъ Новгородцы, миря друг-
 гихъ, сами не умѣли наслаждаться вну-
 треннею тишиною. Князь былъ жертвою
 ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ
 Ладожскихъ, Псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя
 ему въ вину, 1) что «онъ не блюдетъ про-
 «стаго народа, и любитъ только забавы,
 «ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить
 «въ Переяславѣ; 3) ушелъ съ мѣста битвы
 «на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) не-
 «постояненъ въ мысляхъ: то держитъ сто-
 «ропу Князя Черниговскаго, то пристае-
 «тъ ко врагамъ его.» Всеволодъ былъ заклю-
 ченъ въ Епископскомъ домѣ съ женою,
 дѣтьми и тещею, супругою Князя Святоши;
 сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за все-
 гдашнюю стражу тридцати воиновъ, и
 получивъ свободу, когда Святославъ Оль-

Изгнан-
 н і е
 Князя
 изъ Но-
 вгоро-
 да.

говпчъ, братъ Князя Черниговскаго, избранный народомъ, прѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего, Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный Великій Князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть Суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ ⁽²⁶¹⁾; но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе Государей Кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ друзей, ненавидящихъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Юрославича, бросилъ въ Волховъ. Сія люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить Князя Святослава ⁽²⁶⁵⁾. Самъ Посадникъ держалъ ихъ сторону, и наконецъ съ нѣкоторыми

г. 1137. знатыми Новгородцами и Псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ ними, сей Князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи, и съ сердечною радостію спѣшилъ приближиться къ своей наследственной столицѣ.

На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичъ, Князь Полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь : онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца ; но Василько былъ великодушенъ : видѣвъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду ; желалъ ему добра, и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Великодушіе
Василь-
ка По-
лоцка-
го.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода : Новгородцы же не хотѣли объ немъ слышать, и свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили дома его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1500 гривенъ отдали кунцамъ на заготовленіе пужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего, Глѣба, изъ Курска ; призвалъ самыхъ Половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцемъ сего Князя грабили южную ; но Псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода : заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такіа мѣры для обороны, что утраченный Святославъ не хотѣлъ итти далѣе Дубровны, и возвратился (266). Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ Княженіемъ : Святополкъ Мстиславичъ наследовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благотѣльнаго

Псковъ
отда-
вался
отъ По-
лосоро-
да.

Всеволода — Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе донынѣ показываютъ въ тамошней Соборной церкви.

Новгородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями Великаго Князя, также Суздальскаго и Смоленскаго. Псковитяне не хотѣли имѣть съ ними сношенія; ни Василько, Князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмынна стояла тогда въ Новгородѣ 7 рѣзаней), и неудовольствіе народное обратилось на Князя невпняга. Одно Духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новгородѣ, не уваживъ запрещенія Епископскаго, и велѣвъ обвинять себя собственному или придворному Іереею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ Епископу брата, вмѣсто десятины отъ *Виръ* и *продажъ*, 100 гривенъ изъ казны Княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлины съ купеческихъ судовъ (²⁶⁷). Но Святославъ не могъ усюконть народа, и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитити себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его Бояръ и Княгиню; сослали ее

Уставъ
о пер-
ковной
дани.

Г. 1136,
Апрѣля
17.

Нового-
родцы
опять
изгнали
его

въ монастырь Св. Варвары и призывали въ Кляв.
Мая
40.
Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ Великимъ Княземъ, Псковитянами, и хвалялись своею мудрою Политикою. — Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ Смоленскими жителями и запертъ въ монастырь Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Момахову.

Сія безпокойные Князья вмѣстѣ съ Половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичъ не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ Намѣстникамъ ⁽²⁶⁸⁾. Заключение Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ Россійскіе Князья соединились съ нимъ, но и Венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1000 кон-

Медо-
усобіе
въ юж-
ной
Россіи.

Миръ в
кончи-
на Ве-
ликаго
Князя.

г. 1139.
Февра-
ля 18.

Столѣт-
н а д
врядъ
между
потом-
к а м и
Олега и
Моно-
маха.

Галиц-
к о е
Княж-
е.

ныхъ Берендѣевъ или Торковъ. Жители Черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего Князя, Всеволода, чтобы онъ старался умиротворить Ярополка. «Ты хочешь «бѣжать къ Половцамъ», говорили они: «но «варвары не спасутъ твоей области: мы «будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о на-
«родѣ и смирися. Знаемъ человеколюбіе «Ярополково: онъ не радуется кровопро- «литію и гибели Россіяны.» Черниговцы не обманулись: Великій Князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій при- мѣръ великодушія или слабости: заклю- чивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сто- ронъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и ~~з~~кончился (269). Сей Князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣ- ряютъ Лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель Государя. Съего времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, за- видуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ Великокняжескомъ.

Вмѣстѣ съ другими Россіянами находи- лась подъ Черниговымъ, въ Ярополковомъ станѣ, и вспомогательная дружина *Галиц- кая*: такъ съ сего времени называется въ

Лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичъ, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія Ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ ⁽²⁷⁰⁾. Какой-то знатный Венгерецъ, Болеславовъ Вельможа, пачальникъ города Вислицы, измѣнивъ Государю, тайно звалъ Галицкаго Князя въ ся богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное Венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евпухомъ. «Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ,» сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ Полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею, и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежемъ въ Галицкой области: свирѣпствовалъ огнемъ и мечемъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырѣй, жепъ, и возвратился съ честію! Тогдашніе ужасы войны безъ сомнѣнія превосходили вы-

Характеръ Владимірка.

нѣшпіе, и казался не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Борисъ
воюетъ
съ Ко-
ролемъ
Венгер-
скимъ.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ Венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміа, Мономаховой дочери, съ Королемъ Белою Слѣпыми⁽²⁷¹⁾. Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ, возмужавъ, хотѣлъ мечемъ доказать силу наследственныхъ правъ своихъ, и вступилъ въ Венгрію съ Россіянами, его союзниками, и съ Болеславомъ Польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара Нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ Венгерскихъ Бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ Государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ Россійской крови изгналъ супругу, вѣрную и пещинную. Напрасно искавъ защиты Нѣмецкаго Императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станъ Людовика VII, когда сей Французскій Монархъ шелъ чрезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, Король Венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ, и призвавъ на совѣтъ Епископовъ, объявлялъ Посламъ Гейзы, что

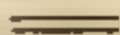
Борисъ
въ станъ
Короля
Французска-
го.

требованіе ихъ Короля не согласно ни съ честію, ни съ Вѣрою Христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, Греческаго Императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ Французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; восвалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, Половецъ-^{Убитъ измѣнникомъ.} кимъ воиномъ, въ 1156 году (272). Сынъ его, младшій Колومانъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ Грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

ГЛАВА X.

Великій Князь Всеволодъ Ольговичъ.

Г. 1139—1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобіа. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразуміе. Равнодушіе Новгородцевъ къ Княжеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіане въ Польшѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новгородцевъ. Браки. Походъ на Галичъ. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ послѣдника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода.

Вячеславъ, Князь Черелславскій, сѣлъ
г. 1139. шилъ въ Кіевъ, быть послѣдникомъ Яро-
Февра- полковымъ, и Митрополитъ, провождаемый
ля 22. народомъ, встрѣтилъ его какъ Государя. Но
Всеволодъ Ольговичъ не далъ ему времени
утвердить власть свою: узнавъ въ Вышего-
родѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно
собралъ войско; обступилъ Кіевъ и зажегъ
предмѣстіе Копырѣвское⁽²⁷³⁾. Устрашенный
Вячеславъ послалъ Митрополита сказать
Всеволоду: «я не хищникъ; но ежели усло-

«вѣя нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ зако-
номъ священнымъ, то будь Государемъ
«Кіевскимъ: иду въ Туровъ». Опъ дѣйстви- Марта
8.
Всево-
лодъ
и аго-
няетъ
Вичо-
слана.
тельно уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ
съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ Велико-
княжескомъ, давъ свѣтлый пиръ Митро-
политу и Боярамъ; вино, медъ, яства,
овощи были развозимы для народа; церкви
и монастыри получили богатую милосты-
ню. — Къ неудовольствію брата своего,
Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну
Давидову, Владиміру.

Новый Великій Князь изъявилъ желаніе Междо-
убіи.
остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками
Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ
нему, замысливъ свергнуть его съ престола.
Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ
владѣнія и послалъ Воеводъ на Изяслава
Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ
прежде битвы, возвратилась съ уничиже-
ніемъ и стыдомъ ⁽²⁷¹⁾. Въ намѣреніи за-
гладить первую неудачу, Всеволодъ при-
казалъ брату Князя Черниговскаго, Изя-
славу Давидовичу, вмѣстѣ съ Галицкими
Князьями воевать область Туровскую и Вла-
димірскую; а самъ выступилъ противъ Ан-
дрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ
въ Курскъ, и что Переяславль долженъ
быть Удѣломъ Святослава Ольговича. Ве-
ликодушный Андрей издавна не боялся вра-
говъ многочисленныхъ. «Щѣть!» отвѣт-

Мужество Андрее. ствовалъ сей Князь: «дѣдъ, отецъ мой кня-
«жили въ Переяславѣ, а не въ Курскѣ;
«здѣсь моя отчина и дружина вѣрная; жи-
«вой не выйду отсюда. Пусть Всеволодъ оба-
«гритъ свои руки моею кровію! Не онъ бу-
«детъ первый: Святополкъ, подобно ему
«властолюбивый, умертвилъ также Бориса
«и Глѣба; но долго ли пользовался вла-
«стію?» Великій Князь стоялъ на берегахъ
Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Ан-
дрея: но мужественный сынъ Мономаховъ,
обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою
Честность Всеволода. миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣ-
тописи, что онъ во время договоровъ, видя
ночью сильный пожаръ въ Переяславѣ,
не хотѣлъ воспользоуаться онымъ. Сии два
Князя, обѣщая забыть вражду, чрезъ нѣ-
сколько дней съѣхались въ Малотинѣ для
заключенія союза съ Ханами Половецкими.

Между тѣмъ Владимірко Галицкій съ
Іоанномъ Васильковичемъ, братъ Черни-
говскаго Князя съ Половцами, и Ляхи,
союзники Всеволодовы, вошли въ область
Изяславову и Туровскую. Но гордый Вла-
димірко, стыдился быть слугою или ору-
діемъ Государя Кіевского, искалъ въ
юномъ, мужественномъ Изяславѣ Мсти-
славичѣ не врага, а достойнаго сподвиж-
ника въ опасностяхъ славы: они встрѣ-
тились въ полѣ для того, чтобы разстаться
друзьями. Ляхи же и Половцы удоволь-

своились однимъ грабежемъ. Сямъ война
кончилась. Благоразумный Всеволодъ не
отвергнулъ мирныхъ предложеній Изясла-
ва и дяди его, Вячеслава Туровскаго; далъ
слово не тревожить ихъ въ наследствен-
ныхъ Удѣлахъ, и желалъ согласить свое
честолюбіе съ государственною тиши-
ною (273).

В г о-
блго
разу-
мію.

Еще Георгій Владиміровичъ, Князь Су-
здальскій, оставался его врагомъ, при-
былъ въ Смоленскъ, и требовалъ войска
отъ Новгородцевъ, чтобы отместить Все-
володу. Юный Князь ихъ, Ростиславъ,
представлялъ имъ обязанность вступить
за честь Мономахова Дому; но думал о
выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели
о чести Княжеской, они не хотѣли воору-
житься. Ростиславъ ушелъ къ отцу: Геор-
гій въ наказаніе отпаялъ у Новгородцевъ
Торжекъ. Сіи люди выгопали Князей, по
не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ
вторично Святослава, и въ залогъ вѣрно-
сти дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ
пріѣхалъ; однакожь спокойствія и тишины
не было. Распри господствовали въ сей
области. Князь и любимцы его также пи-
тали духъ несогласія и мстили личнымъ
врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ Бояръ
сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы;
другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хо-
телъ послать сына своего на мѣсто брата,

Равно-
душно
Ново-
город-
цевъ къ
Княже-
ской
чести.

Безпо-
койству
въ Но-
вгородѣ.

г. 1140.

и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго Князя, отправили за нимъ Епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новгорода вмѣстѣ съ Посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца Княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1100 гривень пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги ихъ ⁽²⁷⁶⁾: при Дворѣ Георгія Владиміровича, и благословляя милостиваго Князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтренные Новгородцы, переѣхавъ мысли, дали знать Великому Князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его, и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ Пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, Новгородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему какъ общему Государю Россіи, желая *отъ его руки* имѣть властителемъ своимъ брата Великой Княгини, Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожь сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ

Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новгородѣ, и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія ⁽²⁷⁷⁾.

Въ самомъ дѣлѣ Новгородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ Посадники врага Святославова, пмемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына, и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, занялъ Остеръ (городокъ Георгіевъ), а Новгородцы — свѣдавъ, что Великій Князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе, и что шуринъ его, Святполкъ, уже къ нимъ ѣдетъ — заключили, по обыкновенію, Георгіева сына въ Епископскомъ домѣ ⁽²⁷⁸⁾. Каситолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою: въ Новгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ Властителя и на всякой случай берегъ смѣненнаго? или, упоенный дерзостію, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшего

г. 1142. Князя изъ темницы? Какъ скоро Свято-
 Апрель полкъ прѣхалъ, граждане отпустили Ро-
 49. стислава къ отцу.

Смерть Въ сіе время, къ общей горести, преста-
 Андрея вился Андрей Владиміровичъ, въ лѣтахъ
 Добра- мужества, заслуживъ имя *Доброго*, и не
 10. уронивъ чести Мономахова Дому (279). Вя-
 чеславъ былъ его послѣдникомъ, но ме-
 дленъ выѣхать изъ Турова. «Иди въ свою
 отчину, Переяславъ,» говорилъ ему По-
 слы Всеволодовы: «Туровъ есть древній
 «городъ *Кіевскій*; отдаю его моему сыну.»
 Тихій Вячеславъ жиялъ снокойнѣе и безо-
 паснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ
 Половцами требовало дѣятельной осторож-
 ности, несогласной съ его миролюбіемъ.
 Припужденный исполнить требованіе Все-
 володово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла
 своихъ Половцевъ: Игорь и Святославъ
 Ольговичи объявили ему войну. Недоволь-
 ные тѣмъ, что Великій Князь наградилъ
 сына Удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни
 Сѣверскаго Новгорода, ни земли Вятичей,
 они вступили въ тѣсный союзъ съ Князья-
 ми Черниговскими, сыновьями Давида, и
 грабе- надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ вы-
 жа. годные Удѣлы; опустошили нѣсколько го-
 родовъ Георгія Владиміровича Суздаль-
 ского, захвативъ вездѣ скотъ и товары;
 напали на область Переяславскую, и два
 мѣсяца жгли села, травяя хлѣбъ, разо-

ряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей, и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій Князь дѣйствительно отрядилъ къ нему Всеволоду съ конницею Печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, Князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хлщниковъ. Наконецъ они смирились. Великій Князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ Князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ, съ согласіа Всеволодова, уступилъ Переяславъ Изяславу Мстиславичу, снова взявъ себѣ Туровъ, и когда сынъ Великаго Князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. «Братъ нашъ — говорили Ольговичи — думаетъ только о сынѣ, дружится съ своими ненавистными шурьями, окружилъ себя ими, и не дастъ намъ ни одного богатаго города.» Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами:

Хит-
рость
Всево-
лода.

Великій Князь не випмалъ злословію и хотѣлъ внутреннего спокойствія ⁽²⁸⁰⁾.

г. 443.
Генна-
ри 4.
Россія-
не въ
Поль-
шѣ.

Утвердивъ себя на престолѣ Кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владиміромъ Галицкимъ, итти въ Польшу, гдѣ Герцогъ Владиславъ, зять Великаго Князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, Россіяне, призванные возстановить тишину Государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ Ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ ⁽²⁸¹⁾.

Первая
Вражда
Георгія
съ Изяс-
лавомъ.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ, кажется, примирить его и съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два Князя не согласились въ мысляхъ, и разстались врагами: что, ко вреду Государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣдствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ

г. 444.

Смоленскимъ, и вировалъ на свадьбѣ Князя Новгородскаго, Святослава, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница Богемскаго Короля Владислава ⁽²⁸²⁾. Новгородъ усмокондся:

Морехо-
дство
Нового-
рода-
цевъ.

купеческія суда его ходили за море, привозили поземные товары въ Россію, и въ

1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладіями и съ Епископомъ. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и Корелами, Новгородскими данниками.

Желая прекратить наследственную вражду между потомствомъ Рюрикѣвичемъ и Ярославомъ Великимъ, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Свято-Бравн. слава, на дочери Василька Полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичъ выдалъ свою за Рюгволода Борисовича, позвавъ къ себѣ, на свадебный пиръ, Всеволода, супругу его и Бояръ Кіевскихъ (283). Но веселясь и пируя, Князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владимірка, который, по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался едино-властителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области, и возвратилъ Великому Князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, Князь Черниговскій съ братомъ, Вячеславъ Туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городиенскаго, съли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь

Походъ на Галичъ.

съ Новгородскимъ Воеводою Неревинымъ и Герцогомъ Польскимъ, Владиславомъ.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть : призывалъ въ союзъ Венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ , дядею Короля Гейзы ⁽²⁸⁴⁾. Рѣка Сереть раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы : Князь Галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмый день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться : ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичъ, братъ Черниговскаго Князя, съ отрядомъ наемныхъ Половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ Галицкой : тогда Великій Князь приступилъ къ Звенигороду. Въ слѣдъ за непріателемъ Владимірко сошелъ въ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, и хитро обманулъ непріателя : вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Черемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владиміркова оробѣла. «Мы стоимъ здѣсь» — говорили его Бояре и воины — «а враги могутъ ситти къ столицѣ, плѣнить наши семейства.» Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ непреступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира

и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ Кіевскій. Великій Князь не соглашался. «Но ты хочешь сдѣлать меня «своимъ послѣдникомъ,» сказалъ Игорь брату: «оставь же мнѣ благодарнаго и могущественнаго союзника, столь нужнаго «въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи!» Всеволодъ исполнилъ наконецъ его волю, и въ тотъ же день обнялъ Князя Галицкаго какъ друга; взялъ съ него за трудъ 1200 гривенъ *серебра*, роздалъ оныя союзнымъ Князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать, а не умѣетъ пользоваться воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владиміръковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго *Берладникомъ* ⁽²⁸⁵⁾, у Іоаннъ
Берлад-
никъ. коего дядя отнялъ законное наследство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисемницу для звѣриной ловли, Галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ Княземъ. Гнѣвный Влади- г. 1143. мірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю, и наконецъ въ

Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови, и съ досадою слышалъ, что Великій Князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Однакожь Всеволодъ еще не думалъ нарушить мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный нестройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, Герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ Князей во дворцѣ Кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наследника, и что Игорь будетъ Государемъ Россіи. Князья должны были присягнуть ему: Черниговскіе и Святославъ Ольговичъ исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичъ долго колебался; однакожь не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный сими торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ Польскихъ. «Не-
«княсь единственно о своемъ здравіи,» отвѣтствовалъ Игорь: «мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тропѣ.» Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопрлитія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться, и прибѣгнувъ къ суду на-

Всево-
лодъ
изби-
раетъ
наслед-
ника.

Дѣла
Поль-
скія.

шихъ Князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Не смотря на то, Игорь возвратился съ добычею и съ плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго Вельможи Петра, коему опъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза, и такимъ образомъ, по словамъ нашего Лѣтописца, отмстилъ за Россійскаго Князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненного симъ Вельможею ⁽²⁸⁶⁾.

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣ-
реннѣй тогда въ непріятельскихъ замы-
слахъ Галицкаго Князя, выступалъ въ по-
ходъ съ дружинами Кіевскою, Чернигов-
скою, Переяславскою, Смоленскою, Туров-
скою, Владимірскою, и съ союзными *дикими* Половцами, оставивъ Святослава Оль-
говича въ столицѣ ⁽²⁸⁷⁾. Усиѣхъ не отвѣт-
ствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ пред-
водителя. Оно шло съ трудомъ неописан-
нымъ: ибо дожди согнали сиѣгъ прежде
времени; конница тонула въ грязь. Всево-
лодъ осадилъ наконецъ Звенигородъ и
сжегъ вышнія укрѣпленія, однакожь не
могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ на-
чальствовалъ мужественный Воевода, И-
ванъ Халдѣевичъ, который, узнавъ, что
жители въ общемъ совѣтѣ положили сдать-

Война
съ Га-
лиц-
кимъ
Кня-
земъ.

Муже-
ство
Воево-
ды Зве-
ниго-
родска-
го.

ся, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего Вѣча, и сбросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся, и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: Звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь нехитила обнаженный мечъ изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ — мѣсто славное тогда чудесами Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба — Великій Князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности, и послалъ зятя своего, Владислава Польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ Болринъ, Мирославъ Андреевичъ, къ Князьямъ Черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки (238): Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣлїями! Достигнувъ престола Кіевского, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердо-

Августа
1. Кон-
чина
Всево-
лода.

стію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ Князей Олегова митежнаго рода.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Игорь Ольговичъ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ.

Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, г. 1146. собралъ Кіевлянъ среди Двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности, и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли Вѣче и звали Князя⁽²⁸⁹⁾. Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святославъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? «Правосудія,» отвѣтствовалъ народъ: «Тіуны «Всеволодовы угнетали слабыхъ: Ратша «опустошилъ Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. «Святославъ! дай клятву за себя и за брата, «что вы сами будете намъ судіями, или «вмѣсто себя изберете Вельможъ достой- «нѣйшихъ.» Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый Князь исполнитъ всѣ обязанности от-

Вѣче въ
Кіевѣ.

ца Россіянъ ; что хищники не останутся
Тіунами ; что лучше Вельможи заступятъ
ихъ мѣсто , и будутъ довольствоваться
одною уставленною пошлиною , не обремене-
нія судимыхъ никакими иными налогами.
«Мы благодарны,» сказали граждане : «те-
перь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрно-
сти.» То же обѣщалъ ихъ Посламъ самъ
Великій Князь Игорьъ , и думая , что дѣло
кончилось , сѣлъ спокойно за обѣдъ ; по-
мятежная чернь устремилась грабить домъ
ненавидѣннаго , богатаго Ратни. Святославъ
съ дружиною едва могъ возстановить по-
рядокъ ⁽²⁹⁰⁾.

Такое начало не обѣщало хорошихъ
слѣдствій. Игорьъ же , слушая злыхъ Вель-
можъ , которые въ народномъ угнетеніи
видѣли собственную пользу , не исполнилъ
даннаго гражданамъ слова , и хищники
остались Тіунами. Тогда Кіевляне , думая ,
что Государь-клятвопреступникъ уже не
есть Государь законный , тайно предложили
Изяславу Мстиславичу быть Великимъ Кня-
земъ. Любовь къ Мономахову роду не уга-
сла въ ихъ сердцахъ , и сей внукъ его отли-
чался доблестію воинскою. Взявъ въ церк-
ви Св. Михаила благословеніе у Епископа
Евфимія , онъ съ вѣрною дружиною вы-
ступилъ изъ Переяслава. На пути встрѣ-
тились ему Послы Черныхъ Клобуковъ и
городовъ Кіевской области. «Иди , Князь

Помѣна
Кіев-
ляны.

«добрый!» говорили они : «мы всё за тебя; «не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои «знамена , тамъ и будемъ.» Собравъ на бе- Рѣчь
Изясла-
ва. берегахъ Дѣбура войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ : «Друзья и братья! я не спорилъ о «старѣйшинствѣ съ достойнымъ Всеволо- «домъ, моимъ зятемъ, чтивъ его какъ вто- «раго отца. Но Игорь и Святославъ дол- «жны ли повелѣвать нами? Богъ разсудитъ «меня съ ними. Или паду славно предъ ва- «шими глазами, или сяду на престолъ мое- «го дѣда и родителя!» Опъ повелъ войско къ Кіеву.

Уже новый Великій Князь зналъ опас- ность : ибо Изяславъ, увѣдомленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удер- жалъ и Посла неволею въ Переяславѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ Князей Черниговскихъ : они торговались; хотѣли Коры-
столю-
біе Чер-
нигов-
скихъ
Князей. многихъ городовъ ; наконецъ , удовлетво- ренные во всемъ , готовились идти къ бра- ту. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Тысячскій Удѣлъ пользовался довѣрен- ностію Всеволода и былъ утвержденъ Иго- ремъ въ своемъ важномъ санѣ : также и первый Бояринъ, Іоаннъ Войтшичъ, вѣр- ный слуга Мономаховъ, завоеватель горо-

Предательство.

Августа 13.

довъ Дунайскихъ (²⁹¹). Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердіе Игорю, и въ то же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приближился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами; а Кіевляне особенно, на *могиль Олеговой*. Вдругъ открылась пзмѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ Кіевскихъ; что Тысячекій сего Князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаншъ Войтишичъ и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы; что Берендѣи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ Великокняжескій (²⁹²). Еще Игорь не терялъ бодрости. «Врагъ нашъ есть клятвопреступникъ: Богъ намъ поможетъ,» говорилъ онъ, и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ началъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ — и торжествуя вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Іеремии, облаченными въ ризы, проводилъ его въ храмъ Софійскій благодарить Небо за побѣду и престолъ Велико-

княжескій. — Несчастливаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской Обители, въ Переяславѣ. Сей Князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволю и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ : никто не жалѣлъ объ немъ — кромѣ вѣрнаго брата, Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ скрыться въ Кіевской Обители Св. Прины : представленный Ізяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ ; но вѣрные слуги отца его, въ особенності же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ дома и села. Съ плѣнныхъ Бояръ взяли окупъ.

Августа 17.
Игорь
взятъ.

ГЛАВА XII.

Великій Князь Изяславъ Мсти-
славичъ.

Г. 1146—1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгійъ возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схмникъ. Нѣжность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Неправедность Великаго Князя. Битва у Переяслава. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятникъ коноу. Миръ. Коварство Георгія. Новая вражда. Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. Побѣда Владимірка. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Изяславова. Военская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Изяслава. Встаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Мирюбіе Вячеслава. Шыкость Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Изяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Изяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Про-

стодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владимірка. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Изяславовъ. Дѣла Новгородскія. Кончина Изяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

Изяславъ — по словамъ Лѣтописцевъ — г. 4446. *благословенная отрасль добраго корня* — могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливыя, ибо народъ любилъ его; но Исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ Половцами — которые всякому новому Государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ — Великій Князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами Бояръ, и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый Князь Туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старшинству Государемъ Россіи: занялъ города Кіевскіе, и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку ⁽²⁹³⁾. Но- Стро-
сланный братомъ, Смоленскій Князь из- гость

Велик.
Князя.

гналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ; а Намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, выѣстъ съ Туровскимъ Епископомъ, Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Назначивъ Туровъ въ Удѣлъ меньшему сыну, именемъ Ярославу, Великій Князь обратилъ вниманіе на Игоревъ брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Князей Черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игоревъ. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего Боярина и поѣхавъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные

Ковар-
ство
Черни-
говск.
Князей.

братья тайно дружатся съ Великимъ Княземъ, и наконецъ заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступить имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами, и сказавъ въ отвѣтъ: «возьмите все, что имѣю; освободите только «Игоря», рѣшился некатъ покровителя въ сынъ Мономаховомъ (291).

Добро-
душію
Свято-
слава.

Георгій Владиміровичъ Суздальскій видѣлъ

съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронъ Кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. «Иди въ Кіевъ,» говорилъ онъ: «спаси несчастнаго, и властвуй въ землѣ Русской. Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ». Георгій далъ ему слово, и началъ готовить войско. — Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ Ханахъ Половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородъ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный Князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и Галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичъ *Берладникъ* (295).

Георгій
я о з-
стаетъ
на Изя-
слава.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ Великаго Князя, Мстиславомъ, Вождемъ Переяславской дружины и Берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣститъ ихъ, Духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ Князя: «Родственники жестокіе! довольны ли вы злодѣйствами, «разоривъ мою область, взявъ имѣніе, «стада; истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? «желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы онъ на-

всегда отступился отъ несчастнаго Игоря. «Иѣтъ!» отвѣтствовалъ Святославъ: «пока душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному!» Давидовичи заняли село Игоревое, гдѣ сей Князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребѣхъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отравили множество возовъ съ добычею, и веселась разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно Княжеское, гдѣ было девять сотъ скирдовъ хлѣба.

Богатство
Княжеское.

Декаб.
ря 25.

Великій Князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленияхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область: самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались Великому Князю (²⁹⁰). Тамъ находился собственный домъ Святослава: Князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ рассказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 берковцевъ меда и 80 корчагъ вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварію шпотою золотомъ, коваными Евангеліями и книгами. Семь сотъ рабовъ Княжескихъ были также ихъ добычею.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣй-

ствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи Князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичъ, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Святославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Мосемь, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать Великокняжеская шла къ Новугороду. Старый Вельможа Черниговскаго Князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, дѣтей своихъ и супругу Игореву!» говорили его друзья и Бояре (297): «всеѣ запасы твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. Удалимся въ лѣсную землю Карачевскую: ея дремучіе боры «и помощь Георгіева будутъ твоею защитою.» Нѣкоторые Вельможи говорили нескрепно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія, и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичъ съ 3000 всадниковъ и Воеводою Кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружиною и дикими Половцами ударилъ на врага: разбилъ его, г. 1147,

Генна-
ра 16.

опустошилъ Карачевъ и немедленно уда-
лился въ сопредѣльную землю Вятичей,
которая зависѣла отъ Черниговскихъ Вла-
дѣтелей. Великій Князь — напрасно же-
лавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава
— отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную
область, кромѣ Курска; исключительно при-
своилъ себѣ одно Игоревое достоинство и воз-
вратился въ Кіевъ.

Въ сіе время Игорь былъ уже Монахомъ.
Изнуренный печалью и болѣзнію, онъ изъ-
явилъ желаніе отказаться отъ свѣта, ко-
гда Великій Князь готовился идти на его
брата ⁽²⁹⁸⁾. «Давно, и въ самомъ счастіи, я
«хотѣлъ посвятить Богу душу мою,» гово-
рилъ Игорь: «нынѣ, въ темницѣ и при
«дверяхъ гроба, могу ли желать иного?»
Изяславъ отвѣтствовалъ ему: «ты свобо-
«денъ; но выпускаю тебя единственно ради
«болѣзни твоей.» Его отнесли въ келью:
онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но по-
стриженный Святителемъ Евфиміемъ, со-
вершенно выздоровѣлъ, и въ Кіевской Оби-
тели Св. Θεодора принялъ Схиму, которая
не спасла его отъ гнѣва Судьбы: скоро
увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго
Олегова сына.

Игорь
Схим-
никъ.

Князья Черниговскіе выгнали Святослава
изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но
слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1000
Бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ

Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ Вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его пи́и́емъ! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился Воевода, Князь Іоаннъ *Берладникъ*: онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота, и перешелъ къ Смоленскому Князю. Только Владиміръ Рязанскій, и сынъ Георгіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлали труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность: видя Іоанна больного, забывъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно объ немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить, и приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ Великому Князю утвердила союзъ между ими: Князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ Половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Протвы, иллъ землю Голыдскую (299).

Февр-
ля 24
Ч у в-
ств и-
тель-
ность
Свято-
слава.

Довольный зломъ, причиненнымъ Удѣлу

Ізяславовыхъ братьевъ, Георгіи жемаль лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалить искреннее дружество, веселую бесѣду Князей, великолѣпіе обѣденнаго ииршества и щедрость Георгія въ награжденіи Бояръ Святославовыхъ. Между сими Вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу Государи своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за Княземъ, ибо сей Князь былъ несчастлиавъ. Георгіи, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова ⁽³⁰⁰⁾.

Начало
Москвы.

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ *Москвѣ*. Къ сожалѣнію, Лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ Суздальской будетъ со временемъ главою обширѣйшей Монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, Марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ Лѣтописцамъ въ томъ, что Георгіи былъ ея строителемъ ⁽³⁰¹⁾. Они рассказываютъ, что сей Князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ села зажиточнаго Боярина *Кучка*, *Степана Ивановича*,

велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, и плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владиміръ, женилъ на прелестной дочери казеннаго Боярина. «Москва есть *третій Римъ*» — говорятъ сѣи повѣствователи — «и четвертаго «не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, «гдѣ найдена окровавленная голова чело- «вѣческая: Москва также на крови основа- «на, и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣ- «лалась Царствомъ знаменитымъ.» Она долгое время именовалась *Кучковымъ*.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ Брод-
ники. Ханы Половецкіе, его дяди, и такъ называемые *Бродники*, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сѣи люди были Христіане, обитали въ стѣняхъ Донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частию изъ бѣглецовъ Русскихъ: они за деньги служили нашимъ Князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ (302). Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну Вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго Удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда Послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ Князей: «Забудемъ прошедшее. Дай намъ клятву

«союзника, и возьми свою отчину. Не хотимъ твоего имѣнія.» Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра получивъ въ Удѣлъ отъ Великаго Князя Бужекъ, Меджибожъ, Котельницю и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пере-сылался? Какъ бы то ни было, Черниговскіе Князья, Святославъ Ольговичъ и сынъ Всеволодовъ заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу ⁽³⁰³⁾.

Еще Великій Князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру Великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть Россійскихъ Епископовъ и велѣлъ имъ безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ Духовенство не имѣло тогда Главы) на мѣсто скончавшагося Митрополита, Грека Михаила, поставить Кли-мента, Черноризца, Схимника, знамени-таго не только Ангельскимъ Образомъ, но и рѣдкою мудростію ⁽³⁰⁴⁾. Нѣкоторые Епископы представляли, что благословеніе Патриарха для того необходимо; что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной Церкви, и что умершій Святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ Митро-

Поста-
вленіе
Р о с-
сійск.
Митро-
полита.

полита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнять волю Ізяславову, согласную съ пользою и честію Государства. Епископъ Смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ Греческіе Архіереи издревле ставили Патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ Духовенство. Одинъ Нифонтъ, Святитель Новгородскій, не признавалъ Климента Пастыремъ Церкви; осуждалъ Епископовъ какъ челоуѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго Цареградекаго Патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми Святими Отцами.

Въ то время, какъ Ізяславъ, распустивъ Соборъ и возобновивъ миръ съ Половцами⁽³⁰⁵⁾, думалъ наслаждаться спокойствіемъ, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію Великаго Князя и сморить Георгія, ихъ врага общаго. Ізяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына⁽³⁰⁶⁾, и скоро, убѣжденный вторичною просьбою Князей Черниговскихъ, велѣлъ собирать войску, чтобы идти на Святослава и Георгія. «Пойдемъ съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича,» говорили ему Кіевляне: «ио Георгій твой дядя. Го-

Любовь къ Мономаху. «сударь! дерзнемъ ли поднять руку на сына «Мономахова?» Столь народъ любить память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать Бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности Князей Черниговскихъ. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками,» сказалъ онъ съ твердостью: «иду — и пусть малодушные остаются!» Уже Великій Князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, Бояринъ Кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій Князь не вѣрилъ тому; но чрезъ Посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ (307). «Развѣ мы на-«рушили прежнюю?» говорили они: «Хри-«стіанинъ не долженъ призывать всеи-«мени Божія.» Тогда Посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга, выслалъ Боярина, совѣтовалось, и наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: «Не заи-«раемся; но можемъ ли спокойно видѣть «злосчастіе брата своего Игоря? Онъ Чер-«нецъ, Схимникъ, и все еще въ неволѣ. «Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли «бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ сво-«боду Игорю, и мы будемъ искренными

Памѣни
Черни-
говск.
Князей.

«друзьями!» Бояринъ Кіевскій напomniaлъ имъ безкорыстіе своего Князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новгорода, ни Путивля, и сказавъ: «Богъ да судитъ и сила животворящаго креста да накажетъ клятвеннопреступниковъ!» бросилъ на столъ крестныя или союзныя грамоты. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы въ Кіевъ, Смоленскъ, Новгородъ, обнародовали вѣроломство Князей Черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичъ собралъ гражданъ на Вѣче къ Св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь Тысячскій и всѣ Бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно ⁽³⁰⁸⁾: «Великій Князь *цѣлуетъ* своего брата, Лазаря и всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, а Митрополиту *клапается*.» . . . Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину Посольства. Вѣстникъ говорилъ: «*Такъ **спичаетъ** Изяславъ: Князя Черниговскіе и сынъ Всеволодовъ, сынъ сестры моей, облагодотворенный мною, забывъ святость крестнаго **цѣлованія**, тайно **согласился** съ Ольговичемъ и Георгіемъ Суздальскимъ. Они думали лишить меня жизни или свободы; но Богъ сохранилъ вашего Князя. Теперь, братья Кіевляне, исполните обѣтъ свой: идите со мною на враговъ Мономахова роду. Вооружитесь отъ мала до велика. Концые на коняхъ, иѣшіе въ ладіяхъ да **спичать** къ Чер-*

«ингову! Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, «истребить и васъ.» Всѣ единогласно отвѣтствовали: «идемъ за тебя, и съ дѣтьми!» Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. «Мы рады итти,» говорилъ онъ: «но вспомните, что было иѣкогда при Ізяславѣ «Ярославичѣ. Пользуясь народнымъ волненіемъ, «злые люди освободили Всеслава и возвели на «престолъ: дѣды наши за то пострадали. Врагъ «Князя и народа, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, «а живетъ спокойно въ монастырѣ Св. Θεодора: «умертвимъ его, и тогда пойдѣмъ наказать Чер- «ниговскихъ!» Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: «да умретъ «Игорь!» Напрасно Князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: «Братъ мой не хочетъ убійства. Игорь останется «за стражею; а мы! пойдѣмъ къ своему Госу- «дарю». Кіевляне твердили: «Знаемъ, что до- «бромъ не возможно раздѣлаться съ племенемъ «Олеговымъ.» Митрополитъ, Лазарь и Владиміровъ Тысячскій, Рагуילו, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ, и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ Божественной Литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. «Братъ любезный! куда «ведутъ меня?» спросилъ Игорь. Владиміръ ста-

рался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери, и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били, — сорвали съ Боярина Владимірова, Мѣхаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломившись въ домъ, безжалостно убили Игоря, и влекли нагаго Убіеніе
Игоря. по улицамъ до самой торговой площади; стали вокругъ, и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра Тысячскіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: «Воля народная исполнилась: Игорьъ убитъ! Погребемъ же тѣло его.» Народъ отвѣтствовалъ: «Убіійцы не мы, а Давидовичи и «сынъ Всеволодовъ. Богъ и Святая Софія «защитили нашего Князя!» Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу Схимника и предали землѣ въ монастырѣ Св. Симеона. Игуменъ Оеодоровской Обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: «Горе живущимъ нынѣ! горе вѣку «суетному и сердцамъ жестокимъ!» Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился, и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное Небо⁽³⁰⁹⁾. — Великій Князь, свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей, и говорилъ Боярамъ, проливая слезы: «Теперь назовутъ меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не

«имѣть въ томъ ни малѣйшаго участія, ни «дѣломъ, ни словомъ: Онъ разсудитъ насъ «въ другой жизни. Кіевляне поступили не- «истово.» Но боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія; возвратился въ столицу, и ждалъ рати Смоленской.

Война
между
собщи.

Война началась. Святославъ Ольговичъ, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину, и рыдая въ горести, за- клиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Кур- ску, гдѣ находился сынъ Великаго Князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣр- ность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? «Готовы,» отвѣтствовали гра- ждане: «но только не обнажимъ меча на «внука Мономахова:» ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святосла- вомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма до- бровольно поддались Глѣбу (310); другіе оборонялись и не хотѣли измѣнить Госу- дарю Кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и Половцами. Соединясь съ дружиною Чер- ниговскою, сѣи Князя взяли приступомъ только одинъ городъ; свѣдавъ же, что Изя- славъ идетъ къ Сулѣ, и что рать Смолен- ская выжгла Любечъ, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, Половцами.

Великій Князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожь, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ Галбю (ибо жители, въ надеждѣ на Святаго защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ широмъ, отложивъ дальнѣйшія предиріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, идти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ Новгородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Галбъ занялъ Остеръ, и далъ слово Великому Князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ печально взять Переяславль; но былъ отраженъ ⁽³¹¹⁾. Въ то же время Черниговцы, дружина Святославова и Половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ осадивъ Галба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться, и сталъ близъ Чернигова на *Олеговомъ полѣ*, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать г. 1148. многочисленную. Великій Князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ Князьями Рязанскими, рѣшились наконецъ ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь раз-

велъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими наполнилась водою, и самый Диѣиръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а Венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и Князья Черниговскіе отправили Посольство къ Георгію. «Мы «воюемъ» — говорили они — «а ты въ без-
«дѣйствіи. Непритель обратилъ въ нечелъ
«наши города за Десною и села въ окрест-
«ностяхъ Диѣира, а помощи отъ тебя не
«вицимъ. Исполни обѣтъ, утвержденный
«цѣлованіемъ креста: иди съ нами на Изя-
«слава, или мы прибѣгнемъ къ велико-

Медлен-
ность
Георгія.

«душію врага сильнаго.» Георгіи все еще
медлилъ (³¹²). Другое обстоятельство также
способствовало миру. Ростиславъ, старшій
сынъ Георгіевъ, посланный отцемъ дѣй-
ствовать за-одно съ Князьями Чернигов-
скими, гнушался ихъ вѣроломствомъ, и
сказавъ дружинѣ: «пусть гнѣвается роди-
«тель, по злодѣи Мономаховой крови не
«будутъ миѣ союзниками,» пріѣхалъ въ
Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его друже-
любно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей
юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ ни-
какого Удѣла, предложилъ свои ревност-
ныя услуги Великому Князю, какъ стар-
шему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изя-
славъ отвѣтствовалъ: «Всѣхъ насъ старѣе
«отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить съ

«намъ въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ мо-
«ихъ братьевъ нѣжнымъ родственникомъ. Геор-
«гій не дастъ тебѣ городовъ: возьми ихъ у
«меня.» Онъ далъ ему бывший Удѣлъ своего
неблагодарнаго племянника, Святослава Всево-
лодовича ⁽³¹³⁾, вмѣстѣ съ Городцемъ Остер-
скимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. «Спѣ-
ши къ друзьямъ» — сказалъ ему Великій Князь —
«и требуй отъ нихъ Удѣла:» ибо Глѣбъ, сми-
рясь невольно, оставался единомышленникомъ
непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ-
было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что ис-
кренній, чувствительный Ростиславъ можетъ
примирить отца съ Великимъ Княземъ, и стра-
шася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи
изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря
благоразумно: *«Миръ стоитъ до рати, а рать до
«мира: такъ слыхали мы отъ своихъ отцевъ и
«дѣдовъ. Не вини насъ, хотѣвшихъ войною
«освободить брата. Но Игорь уже въ могилѣ,
«гдѣ и всѣ будемъ. Богъ да судить прочее; а
«намъ не должно губить отечества.»* Изяславъ
хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій Князь
отвѣтствовалъ: «Я Христіанинъ и люблю Рус-
«скую землю: не хочу кровопролитія; но если
«Давидовичи и Святославъ не престанутъ зло-
«биться на тебя за Игоря, то лучше явно вое-
«вать — и будетъ, что угодно Богу.» Тогда Ве-
ликій Князь отправилъ Послами въ Черниговъ
Бѣлогородскаго Епископа Θεодора, Печерскаго
Игумена Θεодосія и Бояръ, которые заключили

торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ Соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю за-одно съ Изяславомъ.» Скоро Великій Князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другаго, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дань у Новгородцевъ и безнокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разѣхались, отложивъ войну до зимы: пѣо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ, и медленность страшила Полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели. — Черниговцы должныствовали идти къ Ростову и встрѣтить Великаго Князя на берегахъ Волги.

Георгіи, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслить только о себѣ, и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства Великокняжескаго; не могъ также простить и Новгородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святославъ, хотѣвъ въ 1147 году отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутия, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Иифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздивъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ ува-

женіемъ, святилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ ильничковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру ⁽³¹⁴⁾.

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, Великій Князь отпавился въ Смоленскъ къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами и расположилъ военныя дѣйствія ⁽³¹⁵⁾. Онъ поручилъ всю рать Смоленскому Князю, велѣлъ ему идти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдцы, и прѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ : ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя Великихъ Князей и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленные толпы провожали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ Бояре съ юнымъ Княземъ. Отслушавъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючили Герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ Княземъ. Такъ называемое *Городище*, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пира : Государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему

Народ-
ный о-
бѣдъ въ
Ново-
городѣ.

рѣчь
Изясла-
ва.

семеѣства. На другой день ударили въ Вѣ-
чевый колоколъ, и граждане спѣшши на
Дворъ Ярославовъ: тамъ Великій Князь,
въ собраніи Новгородцевъ и Псковитянъ,
произнесъ краткую, но сильную рѣчь.
«Братья!» сказалъ онъ: «Князь Суздаль-
«скій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ
«столицу Русскую, я прибылъ защитить
«васъ (316). Хотите ли войны? мечъ въ рукѣ
«моей. Хотите ли мира? вступимъ въ пере-
«говоры.» *Войны! войны!* отвѣтствовалъ
народъ: «ты нашъ Владиміръ, ты Мсти-
«славъ! пойдѣмъ съ тобою всѣ, отъ ста-
«раго до младенца.» Ратники надѣли шле-
мы. Псковитяне, Корелы собрали также
войско, и Великій Князь на устьѣ Медвѣ-
дницы соединился съ братомъ своимъ, Ро-
стиславомъ. Напрасно ждали они возвра-
щенія Посла, отпавшаго ими къ дядѣ
еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ
его и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жа-
лобы. Напрасно ждали и Князей Чернигов-
скихъ, которые остановились въ землѣ
Вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому
счастіе войны будетъ благопріятствовать.

г. 1149.
Опусто-
шеніе
земли
Суз-
даль-
ской.

Мстиславичи вступили въ область Суздаль-
скую: села и города запылали на берегахъ
Волги до Углича и Мологи; жители спаса-
лись бѣгствомъ. Новгородцы разорили
окрестности Ярославля, и война кончилась
безъ сраженія: пбо весна уже наступала,

рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ Новгородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячъ нѣмцевъ свидѣтельствовали его побѣду.

Скоро Великій Князь испыталъ превратность счастія, и могъ принести опую собственнѣйшей несправедливости. Ростиславъ Георгиевичъ былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, въ его отсутствіе, старался обольстить Днѣпровскихъ Берендѣевъ и самыхъ Кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу несправедливо родъ Мстислава (317). Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: Великій Князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе, коней; заключилъ въ цѣпи дружину, и самого отправилъ съ тремя людьми въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. «Такъ платитъ Изяславъ «неосторожному юношѣ за безразсудную «любовь и дружбу!» говорилъ онъ: «жестокій племянникъ совершенно отчуждастъ меня и дѣтей моихъ отъ земли Русской» (симъ именемъ преимущественно

Несправедливость
Велик.
Князя.

означалась тогда *Россія южная*). Георгій наконецъ выступилъ, соединясь съ Половцами. Святославъ Ольговичъ, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая Великаго Князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ Черниговомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ Князя Смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: «ты не спасъ городовъ нашихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго, и не можемъ играть душею (318).» Усердно помогая Великому Князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. «Буду (сказалъ Ольговичъ) когда Изяславъ возвратитъ мнѣ все имѣніе моего брата.» Увѣренный, что Георгій дѣйствительно намѣренъ идти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу близъ Обоина; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить Великаго Князя. Но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. «Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую область, если бы Георгій пришелъ одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ варвары Половцы и враги мои, Ольговичи.» Кіевляне хотѣли мира: «заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но

«имѣя въ рукахъ оружіе.» Георгіи осадилъ Переславль : тамъ находились Владиміръ и Святославъ Мстиславичи. Великій Князь снѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него ; а Георгій, желая оказать умеренность , послалъ къ нему Боярина съ такими словами : «Чтобы отвратить несчастное кровопролитіе, забываю обиды, разореніе моихъ областей и старѣйшинство, коего ты лишилъ меня несправедливо. Царствуй въ Кіевѣ : отдай мнѣ только Переславль, да господствуетъ въ немъ сынъ мой!» Гордый Изяславъ велѣлъ задержать Посла ; отслушалъ Литургію у Св. Михаила , и готовясь обнажить мечъ , требовалъ благословенія отъ Епископа Евфимія (319). Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолялъ его примириться. «Нѣтъ!» сказалъ Князь : «я добылъ Кіева и Переславля словомъ : могу ли отдать ихъ?» Умные Бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, истеряливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ Западу, и въ Переславль благовѣстили къ Вечернѣ : Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась ; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать : тогда Изяславъ , какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ , вообразивъ , что непріятель бѣжитъ. За-

Августа
23. Бит-
ва у Пе-
реясла-
вля.

трубили въ воинскія трубы; солнце зака-
тилось, и шумъ битвы раздался. Она была
кровопролитна и несчастлива для Великаго
Князя. Берендѣи обратили тылъ; за ними
Изяславъ Давидовичъ съ дружиною Черни-
говскою; за ними Кіевляне; а Переяславцы
измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изя-
славъ пробился сквозь полкъ Ольговича и
Суздальскій, прискакалъ самъ-третей въ
Кіевъ, и собравъ жителей, спрашивалъ,
могутъ ли они выдержать осаду? Граждане
въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу
Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья
«наши лежатъ на полѣ битвы; другіе въ
«нѣмнѣ или безъ оружія. Государи добрые!
«не подвергайте столицы расхищенію; уда-
«литесь на время въ свои частныя области.
«Вы знаете, что мы не уживемся съ Геор-
«гіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то
«всеѣ единодушно на него возстанемъ.»
Великій Князь, взявъ супругу, дѣтей, Ми-
трополита Климента, поѣхалъ въ Влади-
миръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ ⁽³²⁰⁾.
Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3
дни въ Кіевъ, и дружелобно пригласивъ
туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ
Княжескомъ совѣтѣ распорядилъ Удѣлы:
отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, По-
сье, Сновскую область, Слуцкъ и всю
землю Дреговичей, бывшую въ зависимо-
сти отъ Великаго Княженія; сыновьямъ

Бѣгство
Изясла-
ва.

же : Ростиславу Черелславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться Митрополиту Клименту; называлъ его не Пастыремъ Церкви, а волкомъ, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу, и съ честію отпустивъ къ Новгородцамъ сего любезнаго имъ Епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время Воевода Іоаннъ Берладникъ, оставивъ Смоленскаго Князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ Новгородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ ⁽³²¹⁾.

Изгнанный Великій Князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ втораго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который нашелъ союзниковъ въ Венгерскомъ Королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ Ляхахъ. Первый не за долго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи — такъ она называется въ Булѣ Папы, Иннокентія IV — и далъ шурину 10,000 всадниковъ ⁽³²²⁾. Лѣтѣмъ

Союзъ съ Венграмъ, Богемцами и Поляками.

сецъ сказываетъ , что Государи Богемскій и Польскій , сваты Изяславовы , сами привели къ нему войско , и что Болеславъ Кудравый , вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ угощеный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ , опоясалъ мечемъ многихъ Сыновей Боярскихъ. Но сии иноземные союзники , узнавъ , что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ , и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь , не захотѣли битвы , остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею ⁽³²³⁾. Они , какъ посредники между ими , вступили въ переговоры , увѣряя , что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. «Вѣрю и «благодарю васъ ,» отвѣтствовалъ Георгій : «идите же домой и не тяготите земли нашей ; тогда я готовъ удовлетворить требованіямъ моего племянника.» Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи ; но хитрый Георгій , удаливъ ихъ , отвергнулъ мирныя предложенія , которыя состояли въ томъ , чтобы онъ , господствуя въ столицѣ Кіевской или уступивъ оную старшему брату , клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую , Луцкую и Великій Новгородъ со всеми далями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника все владѣнія , а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Во-
 лыніи осадю Луцка, славною для сына
 Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай
 оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь,
 оставленный союзными Половцами — ко-
 торые съ Воеводою своимъ, Жирославомъ,
 бѣжали отъ пустой тревоги ⁽³²⁴⁾ — сей
 Князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ
 дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели
 сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами
 Луцка знамена отца своего (пришедшаго
 къ городу съ другой стороны) и сильную
 вылазку осажденныхъ, Андрей устремился
 въ битву, гналъ непріятелей, и былъ на
 мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ,
 Борисъ, остались далеко, ничего не
 зная : ибо пылкій Андрей не велѣлъ распу-
 стить своей хоругви, не вспомнилъ сего
 обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ
 сраженію. Только два воина могли слѣдо-
 вать за Княземъ : одинъ пожертвовалъ ему
 жизнью. Камни сыпались съ городскихъ
 стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ нexo-
 дилъ кровію ; острая рогатина прошла
 сквозь луку сѣдельную. Герой готовился
 умереть великодушно, подобно Изяславу I,
 его прадѣду; изломивъ конь, вынулъ мечъ;
 призвалъ имя Св. Оеодора (ибо въ сей
 день торжествовали его память), сразилъ
 Нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и
 благополучно возвратился къ отцу. Георгі-

г. 1150.
Муже-
ство
Андрея.

Февра-
ря 8.

Памят-
никъ
коню.

гій, дядя Вячеславъ, Бояре, витязи, съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый : благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ падью рѣкою Стыремъ.

Миръ.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Лукцѣ. Три недѣли продолжалась осада : жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и Великій Князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ челоуѣколюбіе : сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичъ, внукъ бывшаго Великаго Князя, Святополка-Михаила (325), и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ : Изяславъ призналъ себя виновнымъ, то есть, слабымъ; съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ, и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласился, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірекой и пользовался данями Новгородскими ; обязался также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоин-

ство Великаго Князя; а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владиміровича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова ⁽³²⁶⁾.

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угоду ^{Коварство} ему, какъ вѣроятво, Бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою Россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій, и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался: не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичъ. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: «У меня нѣтъ ^{Повня} вражды съ вами, братьями; но могу ли ^{прижда.} «спосить обиды? Иду на вашего отца, который не любитъ ни правды, ни ближнихъ.» Увѣренный въ доброхотствѣ Кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ Берендѣями; а Князь Суздальскій, изумленный печальною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ ⁽³²⁷⁾.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ,

слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами на встрѣчу къ Изяславу. «Ты нашъ Государь!» восклицали они: «не желаемъ ни Георгія, ни брата его!» Великій Князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, пѣо обстоятельства перемѣнились. «Убей меня здѣсь,» отвѣтствовалъ Вячеславъ: «а живаго не изгонишь.» Сія минутная твердость была бесполезна. Провождаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ вѣхалъ на Дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали Великому Князю употребить насилие; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. «Нѣтъ!» сказалъ онъ: «я не убійца моихъ ближнихъ; люблю «дядю, и пойду къ нему самъ.» Князя обнялся дружелюбно. «Видишь ли мятежъ народа?» говорили племянникъ: «дай миновать общему волненію, и для собственной безопасности иди въ «Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не забуду «тебя.» Вячеславъ удалился.

Торжество Великаго Князя было не долговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичъ, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ городъ Диѣпировскихъ кочующихъ Торковъ, готовыхъ соединиться съ Кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Ве-

ликій Князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ Книземъ Суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на троихъ Мономаховъ. «Для чего же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіева?» возразилъ дядя: «теперь отдаешь его мнѣ, когда «спальные враги готовы изгнать тебя самого.» Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнялъ его съ нѣжностію, и заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ Святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы ⁽³²⁸⁾; но счастье опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: Берендѣи же и Кіевляне, встрѣтивъ Галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы, и путивъ нѣсколько стрѣлъ, разошлись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ Венгровъ и Поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестію: «одни ли чужеземцы будутъ моими защитниками?» и самъ поворотилъ копя. Непріятель слѣдо-

Добро-
душіе
Вяче-
слава.

Побѣда
Влади-
мірко-
ва.

валъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій Князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава, и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра, и что Кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а Великій Князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни ⁽³²⁹⁾.

Георгій и Князь Галицкій сошлись подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей Князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерекомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ими. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волинскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка, и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы Кіевскіе и гробъ Святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба ⁽³³⁰⁾.

Б о д-
рость

Георгій, боясь новыхъ предиріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волинскую область

свою надежнѣйшему изъ сыновей, храбро-^{Андрею} Андрею. Сей Князь болѣе и болѣе за-^{ва.} служивалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ Половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяслава и не хотѣли слушать Пословъ Георгія; но удалился, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить Россіянъ въ покоѣ (³³¹). Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ, и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. «Отказываюсь отъ «Кіева (говорилъ Великій Князь), если «отецъ твой уступитъ мнѣ всю Вольнію. «Венгры и Ляхи не братья мои: земля ихъ «мнѣ не отечество. Желая остаться Русскими и владѣть достояніемъ нашихъ «предковъ.» Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія, и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичъ, поѣхалъ въ Венгрію, и склонилъ Короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ Державъ соседственныхъ. Въ глубокую осень, чрезъ горы Карпатскія, Гейза во-

Х и т-
рость
Владв-
мірва.

г. 1131.

Твер-
дость
Изясла-
ва.

шелъ въ Галицію, завоевалъ Санокъ, ду-
малъ осадить Перемышль. Желая безъ кро-
вопролитія избавиться отъ врага сильнаго,
хитрый Владимірко купилъ золотомъ друж-
бу Венгерскаго Архіепископа, именемъ Кук-
ниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзи-
ныхъ, которые убѣдили своего легковѣр-
наго Монарха отложить войну до зимы.
Но связь Гейзы съ Великимъ Княземъ еще
болѣе утвердилась: Владиміръ Мстисла-
вичъ женился на дочери Бана, родственника
Королевскаго, и вторично посланный бра-
томъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000
отборныхъ воиновъ ⁽³³²⁾. Тогда Изяславъ,
истерпѣливо ожидаемый Кіевлянами, Бе-
рендѣями и преданною ему дружиною Вя-
чеслава, смѣло выступилъ въ поле, мино-
валъ Пересопицу, и зная, что за нимъ
идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ
столицѣ Великаго Княженія. Бояре гово-
рили ему: «у насъ впереди непріятель, за
нами другой.» Князь отвѣтствовалъ: «Не
«время страшиться. Вы оставили для меня
«домы и села Кіевскія; я лишень родитель-
«скаго престола: умру или возьму свое и
«ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко,
«сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, также
«сразимся. Иду на судъ Божій.»

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изя-
слава со крестами, но боялись Венгровъ.
«Будьте покойны,» сказалъ Великій Князь:

«я предводительствую ими. Не вы, люди
«моего отца и дѣда, а только одни враги
«мой должны ихъ ужасаться.» Другіе го-
рода изъявляли ему такую же покорность.
Онъ нигдѣ не меднилъ; но войско его едва
оставило за собою рѣку Уинъ, когда легкій
отрядъ Галицкаго показался на другой сто-
ронѣ. Самъ Владиміръ, вмѣстѣ съ Ан-
дреемъ Георгіевичемъ, стоялъ за лѣсомъ,
въ ожиданіи своей главной рати. Началась
перестрѣлка. Великій Князь хотѣлъ ударить
на малочисленныхъ непріятелей: Бояре ему
отсовѣтовали. «Рѣка и лѣсъ передъ нами,»
говорили они: «пользуясь ими, Владиміръ
«можетъ долго сопротивляться; задніе пол-
«ки его пристраиваютъ къ битвѣ. Лучше не
«тратить времени, идти впередъ и соеди-
«ниться съ усердными Кіевлянами, ждущи-
«ми тебя на берегахъ Тетерева.» Изяславъ
велѣлъ ночью разложить большіе огни, и
тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился, шелъ
день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстисла-
вича къ Бѣлугороду, и надѣялся взять его
незапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгі-
евичъ, пируя въ Бѣлугородскомъ дворцѣ
своимъ съ дружиною и съ Цонами, вдругъ
услышалъ громкій кликъ и воинскія тру-
бы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже
входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не
менѣе сына безпечному. Георгій жилъ спо-
койно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведен-

Воя-
ская
хит-
рость.

Безпеч-
ность
Георгія

и тор-
жество
Изясла-
ва.

пый въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а Великій Князь, оставивъ въ Бѣлѣгородѣ Владиміра Мстиславича для удержапія Галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе Бояре Суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій Князь, изъяснивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность Небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ Венгровъ и своихъ друзей Кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ Венгерскихъ всадниковъ (333).

Риста-
ніе
въ Кіе-
вѣ.

Еще Кіевляне опасались Владимірка; по изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: «Свять мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи, и не знаетъ, что въ ней дѣлается; одинъ сынъ «въ Пересопницѣ, другой въ Бѣлѣгородѣ, «и не даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ «врага! Когда вы такъ правите землею, я «вамъ не товарищъ. Миѣ ли одному рато- «бствовать съ Изяславомъ, теперь уже «сильнымъ? Иду въ область свою.» И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ Волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему

серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій ⁽³³⁴⁾.

Утвердись въ столицѣ, Великій Князь призвалъ дяню своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. «Богъ взялъ моего родителя,» говорилъ онъ: «будь миѣ вторымъ отцемъ. «Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ, и не сдѣлалъ того, ослѣпленный властолюбіемъ. Прости вину мою, да буду спокоенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господствуй въ немъ подобно отцу и дѣду.» Добрый Вячеславъ, тронутый сномъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: «Ты исполнилъ наконецъ долгъ собственнѣйшей чести своей. Не имѣя дѣтей, признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ; не могу одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и мира; соединимъ наши полки и дружину. Иди съ ними на враговъ, когда не въ силахъ буду дѣлать съ тобою опасностей ⁽³³⁵⁾!» Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ Кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, Венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а въ слѣдъ за ними от-

Справедливость Великаго Князя.

Признательность Вячеслава.

Благо-
даря
р-
ность
Королю
Венгер-
скому.

правиль сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: «Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Ни сынъ отцу, ни братъ единокровному брату не оказывалъ услугъ «важнѣйшихъ. Будемъ всегда заодно. Твои «враги суть наши: не златомъ, одною кровію своею можемъ заплатить тебѣ долгъ. «Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ «врага сильнаго. Ольговичи и Князь Черниговскій, Владиміръ, въ союзъ съ Георгіемъ, который сыплетъ злато и мацить къ себѣ дикихъ Половцевъ. Не зовемъ тебя самого: ибо Царь Греческій имѣетъ «ратъ съ тобою. Но когда наступитъ весна, «мирная для Венгріи, то пришли въ Россію «новое войско. И мы въ спокойную чреду «свою придемъ къ тебѣ съ дружиною всемогательною. Богъ намъ поборникъ, на- «родъ и Черныя Клобуки друзья.» — Великій Князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его вторымъ сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ Княземъ Суздальскимъ.

Георгій имѣлъ время собрать войско, и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами — то есть, двумя Святославами, дядею и племянникомъ — Владиміромъ Черниговскимъ и Половцами, разбивъ шатры Осада Кіева. свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Ізяслава: ладіи сего Князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли не обращаясь итти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева; ввелъ ладіи свои въ Долобское озеро ⁽³³⁰⁾, и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Ізяславъ шелъ другою стороною, и суда его вступили въ бой съ непріателемъ у *Витичевскаго брода*. Князь Суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но Половцы тайнымъ обходомъ разстроили Ізяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные съ головы до ногъ, и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичъ и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража Кіевская оробѣла. Напрасно Воевода Шваригъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: «съ ними не

«было Князи (говоритъ Лѣтописецъ)», а «Боярина не все слушаютъ.» Половцы достигли берега, и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій Князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у *Златыхъ* вратъ; Изяславъ Давидовичъ между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подлѣ него Князь Смоленскій; Борисъ Всеволодковичъ Городиенскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ *Лятскихъ* или *Польскихъ*. Ряды Кіевлянъ окружили городъ. Черные Клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ Кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, Берендѣи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владимиру, соединить ихъ и поставить у *Могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народъ, съ твердостью и мужествомъ ожидали непріятели (337).

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ Послу наставленіе. «Иди къ Георгію,» сказалъ онъ: «цѣлуй его своимъ именемъ и говори такъ:

«Сколько разъ молилъ я васъ, тебя и пле-
«мянника, не проливать крови Христіанъ и Вячеслава.
«не губить земли Русской! Изяславъ, воз-
«ставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить,
«что ищетъ престола Кіевскаго единствен-
«но для меня, втораго отца своего; а послѣ
«завладѣлъ собственными моими городами,
«Туровымъ и Пинскимъ! Равно обманутый
«и тобою — лишенный Пересопницы, До-
«рогобужа — не имѣя ничего, кромѣ Вы-
«шегорода, я молчалъ; имѣя Богомъ дан-
«ную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣ-
«ливо сносилъ обиды, самое уничиженіе,
«и думая только о пользѣ отечества, уни-
«малъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли вин-
«мать совѣтамъ человеколюбія; отвергая
«нихъ, нарушали уставъ Божій. Нынѣ Изя-
«славъ загладилъ вину свою: почтилъ дя-
«дю вмѣсто отца; я называлъ его сыномъ.
«Боишься ли унизиться предо мною? Но
«кто изъ насъ старшій? Я былъ уже бра-
«датъ, когда ты родился. Опомнись, или,
«поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва
«Небеснаго!» — Посолъ Вячеславовъ на-
шелъ Георгія въ Василевѣ: Князь Суздаль-
скій, выслушавъ его, отправилъ собствен-
наго Боярина къ брату; признавалъ его
своимъ отцемъ; обѣщалъ во всемъ удовле-
творить ему, но требовалъ, чтобы Мсти-
славичи выѣхали изъ области Кіевской.
Старецъ отвѣтствовалъ: «У тебя семь сы-

«новей : отгоняю ли ихъ отъ родителей? У
«меня ихъ только два : не разстанусь съ
«ними. Иди въ Переяславль и Курскъ ; иди
«въ Великій Ростовъ, или въ другіе города
«свои ; удали Ольговичей, и мы примирим-
«ся. Когда же хочешь кровопролитія , то
«матерь Божія да судитъ насъ въ семь
«вѣкъ и будущемъ!» Вячеславъ , говоря
сѣи послѣднія слова, указалъ на Златыя
врата и на образъ Маріи , тамъ изобра-
женный.

Имя-
кость
Андрея.

Георгіи ополчился и подступилъ къ Кіе-
ву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ
Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на дру-
гую сторону рѣки, и гналъ стрѣлковъ не-
пріятельскихъ къ городу; но былъ остав-
ленъ своими : одинъ Половчичъ схватилъ
коня его за узду и принудилъ Героя воз-
вратиться ⁽³³⁸⁾. Юный Владиміръ Андре-
евичъ, внукъ Мономаховъ, снѣшилъ раздѣ-
лить съ братомъ опасность : пѣстунъ си-
лою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ
шла на полкъ Вячеславовъ и Великаго Князя
за Лыбедью ; прочее войско Георгіево сра-
зилось съ Борисомъ у вратъ Лятекихъ.
Вячеславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы:
онъ велѣлъ братьямъ, не разстроивая пол-
ковъ, съ избранными отрядами и Черными
Клобуками ударить вдругъ на непріятеля.
Смятые ими, Половцы, Суздальцы бѣжали,
и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ

вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ Хана славнаго, Боняка, именемъ Се-
венчъ, который хвалился, подобно отцу
своему, зарубить мечемъ врата Златыя (339).
Съ того времени Суздальцы не дерзали пе-
реходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро Отсту-
плѣніе
Георгія.
отступилъ, чтобы соединиться съ Влади-
міромъ : ибо Галицкій Князь, забывъ
прежнюю досаду, шелъ къ нему въ по-
мощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣ-
ніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ ха-
рактеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ,
что они могутъ не сѣвнть, и что Всевыш-
ній дастъ побѣду не скорому, а справедли-
вому; но убѣжденный ихъ представленіа-
ми, и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣ-
стѣ съ племянниками совершивъ молитву
въ храмъ Богоматери. Никогда народъ
Кіевскій не вооружался охотиѣе ; никогда
не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ Го-
сударямъ. «Велкой, кто можетъ двигаться Усердіе
Кіев-
лянъ.
«и владѣть рукою, да идетъ въ поле!» ска-
зали граждане : «или да лишится жизни
«ослушникъ!» Борисъ Городпенскій былъ
отправленъ лѣсомъ въ слѣдъ за Георгіемъ,
который думалъ взять Бѣлгородъ : но видя
жителей готовыхъ обороняться, пошелъ
на встрѣчу къ Галичанамъ (340). Изяславъ,
стараясь предупредить сію опасное соедине-
ніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась

ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенные несчастнымъ предзнаменованіемъ, оба войска желали мира: Послы ѣздили изъ стана въ станъ, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; одна-кожь убѣгалъ битвы, ожидая Владимірка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему идти далѣе: Битва. надлежало сразиться. Андрей устроилъ Суздальцевъ (341); объѣхалъ всѣ ряды; стараясь возпламенить мужество въ Половцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны Великій Князь, Полководецъ некусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско, и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. «Неблагодарный Георгій отвергнулъ «миръ, столь любезный душѣ твоей,» говорили ему племянники: «теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди.» Вячеславъ отвѣтствовалъ: «Суди Богъ моего брата; я отъ юности гнушался кровопролитіемъ.» — Битва началась. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ, и силь-

нымъ ударомъ взломилъ свое копіе. Уяз-
 вленный въ поздри конь его ярился подъ
 всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы,
 щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ
 сохранилъ мужественнаго Князя. Изяславъ
 также былъ впереди; также взломилъ ко-
 піе: раненный въ бѣдру и руку, не могъ И з а-
 раженъ.
 усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей.
 Битва продолжалась. Дикіе варвары, сою-
 зники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пу-
 стивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣг-
 ство; за Половцами Ольговичи, и наконецъ
 Князь Суздальскій. Многіе изъ его воиновъ Бѣгство
 Георгія.
 утонули въ грязномъ Рутѣ; многіе легли
 на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій
 съ малымъ числомъ ушелъ за Дибиръ въ
 Череевскъ.

Между тѣмъ Великій Князь, нѣсколько
 времени лежавъ на землѣ, собралъ силы,
 всталъ, и едва не былъ изрубленъ соб-
 ственными воинами, которые, въ жару бѣт-
 вы, не узнали его. «Я Князь,» говорилъ
 онъ. «Тѣмъ лучше,» сказалъ одинъ воинъ,
 и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ
 блистало золотое изображеніе Святаго Пап-
 телеймона ⁽³⁴²⁾. Изяславъ, открывъ лице, Ч у в-
 отъ в-
 тель-
 ность
 Изясла-
 ва.
 увидѣлъ общую радость Кіевлянъ, считав-
 шихъ его мертвымъ, нисходилъ кровію, но
 слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ,
 велѣлъ посадить себя на коня и везти къ
 его трупу; искренно сожалѣлъ объ немъ, и

съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Ізяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ за- щитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичъ хотѣлъ незапно овладѣть ею; но тучный, дебелый и до крайности утом- ленный бѣгствомъ, сей Князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣ- верскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Ізяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцевскую (343).

Мстиславичи осадили Переяславль. Утра- тивъ лучшую дружину въ битвѣ, и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Буж- ска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. «От- даемъ Переяславль любимому изъ сыно- «вей твоихъ,» говорили они: «но самъ «иди въ Суздаль. Не можемъ быть съ то- «бою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не «хотимъ, чтобы ты снова призывалъ друзей «своихъ, Половцевъ, грабить область Кіев- «скую.» Георгій далъ клятву выѣхать, и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ Св. Борису: праздновалъ его память, жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего Мученика и не хотѣлъ уда- литься отъ Переяславля (344). Одинъ сынъ его, Андрей, гнушався вѣроломствомъ, от-

Вѣро-
ломство
Георгія.

правился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ Половцевъ и Галичанъ, Великій Князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Черяславль, но выѣхалъ только въ Городецъ, и ждалъ благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владиміръ. Мстиславъ, сынъ Великаго Князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы, и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волинію, онъ провагъ съ Венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи Галицкаго Князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство Венгровъ ⁽³⁴⁵⁾. «Мы всегда готовы къ бою,» говорили они, и шли безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владиміръ ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ — и Великій Князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастись одинъ съ своими Боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: Князя Черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичъ, повинувшись необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣсимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько

дней смириться : уступивъ Переяславъ Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный Удѣлъ свой и поручилъ Гог. 1132. родець сыну Глѣбу (³⁴⁶). Но скоро Изяславъ отялъ у Георгія и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви, и срамялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, Великій Князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: Помощь
Венгровъ. Король Венгерскій хотѣлъ того же. Имъ подлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ (³⁴⁷). Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ Государей: сановники Гейзы отъ его имени привѣтствовали Великаго Князя на дорогѣ; самъ Король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ Дворомъ, всѣми Баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они, въ шатрѣ Королевскомъ, условились не жалѣть крови для усмиренія врага — и на разсвѣтѣ, ударивъ въ бубны, семьдесятъ полковъ Венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли Россіяне и коиные Берендѣи; вступивъ въ землю Галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣ-

сколько защитниковъ Королевскихъ (348). Тогда было Воскресенье; Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ, и такъ говорилъ ратникамъ: «Братья и дружина! доселѣ Богъ «спасалъ отъ безчестія землю Русскую и «сыновъ ея: отцы наши всегда славилась «мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою «предъ глазами союзниковъ иноплемени- «ныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными «ихъ уваженія.» Въ одно мгновеніе ока Россіяне бросились въ Сапъ: Венгры также, и смяли Галичапъ, стоявшихъ за вѣдомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между толпами Венгровъ и Черныхъ Клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя Княжескій богатый дворецъ на берегу Сапа, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою Галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ Архіепископу и Боярамъ Венгерскимъ множество серебра, золота, драгоценныхъ одеждъ, и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что Галицкій Князь, тяжело раненный, признается въ винѣ своей; что Небо милуетъ каю-

Рѣчь
Изясла-
ва и по-
бѣда.

Притвор-
ство
Владимі-
рна.

щихся грѣшниковъ; что онъ служилъ ко-
піемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ Сильно-
му, противъ Ляховъ; что Владимірко, зная
великодушіе Короля и готовясь скоро уме-
реть, поручаетъ ему юнаго сына, и боится
единственно злобы Изяславовой. Великій
Князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. «Если
«умретъ Владимірко» — говорилъ онъ —
«то безвременная кончина его будетъ спра-
«ведливою Небесною казнію. Сей вѣролом-
«ный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь
«свою, разбилъ твое и мое войско. Забу-
«демъ ли безчестіе? Нытъ Богъ предастъ
«Владимірка въ руки наши: возьмемъ его и
«землю Галицкую.» Мстиславъ, сынъ Ве-
ликаго Князя, еще ревностию отца проти-
вился миру: напрасно Владимірко старался
молещіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но

Просто-
душіе
Гейзы.

Гейза отвѣтствовалъ: «не могу убить того,
«кто винится,» и простилъ врага, съ усло-
віемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, за-
нятые имъ города Россійскіе (Бужскъ, Ти-
хомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и на-
всегда остался другомъ Изяславу, или, по
тогдашнему выраженію, *не разлучался съ*
нимъ ни въ добръ, ни въ зль. Изъ шатра Ко-
ролевскаго послали ко мнимому — больному
Владимірку чудотворный крестъ Св. Сте-
фана: сей Князь далъ присягу. «Если онъ
«измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или
«миръ не царствовать или ему не княжить,»

Услуживъ шурина и смиливъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ Греками, Король спѣшилъ къ берегамъ Сава, отразить Императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего Галицкаго друга ⁽³⁴⁹⁾. Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, Князя Смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода, и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Князь Суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достоинствомъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ Государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ Князей Россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ Удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ, и презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призывалъ Князей Рязанскихъ и Половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ ⁽³⁵⁰⁾; занялъ область Вятичей и велѣлъ Князю Новгорода Съвер-

Любовь
Георгія
къ юж-
ной
Россіи.

Вѣро-
ломство
Влади-
мірка.

скаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Влади-
мірко, свѣдавъ о походѣ Георгіа, думалъ
вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія
противъ Мстиславичей; но Изяславъ ус-
пѣлъ отразить его и заставилъ возвратить-
ся. Князь Галицкій, мужествомъ достой-
ный отца, не хотѣлъ угодобляться ему въ
вѣрности слова: не боялся клятвеннопресту-
пленія, и доказалъ ошибку списходитель-
наго Гейзы, не исполнявъ обѣщанія, то
есть, силою удержавъ за собою города Ве-
лвкокняжескіе, Шумекъ, Тихомль и другіе.
Видя, что Георгіи намѣренъ осадить Чер-
ниговъ, Князь Смоленскій, по сдѣланному
условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ
защитить Изяслава Давидовича, ихъ союз-
ника. Тутъ находился и Святославъ Всево-
лодовичъ, который уже зналъ характеръ
Георгіевъ, и не любилъ его. Съ душевнымъ
прискорбіемъ они говорили другъ другу:
«будетъ ли конецъ нашему междоусобию?»
Пажожиный Князь Суздальскій, подступивъ
къ Чернигову въ день Воскресный, не хо-
тѣлъ обнажить меча для праздника ⁽³⁵¹⁾;
но велѣлъ Половцамъ жечь и грабить въ
окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продол-
жались битвы, знаменитыя мужествомъ
Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы
Князья, союзники Георгіевы, сами по оче-
реди ходили на приступъ, для ободренія

Подав-
ли Ан-
дрея.

войска ; служилъ имъ образцемъ , и собственною храбростію воспаменялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить вышнихъ укрѣпленій, сожженныхъ Половцами, и городъ былъ въ опасности ; но Великій Князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ , робкіе Половцы бѣжали : Георгій также отступилъ за Сновъ , и Князь Черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Святославъ Ольговичъ , удерживая Георгія, говорилъ : « Ты принудилъ меня воевать ; разорилъ мою область , вездѣ потравилъ хлѣбъ , и теперь удаляешься ! Половцы также ушли въ степные города свои ⁽³⁵²⁾. Мнѣ ли одному бороться съ сильными ? » Но Князь Суздальскій , оставивъ у Святослава только 50 человекъ дружины съ сыномъ Василькомъ , вышелъ изъ области Сѣверской , чтобъ овладѣть всею страной Вятичей , гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень : Изяславъ дождался зимы, поручилъ Смоленскому Князю наблюдать за Георгіемъ , осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу ; а сынъ Великаго Князя , Мстиславъ , съ Кіевскою дружиною и съ Черными Клобуками воевалъ землю Половецкую : разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары , захватилъ ихъ г. 1133.
въ Фе-
врабѣ.

вежи, освободилъ множество Россійскихъ пѣшиховъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности восточныхъ предѣловъ Кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично идти къ берегамъ Пела для отраженія Половцевъ.

Тогда, желая покоя, Великій Князь отправилъ Боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владимірку Галицкому. «Ты нарушилъ клятву» — говорилъ ему Посолъ — «данную тобою нашему Государю и Королю Венгерскому въ моемъ присутствіи ⁽³⁵³⁾. Еще можешь загладить преступленіе: возврати города Изяславовы и будь его другомъ.» Владимірко отвѣтствовалъ: «Братъ мой Изяславъ несчастливо подвелъ на меня Венгровъ: никогда не забуду того; умру или отмищу.» Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. «Онъ былъ не великъ!» сказалъ Владимірко въ насмѣшку. «Но спла опаго велика,» возразилъ Петръ: «Вельможа Королевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный крестъ Св. Стефана, преступишь клятву, то живъ не будешь.» Владимірко не хотѣлъ слушать, и велѣлъ Послу удалиться. Изяславовъ Бояринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и повода. Петръ отиравался на собственныхъ коняхъ; а Владимірко, пошедши въ цер-

Пасхѣ-
ш и а
Владі-
мірко-
на.

ковъ къ Вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами. — Въ ту же ночь Отрокъ Княжескій, догнавъ сего Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, въ слѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичъ. Слуги Владиміръковы встрѣтили его предъ дворцомъ въ Печаль-
ныя о-
дежда. черныхъ одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантии и въ клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантии. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный Бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести, и свѣдавъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ Вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, ужалъ, и принесенный во дворецъ, скончался. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Петръ: «все люди смертны.» Ярославъ отеръ слезы. «Мы желали извѣстить тебя о семъ несчастіи,» говорилъ онъ Послу: «скажи отъ меня Изяславу: Богъ Смерть
Влад-
мірко-
ва. взялъ моего родителя, бывъ судіею между нимъ и тобою. Могила прекратила вражду. «Будь же мнѣ вмѣсто отца. Я наследовалъ Княженіе; воины и дружина рода-тельская со мною: одно его коніе постав-

Речь
Яросла-
ва.

«лено у гроба : и то будетъ въ рукѣ моей.
«Люби меня какъ сына своего , Мстислава :
«пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны подлѣ
«твоего стремени , а я съ другой , окружен-
«ный вѣсми полками Галицкими!»

Великій Князь изъявилъ сожалѣніе о
внезапной кончинѣ знаменитаго , умнаго
Владимірка , основателя могущественной
Галицкой области, но требовалъ доказа-
тельствъ нескренняго дружеслюбія отъ Яро-
слава — то есть, возвращенія городовъ
Кіевскихъ, и видя, что ему хотятъ удовле-
творить только ласковыми словами, а не
дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско
Галицкое стояло на берегахъ Серета : Изя-
славъ, пользуясь густымъ утреннимъ ту-
маномъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла ис-
чезла, и непріятелѣ увидѣли другъ друга.
Юный Князь Галицкій сѣлъ на коня.
Усердные Вельможи сказали ему : «Ты у
«спасъ одинъ : что будетъ, если погибнешь?
«Заклучись въ Теремовѣ : мы сразимся;
«и кто останется живъ, тотъ придетъ уме-
«реть съ тобою.» Въ сраженіи упорномъ и
кровавомъ побѣда казалась сомни-
тельнойю. Сынъ и братья Изяславовы не
могли устоять; но Великій Князь одолѣлъ
на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ
гнались и бѣжали ; обѣ стороны взяли
плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ по-
ставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріа-

Сомни-
тельная
побѣда.

тельскія и схватилъ многихъ разсѣянныхъ Галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины, и боясь вылазки изъ Теремовля, Изяславъ велѣлъ почью умертвить всѣхъ несчастныхъ ильбниковъ, кромѣ Бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать второй бракъ свой. Невѣстою его была Княжна Абазинская, безъ сомнѣнія Христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ Кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы ⁽³⁵⁴⁾. Мстиславъ, отправленный отцемъ, встрѣтилъ сію Княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ. Бракъ Изяславъ.

Готовясь къ новому междоусобию кровопролитію (ибо непримиримый Князь Суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ Вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшаго сына, Ярослава, изгнаннаго Новгородцами, которые — въ 1149 году полюбили на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Волскую область ⁽³⁵⁵⁾ — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ро- Дѣла Новгорода.

стиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отиравился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волинскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

Полбръ
изъ Ко-
ч и н в
Изясла-
ва.

Малочисленность союзныхъ Половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну ⁽³⁵⁶⁾. Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣнной горести Кіевлянъ, всѣхъ Россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ, Берендѣевъ, Торковъ. Они единогласно называли его своимъ *Царемъ* славнымъ, *господиномъ* добрымъ, *отцемъ* подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: «сынъ любезный! сему гробу надлежало быть моимъ; но Богъ «творить, что Ему угодно!» — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто шировавъ съ гражданами; говорилъ на Вѣчахъ, подобно Великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла Государственныя, и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю Государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ вѣжнѣйшій сынъ съ

Харак-
теръ
его.

отцемъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, по приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ Княжескій (337).

Готовый умереть за Кіевъ, Ізяславъ удалялся отъ иныхъ случаевъ проливать кровь Россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго Новгородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго Полочане въ 1151 году свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Мѣнскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области (338). Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что *благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ*.

С в о е-
во лѣст-
во По-
лочанѣ.

Тѣло Ізяслава было погребено въ монастырѣ Св. Θεодора, основанномъ Великимъ Метиславомъ.

ГЛАВА XIII.

Великій Князь Ростиславъ-Михаилъ
Мстиславичъ.

Г. 1154 — 1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Савновники придворные. Неблагодаруміе и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новгородцевъ. Кіевляне поддаются Изяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Узнавъ о кончинѣ Великаго Князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и Бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему вѣхаться въ столицу. Они ждали Князя Новгородскаго и Смоленскаго. Граждане, Торки, Берендѣи, съ изъясненіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, Давида), и добродушный дядя сказалъ ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и «безпокойства ратины уже не мое дѣло. «Подобно Изяславу будь мнѣ сыномъ и «Государемъ Россіи. Отдаю тебѣ полкъ «и дружину свою.» Бояре, вмѣстѣ съ народомъ, требовали отъ новаго Князя, чтобы

онъ, слѣдую примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичъ: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону Великаго Князя, отдавшаго ему за то Инскъ и Туровъ.

Любовь
Кіев-
лянъ къ
Вячеславу.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичъ заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ, напавъ на Половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичъ отразилъ ихъ съ помощію Кіевской дружины (359). Великій Князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть постигла его въ Вышгородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: ввечеру пировалъ съ Боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалея о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, Христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу Великому Князю Лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ Вельможъ, Тіуновъ, Казначеевъ, Ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ

Г. 1135.
Смерть
Вячеслава.

Санов-
ники
прид-
ворные.

по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Небла-
горазу-
міе и
малоду-
шіе
Рости-
слава.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, Бояре не совѣтовали ему идти далѣе. «Ты еще слабъ на престолѣ,» говорили они: «утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгія.» Великій Князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ приближился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника (300). «Кто вступилъ въ мою область непріятелемъ, съ тѣмъ не «хочу дружиться,» отвѣтствовалъ Изяславъ, и соединясь съ Глѣбомъ Георгиевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Ылоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи утраченъ множествомъ Половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать Черниговскому Князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичъ поворотилъ коня, и сказавъ: «не будь же ни мнѣ Переяслава, ни тебѣ Кіева!» удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпыя Половцы гнали, рубили бѣгущихъ, и схватили, въ числѣ плѣнныхъ, Святослава Всеволодовича. Мстиславъ,

Г о р-
дость
Мстис-
слава.

взявъ въ Переяславѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывший Великій Князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новгорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области (361).

Свое-
воль-
ство
Ново-
город-
цевъ.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ Каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу (362):

«Государь! иди управлять нами, да не будемъ жертвою варваровъ!» ибо въ сіе время Половцы свирѣствовали въ окрестностяхъ Днѣпра, и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Давидовичъ отдалъ Переяславъ.

Кіевля-
не под-
дуютъ
Изясла-
ву.

Между тѣмъ Георгію уже шелъ съ войскомъ, и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой, благопріятной для него переменѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ, и сѣвши къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, Сѣверскаго Князя, и послалъ объявить Черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой (363). Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что Кіевляне добровольно возвели его на престолъ; но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ, и не имѣя надеж-

Георгій
встаетъ
въ Кі-
евъ.

Марта
20.

ды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ Великаго Князя.

ГЛАВА XIV.

Великій Князь Георгій или Юрій Владиміровичъ, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155—1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи бьютъ Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ Удѣлы: Андрею Вышегородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславъ, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили Берендѣи и Торки ⁽³⁶⁴⁾; а Святославъ Ольговичъ помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сногъ, Воротыньскъ, Карачевъ, и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пызкаго Мстислава, Великій Князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, съ Воеводами на Горынь ⁽³⁶⁵⁾: они взяли Пересочицу. Въ то же время зять Георгіевъ, Князь Галицкій, и Владиміръ, братъ Смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшу; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Мсти-
славъ
идеть
въ
Поль-
шу.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный дѣлами и желая спокойствія, Георгій призывалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался ⁽³⁶⁶⁾; но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему *крестную грамоту*, въ доказательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына, Глѣба ⁽³⁶⁷⁾. Великій Князь уступилъ Изяславу Корчеськъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанскіе новыми крестными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцемъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ ^{Тихина} ^{въ Рос-} ^{сія.} ⁽³⁶⁸⁾: сія тишина была весьма

непродолжительна. Мстиславъ принялъ крестную грамоту отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, роднаго дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ Болръ и мать, которая съ богатыми дарами возвратилась г. 4156. тогда отъ Королевы Венгерской, ея дочери (369). Оскорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного Галицкаго Князя, не хотѣлъ взять съ собою ни Черниговской, ни Сѣверской дружины, и выступилъ съ Берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичъ прибѣгнулъ къ Великому Князю; но Георгій въ самомъ дѣлѣ не думалъ объ немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для другаго племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его (370). Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый челоѡколюбіемъ, снялъ осаду. «Изяславичъ веселится убійствами и «враждою,» сказалъ онъ дѣтямъ и Боярамъ: «желаю не погибѣли его, а мира, и «будучи старшимъ, уступаю.» — Владиміръ Андреевичъ ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напоминалъ та-

Новое
крово-
проли-
тіе.

мошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ Князѣ Андрѣ (371); обѣщаль быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалися, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградиъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Великій Князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, Половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра, и были наказаны мужественными Берендѣями, которые многихъ хитниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ, и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: «мы умираемъ за Русскую землю, но плѣнники наша собственность.» Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ Ханами Половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваревъ (372): ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Ростиславъ Мстиславичъ пугалъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Слѣлалось смяте-

Берен-
дѣи ■
бьютъ
Полов-
цевъ.

Союзъ
съ По-
ловца-
ми.

Смяте-

ніе въ
Новгородъ.

ніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* вооружилась за Князя, *Софійская* противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей Смоленскаго Князя (373), и такимъ образомъ уступилъ Княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дня вѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Союзъ
противъ
Георгія.

Сіе происшествіе должноствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичъ съ завистію смотрѣлъ на престолъ Кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города Черниговскіе, передался къ Смоленскому Князю (374). Мстиславъ Изяславичъ Вольинскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сін Князь, напрасно убѣждавъ Сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились идти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, умирая, поручавъ у Боярина своего, Петра, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ (375). Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичъ

Май 15,
Смерть
Георгія.

пролилъ слезы, и воздѣвъ руки на небо, сказалъ : «благодарю Тебя, Господи, что «Ты разсудилъ меня съ нимъ внезапною «смертію, а не кровопролитіемъ!»

Георгій властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей Исторіи гражданскимъ образова- Свой-
ства
его. ніемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ все цвѣтуція лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ Вѣру Христіанскую, сей Князь строилъ церкви въ Суздаль, Владимірѣ, на берегахъ Нерли ⁽³⁷⁶⁾; умножилъ число духовныхъ Настырей, тогда единственныхъ наставниковъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности; основалъ новыя селенія и города : кромѣ Москвы, *Юрьевъ* Польскій, *Переяславъ* Залѣсскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ ⁽³⁷⁷⁾. *Дмитровъ*, на берегу *Яхромы*, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, *Всеволода-Дмитрія*, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ. — Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ до-

бросердечія , свойственнаго Мономахову племени. Скромыне Лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ Государей, усердно хваля добрыя ; но Георгіи безъ сомнѣнія отличался первыми, когда, будучи сыномъ Князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли , что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія : къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владиміромъ изъ Галича , служилъ Георгію , и вдругъ , безъ всякой вины (въ 1156 году), былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суздаля въ Кіевъ : Георгій согласился выдать его, живаго или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну ⁽³⁷⁸⁾. Заступленіе Духовенства спасло жертву : убѣжденный человеколюбивыми представленіями Митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль; а люди Князя Черниговскаго , высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника. — Однимъ словомъ, народъ Кіевскій столь нещадилъ Долгорукаго , что узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ Княжескій за Днѣпромъ , называемый *Раелиъ*, также имѣніе Суздальскихъ Бояръ, и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ

Имѣніе
впять къ
нему.

изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное въ городѣ, въ Берестовской Обители Спаса.

Церковныя дѣла сего времени достойны дѣла церковныя. замѣчанія. Георгій не желалъ оставить Митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и согласно съ мыслями Нифонта, Епископа Новгородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ иного Пастыря отъ Духовенства Цареградскаго. Святитель Полоцкій и Мануилъ Смоленскій ⁽³⁷⁹⁾, врагъ Климентовъ, (въ 1156 году) съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго Митрополита, именемъ Константина, родомъ Грека; вмѣстѣ съ нимъ благословили Великаго Князя, клялись память Ізяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили все церковныя дѣйствія бывшаго Митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отпраздновать службу Іереемъ и Діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество : онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ *поборника всей земли Русской* ⁽³⁸⁰⁾. Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и

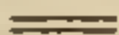
непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь: современный Лѣтописецъ Новгородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету, и хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: «мы только «за грѣхи свои лишились сладостнаго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!» — Новгородцы, на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ избрали добродѣтельнаго Игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ Епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа (³⁸¹).

ГЛАВА XV.

Великій Князь Ізяславъ Давидовичъ
Кіевскій.

Князь Андрей Суздальскій, прозван-
ный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевского. Новое силь-
ное Княженіе Владимірское. Происшествія въ
западной Россіи. Мятѣжный духъ Полочанъ.
Раздоръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава.
Неблагодарность Ізяславова. Бѣгство Великаго
Князя. Страшное завѣщаніе Митрополита. Моръ
въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, изъявивъ несправедливость къ умер-
шему Великому Князю, послали объявить г. 1157
врагу Георгіеву, Ізяславу Давидовичу,
чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ
столицѣ Россійской. Ізяславъ при воскли-
чаніяхъ довольнаго народа, вѣхалъ въ
Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника ^{19 Маія.}
своего, Святослава Владиміровича, съ дру-
жиною воинскою: ибо Князь Сѣверскій,
хотя и миролюбивый, замышлялъ незанно
овладѣть сею удѣльною столицею Ольго-
вичей; его не впустили; но Ізяславъ, же-

лая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, получилъ въ Удѣлъ Княженіе Сѣверское. Они заключили миръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, Владимірскаго Князя, который, одобливъ условія, спокойно возвратился въ Вольнію (382).

Паденіе
Велик.
Князя
изъ Кі-
евско-
го.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславъ, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, область Горынская и вся западная Россія имѣли тогда Государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство Великаго Князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ *дрезня* столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ *новая* подѣ съію Властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Новое
суданіе
Княже-

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ

изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Театръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, лютоплеменниками и своими, казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ ⁽³⁸³⁾. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъяслялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнилъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей Князь набожный, вмѣсто ливыхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ Лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ; избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ Удѣлѣ: заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, *Златыми и Серебряными вратами*. Какъ иѣжливый сынъ оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строе-

не Вла-
дими́р-
ское.

ніемъ новыхъ церквей, Обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ Кіевскій злословилъ память Георгія, священныи Клеросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые Намѣстниками Долгорукаго (³⁸¹), единодушно признали Андрея Государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славный добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ Удѣлѣ; основалъ новое *Великое Княженіе Суздальское* или *Владимірское*, и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ Государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Пронес-
шесть
въ за-
падной
Россіи.

Борисъ Георгіевичъ, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви Княжескаго Дому, имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить Удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ Князьями Волынскими, Галицкимъ, Смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 10

недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ, большую часть кошей своихъ отъ заразы (385).

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ на- Злате-
и н ѣ
д у х ѣ
Поло-
чанъ.
ходилась и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новгородцамъ въ своемъ вольствѣ. Мы упоминали о несчастіи Князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомога- г. 1158.
тельную дружину, и жители Друцка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ, Бояръ, друзей сего послѣдняго (386). Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами, и взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Спальный отпоръ жителей заставилъ сего Князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ, и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны, «свергнувъ тебя съ престола, и разграбивъ «твое имѣніе: не помни зла, и возвратися «къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою, и смѣлостію вселялъ боязнь въ

злѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. «Вчера я былъ у «васъ,» отвѣтствовалъ Ростиславъ: «для чего же вы не говорили о дѣлахъ?» одна-кожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный Отрокъ Княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на Вѣчѣ и лилъ кровь Бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дру-жину, удалился въ Мппекъ къ брату Воло-дарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, отпаялъ Изяславъ у Всеволода Глѣбовича и предписалъ мѣръ его брату: остался Княземъ Полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславъ Бря-числаву Васильковичу, и возстановилъ ти-шину кратковременную. Володаръ, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Раздоръ
за Бер-
ладни-
ка.

Изяславъ Давидовичъ не долго жилъ въ союзѣ съ Галицкимъ и Волынскими Князья-ми. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый Воевода перваго, Іоаннъ Бер-ладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Влади-міркомъ; умѣлъ склонить на свою сторону не только Венгерскаго Короля съ Поля-ками, но и многихъ Князей Россійскихъ,

желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили
 Изяслава выдать ему Іоанна (³⁸⁷). Гнушавсь
 дѣломъ столь жестокимъ, Великій Князь
 отвѣчалъ ихъ Посламъ въ Кіевѣ, что онъ
 никогда на то не согласится. Іоаннъ же,
 безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить
 Ярославу Владиміровичу: ограбилъ нѣ-
 сколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, на-
 нялъ 6000 Половцевъ и вступилъ въ Гали-
 цію; но скоро былъ оставленъ ими хищ-
 никами, ибо не позволялъ имъ опустошать
 земли и щадилъ доброхотствующихъ ему
 жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ воору-
 жается, Великій Князь предложилъ Свято-
 славу Ольговичу тѣсный союзъ и два го-
 рода, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Свято-
 славъ оказалъ безкорыстіе великодушное.

«Признаюсь» — говорилъ онъ — «что я
 «досадовалъ, когда ты не отдалъ мнѣ всей
 «области Черниговской; но сердце мое не-
 «навидитъ злобу между родными. Если
 «враги несправедливые угрожаютъ тебѣ
 «войною, то они будутъ и моими врагами.
 «Сохрани меня Богъ отъ мздыства въ
 «такомъ случаѣ: не хочу никакихъ горо-
 «довъ, и вооружаюсь (³⁸⁸).» И провавъ три
 дни, они дали знать Князю Галицкому, что
 готовы соединенными силами отразить его
 нападеніе. Ярославъ успокоился; но Великій
 Князь вздумалъ самъ объявить ему войну
 за Іоанна Берладника: ибо многіе Галичане

Безко-
 рыстію
 Свято-
 славъ.

Небла-
годар-
ность
Изясла-
ва.

звали сего Воеводу въ землю свою, увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена, и что сынъ Владиміровъ нелюбимъ гражданами. Святославъ Ольговичъ не хотѣлъ итти; удерживалъ Великаго Князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковъ Послу Черниговскому: «скажи брату, что онъ, «по возвращеніи моемъ изъ Галича, волею «и неволею можетъ отправиться назадъ въ «Новгородъ Сѣверскій!» Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству. «Богу открыто смиреніе души моей,» сказалъ онъ Вельможамъ: «я не искалъ управы мечемъ, когда «Изяславъ, вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь городовъ, «опустошенныхъ Половцами и населенныхъ *исарями*. Онъ еще не доволенъ, и «за миролюбивый, благоразумный совѣтъ «грозится, вопреки святой клятвѣ, выгнать «меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе ка-«растъ вѣроломныхъ.» Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединивъ съ Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ Великаго Князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ

Половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильныя полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но Берендѣи и Торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: «Князь! отъ насъ все зависитъ. Если будешь намъ другомъ, какъ отецъ твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставимъ Изяслава.» Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои, и съ грознымъ войлемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночью тревогою, Великій Князь съѣлъ на коня; увидѣвъ измѣну и бѣжалъ за Дибирь Бѣгство
Вел. Князя. вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; Половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси; другихъ плѣнили Юрьевцы и Берендѣи.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, Декаб-
ря 22. что они единственно для него завоевали престолъ Кіевскій, и будутъ ему послушны какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный Митрополитъ Климентъ снова управлялъ Церковію Россійскою: «ибо Константинъ (говорилъ онъ) клялъ память отца моего.» Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, незаконно. Наконецъ согласился, чтобы не быть Митрополитомъ ни тому, ни другому и при-

Стреп-
ное за-
вѣщаніе
Митро-
полита

звать новаго изъ Царяграда (³⁸⁹). Изгнан-
ный Метиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ
Черниговъ и скоро преставился, удививъ
современниковъ и потомство странностію
своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатан-
ную духовную Святителю Черниговскому,
Антонію, и требовалъ, чтобы сей Епископъ
клятвенно обязался исполнить его послѣд-
нюю волю. Антоній въ присутствіи Князя
Святослава сръзалъ печать, и съ изумле-
ніемъ читалъ слѣдующее: «Не погре-
байте моего тѣла: да будетъ оно извле-
чено изъ града и повержено псамъ на
«снѣденіе!» Епископъ не дерзнулъ нару-
шить клятвы; но Князь, страшась гнѣва
Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти
тѣло Митрополита въ Черниговъ и съ че-
стію предать землѣ въ Соборной церкви,
подлѣ гроба Игоря Ярославича (³⁹⁰). Лѣто-
писцы разсказываютъ, что въ сіи три дни,
лсные для Чернигова, была ужасная буря
и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ
ударомъ убило тамъ семь человекъ, и вѣ-
теръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стояв-
шаго тогда въ полѣ близъ Вышегорода;
что сей Князь старался молитвами въ цер-
квахъ умилоствить Небо, и что вдругъ
настала тишина, когда совершилось погре-
беніе Митрополитова тѣла.

Морь

Въ Княженіе Изяслава Новгородъ вто-
рично испыталъ бѣдствіе мора: не успѣ-

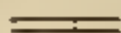
вали хоронить ни людей, ни скота ; отъ ^{въ Но-} смрада безчисленныхъ труповъ не ^{въгоро-} лзя ^{дѣ.} было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ ⁽³⁹¹⁾. Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новгородѣ.

ГЛАВА XVI.

Великій Князь Ростиславъ—Михаилъ
вторично въ Кіевѣ.

Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ. Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изяслава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи. Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣлы. Набѣгъ Ляховъ. Единповластіе Андрея. Изгнаніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава: ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокойства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами. Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Половцевъ въ стѣнахъ. Кончина Великаго Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя.

г. 1159. Ростиславъ — оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ — былъ съ честію и радостію принятъ отъ всѣхъ жителей Кіевскихъ (³⁹²). Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе

Апрѣль
12.

Изяславовыхъ Вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій Великій Князь ушелъ въ Сожскую область, ему принадлежавшую, и съѣхался въ Гомѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая въ слѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю Вятичей, илѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностію или вѣномъ Княгини Черниговской, и тревожилъ города Курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ Бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ Государемъ Кіевскимъ. Они съѣхались въ Моравскъ, обѣдали другъ у друга, и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ Черниговскому Князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбныхъ зубовъ; а Святославъ Великому Князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами (393).

Злоба
Изясла-
ва.

Союзъ
Ростисла-
ва съ Свя-
тосла-
вомъ.

Сии два Князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялись умереть друзьями, и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южныя предѣлы Государства отъ вѣшившихъ хитщниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился

Городъ тогда городъ многолюдный и крѣпкій, имен-
 Б е р-
 ладъ. немъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основан-
 ный близъ развалинъ древней Дакійской
 Зузидавы ⁽³⁹¹⁾: онъ былъ гнѣздомъ свое-
 вольныхъ бродягъ, людей разнаго племени
 и Закона, коихъ главное ремесло состояло
 въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю.
 Шайки ихъ взяли Олеше (знаменитое тор-
 говое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ склады-
 вались Греческіе товары, отираваемые въ
 Кіевъ): Воевода Великокняжескій, Георгій
 Несторовичъ, настигъ сихъ разбойниковъ
 и выручилъ многихъ взятыхъ имъ плѣнни-
 ковъ вмѣстѣ съ богатою добычею ⁽³⁹²⁾. —
 Впаде-
 ніе По-
 л о в-
 цевъ. Надлежало еще отразить набѣгъ Полов-
 цевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской
 области, а дружина Галицкая, Князья Во-
 лынскіе и Берендѣи на западномъ берегу
 Днѣпра побѣди и гнали ихъ до границы.

Сіи хищники явились съ другой стороны,
 нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, кото-
 рый, не теряя времени, осадилъ съ ними
 Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ
 его, Князь Сѣверскій, едва успѣли изгото-
 виться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ро-
 стислава. Но Кіевляне и Берендѣи, вѣри
 нескреннему союзу дяди, не вѣрили племян-
 нику, зная его коварство: чтобы успокоить
 ихъ, Святославъ Всеволодовичъ прислалъ
 сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки
 Великокняжескіе спасли Черниговъ. Изя-

славъ, уstraшенный силою оныхъ, бѣжалъ въ стени (³⁹⁶). Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ Половцами. Князь Черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожь съ супругою и дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ возвратить Кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ. Союзники, гонимы за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его Княгиня съ казною. Тутъ Воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ, и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, илѣнили въ ней болѣе десяти тысячъ людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; по видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ Князѣ Суздальскомъ.

Андрей Георгіевичъ, не заботясь о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и превзять себѣ древнюю столицу Рюрикову, то есть, выгнать оттуда сыновей Великаго Князя: Святослава Ростиславича изъ Новгорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава, и помолвилъ дочь

Андрей
за Изя-
слава.

свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда Княземъ Черниговскимъ въ городъ Вицѣжъ (397). Романъ и Рюрикъ, сыновья Великаго Князя, Владѣтель Сѣверскіи съ братомъ, Полочае и дружина Галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идетъ отразить ихъ отъ Вицѣжа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскіи снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ. — Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокъ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать Новгородцамъ, что онъ намеренъ искать ихъ Княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи: Новгородцы наѣлились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю; однакожь, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новгородская никогда не имѣла двухъ Князей, и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичъ, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о

семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. «Вчера» (говорилъ онъ Боярамъ) «граждане любилн меня; вчера я слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ общее усердіе.» Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ Князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину (398). Андрей отправилъ племянника, Мстислава, Намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичъ ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ кунцевъ Новгородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разослалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя Великій Князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожь не думалъ метить ему кровопролитіемъ и желалъ спокойствія.

Андрей
власт-
ствуетъ
въ Но-
вгородѣ.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетво-
рить своему искреннему миролюбію. Видя,
что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ
Новгорода, не расположенъ воевать съ
Великимъ Княземъ, безпокойный Изяславъ
снова обратился къ Половцамъ, и нашелъ
единомышленника въ непостоянномъ Свя-
тославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли
также нѣкоторые Болре Кіевскіе и Черни-
говскіе, хотѣвшіе неурядиства: ибо злю

Клевета
на Ро-
стисла-
ва.

общее бываетъ иногда частною выгодною. Святославъ Ольговичъ послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ Великій Князь желалъ дружелюбно угостить его ⁽³⁹⁹⁾. Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовить ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и Князю Сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи Великаго Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай» (говорили они своему Князю) «что Духовникъ Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ : Государь Кіевскій «притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ *лживо*; и до сего времени ты «не видалъ никакой пользы отъ его союза.» Обманутый клеветою, Черниговскій Князь взялъ сторону брата; однакожь самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ Союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ Великаго Князя; не успѣлъ въ томъ, и видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его пріятіе было счастливѣе : въ теченіе зимы усиленный множествомъ Половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и при-

г 1161.
Февра-
ля 8.

ступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ ⁽⁴⁰⁰⁾. Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли дома. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, Кіевляне съ Берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда Великій Князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ, и заключился въ Бѣлѣгородѣ, ожидая скорой помощи.

Рости-
славъ
из-
гнавъ.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и снѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій Князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или *остроги*, и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его Посламъ: «Ежели уйду за Днѣпръ, то «союзнки оставятъ меня. Чтожь будетъ «со мною? Въ степяхъ ли Половецкихъ «найду для себя область? Лучше умру здѣсь «отъ меча, нежели отъ голода на берегахъ «Сейма ⁽⁴⁰¹⁾.» Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно: ибо услышавъ, что Торки, Берендѣи, Печенѣги Росьскіе, Мстиславъ Вольшскій и Галичане идутъ въ помощь къ Великому Князю, Изяславъ бѣ-

Морта
6.
Смерть
Изясла-
ва.

Берлад-
и в к ѣ
отрав-
ленъ въ
Греціи.

жалъ, и погибъ безъ мужественной обо-
роны: непріятельскій всадникъ, именемъ
Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Ве-
ликій Князь и Мстиславъ нашли его пла-
вающего въ крови, и не могли удержаться
отъ слезъ искренней горести. «Вотъ слѣд-
ствие твоей несправедливости!» сказалъ
первый: «недовольный областію Чернигов-
скою, недовольный самымъ Кіевомъ, ты
«хотѣлъ отнять у меня и Бѣлгородъ!» Изя-
славъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды;
ему дали вина — и сей несчастный Князь,
изглянувъ дружелюбно на враговъ состра-
дательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ
въ битвахъ обыкновенно носилъ власяши-
цу брата своего, Николая Святоши, а въ
сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее.
Разбивъ Половцевъ, Олегову дружину,
Черниговскую и Князя Сѣверскаго, взявъ
ихъ обозы, побѣдители отослали въ Чер-
ниговъ тѣло Изяслава, искренно оплакан-
наго братомъ Святославомъ и еще искрен-
нѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злопо-
лучный Галицкій Князь, утративъ въ Изя-
славѣ единственнаго своего покровителя,
уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную
жизнь въ Фессалоникѣ, отравленный ядомъ,
какъ думали современники. Великій Князь,
не желая мстить ни Святославу Ольговичу,
ни гораздо виновнѣйшему Сѣверскому Вла-
дѣтелю, иѣкогда имъ облагодетворенному,

удовольствовался въ новою присягою, и нашелъ способъ дружескию раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ Государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичъ возвратился управлять ими ⁽⁴⁰²⁾.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Вольинскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій Князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наследнику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди, и съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Вольнію ⁽⁴⁰³⁾, старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересонницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: «Ты властенъ завоевать мою область, и я готовъ скитаться въ обѣдности съ дѣтьми своими по землямъ чуждымъ; но буду всегда душою и сердцемъ за Ростислава.» Огорченный злобою племянника, Великій Князь отнялъ у него города Днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оныя, когда Мстиславъ одумался, и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извине-

Ссора
и мѣръ
Велик.
Князя
о о
Мсти-
с л а-
вомъ.

В ѣ р-
ность
Княже-
ская.

Г. 1162-
1163.

ніями. — Столь же великодушно поступалъ Великій Князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его удѣлы. братъ, Владиміръ Мстиславичъ, упрямый союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ: Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ Кіевскихъ; а внуку Вячеславу, пменемъ Роману, два города въ Смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о Туровскомъ Владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внуку Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ Домовъ Княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ держался единственно своимъ мужествомъ, и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ Князей Волынскихъ, хотѣвшихъ подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій Князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ. — Тяшина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что Набѣгъ Дяховъ. вѣншіе непріятели, Дяхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червена (404).

Андрей Георгіевичъ, ревностно занимающійся благомъ Суздальскаго Княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государствен-

ныхъ бѣдствій, и хотѣлъ спасти отъ нихъ по крайней мѣрѣ свою область: то есть, отмѣнялъ несчастную Систему Удѣловъ, Едино-
властіе
Андрей. княжилъ единовластно, и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть, Бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи Князей юныхъ, грабить землю и наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздаль, ибо Георгій назначалъ сіе Княженіе для меньшихъ дѣтей; и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго Государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея ⁽⁴⁰⁵⁾. Можетъ быть, и братья сего Князя, слѣдуя внушенію коварныхъ Бояръ, изъявляли негодованіе, и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей дотогѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ Вельможъ Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачихою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата,

Изгна-
н і о
братъ-
гва его
въ Грѣ-
цію.

г. 1164.
1166.

Кончи-
на Свѣ-
тосла-
ва : ея
слѣд-
ствіа.

Въ ро-
домство
Еписко-
па.

осьмилѣтняго Всеволода (столь знамени-
таго въ послѣдствіи). Тамъ Императоръ
Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію
и съ любовію; желалъ ихъ утѣшить благо-
дѣяніями, и далъ Васильку, по извѣстію
Россійскихъ и Греческихъ Лѣтописцевъ,
область Дунайскую.

Въ Россіи южной кончина Святослава
Черниговскаго произвела несогласіе между
сыномъ его и племянникомъ. Святославъ,
достопамятный своею привязанностію къ
несчастному брату Игорю и миролюбіемъ,
оставилъ наследникамъ великое богатство.
Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ
отсутствіи. Черниговскій Епископъ Анто-
ній и Вельможи собралися къ горестной
овдовѣвшей Княгинѣ, и боясь хищнаго
Владѣтеля Сѣверскаго, рѣшились таить
смерть Святослава до Олегова возвращенія.
Все дали въ томъ клятву, и во первыхъ
Епископъ, хотя Бояре говорили ему : «ну-
жно ли цѣловать крестъ Святителю? лю-
бовь твоя къ Дому Княжескому извѣстна.»
Но Святитель, былъ Грекъ, по словамъ
Лѣтописца : хитръ и коваренъ. Онъ въ
тотъ же часъ написалъ къ Святославу Все-
володовичу, что для его скончался; что
Олега и воинской дружины нѣтъ въ го-
родѣ; что Княгиня съ меньшими дѣтьми въ
изумленіи отъ горести, и что Святославъ
найдетъ у нее сокровища несмѣтныя. Сей

Князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а Бояръ своихъ въ другія Черниговскія области; и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожь добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными Удѣлами, и забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго впучатнаго брата, сына Владимірова, Князя Вщпжскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ Половцевъ; но Великій Князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города. ⁽⁴⁰⁶⁾.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, печально взяли Изяславъ и заключили тамошнихъ Князей, Брячислава и Володну Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты Государя Кіевского, осадилъ Минскъ, и стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отвять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ Владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ Великаго Князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ

Г. 1139-1166.

Безпокойства въ землѣ Полоцкой.

вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ, къ удовольствію народа (407). Въ сихъ ничтожныхъ, однакожь кровопролитныхъ распряхъ Литовцы служили Кривскимъ Владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Война
съ Бол-
гарами.

Давно Россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати выѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшійся мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ наконецъ воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ, и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною Князя Муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными Болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена, и прогналъ Князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ нѣхота Владимірская стояла вокругъ Греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность Небу, и желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею Церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ славнымъ Болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ, и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ (408).

Въ сіе же лѣто Новгородцы одержали побѣду надъ Шведами, которые, овладѣвъ

тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ла-
догу и пришли на судахъ къ устью Вол-
хова. Жители сами выжгли загородные
дома свои, ждали Князя, и подѣ началь-
ствомъ храбраго Посадника, Нѣжаты, обо-
ронялись мужественно, такъ, что непріа-
тель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Сал-
мѣ (400). Въ пятый день прислѣлъ Свято-
славъ съ Новгородскимъ Посадникомъ
Захаріею, напалъ на Шведовъ и взялъ
множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-
пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнад-
цать.

Побѣда
надъ
Шведа-
ми.

Въ окрестностяхъ Диѣпра Половцы не
преставали злодѣйствовать и грабить: что-
бы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ мно-
гихъ Князей съ дружинами. Казалось, что
онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, про-
славить себя важнымъ предпріятіемъ и на-
долго смирить варваровъ; по войско союз-
ное неклося единственно о безопасности
судоходства по Диѣпру, и нѣсколько вре-
мени стоявъ у Канева, разошлось, когда
флотъ купеческій благополучно прибылъ
изъ Греціи. — За то Сѣверскій Князь и
братъ Черниговскаго, при наступленіи зи-
мы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною
дружиною дерзнули углубиться въ степи
Половецкія; взяли стапы двухъ Хановъ и
возвратились съ добычею, серебромъ и зо-
лотомъ (410).

Росси-
н-
с-
б-
ють
Полов-
цевъ въ
сте-
пяхъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: не смотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новгородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, Великій Князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь Смолянъ, которыхъ Послы встрѣтили его вереть за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, Епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: Вельможи, кунцы, по древнему обыкновенію, сносили дары Государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ, и призвавъ туда знатнѣйшихъ Новгородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія не-удовольствія на сына его, никогда не искать иного Князя, *разлучиться съ нимъ одною смертію* (411). Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, Великій Князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. «Нѣтъ,» сказалъ Ростиславъ: «я хочу лежать въ Кіевской Обители Св. Θεодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцемъ; а ежели Богъ нещѣлитъ меня, то постригуся въ монастырѣ Θεодосіевомъ.» Онъ скончался на пути, тихимъ

голосомъ читая молитву, смотря на икону на Ве-
Спасителя и проливая слезы Христіанскаго ликаго
умиленія. Князя.

Сей ввукъ Мочомаховъ принадлежалъ
къ числу тѣхъ рѣдкихъ Государей, кото-
рые въ своемъ блестящемъ верховномъ Его
санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удо- свой-
вольствія. Онъ не искалъ Великаго Княже- ства
нія, и дважды возведенный на престолъ
опаго, искренно желалъ отказаться отъ
власти. Любя Печерскаго Игумена, Поли-
карпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе вся-
кую Субботу и Воскресенье Великаго поста
обѣдать во дворцѣ съ сими благочестивымъ
мужемъ и съ двѣнадцатью братьями
Оеодосіевои Обители; бесѣдовалъ о добродѣ-
теляхъ Христіанскихъ, и часто говорилъ
имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго
міра, чтобы краткую, *милотекущую* жизнь
посвятить Небу въ безмолвіи монастыр-
скомъ, особенно послѣ кончины Святосла-
ва Ольговича; но разумный Игумень все-
гда ему отвѣтствовалъ: «Князь! Небо тре-
буетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай
«правду и блюди землю Русскую (412).»
Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно на-
божный скорѣе инаго можетъ быть отцемъ
народа, если одаренъ свыше умомъ и твер-
достію. Ростиславъ не отличался великими
свойствами отца и дѣда; но любилъ миръ,

тишину отечества, справедливость, и боялся запятнать себя кровію Россіянъ.

Союзы
и бракъ.

Сей Великій Князь былъ другомъ Императора Мануила, и помогалъ ему, какъ Государю единовѣрному, противъ Короля Венгерскаго, Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ Галицкимъ Княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, Императоръ писалъ къ нему, что сей Король есть извергъ вѣроломства, и что супруга такого человѣка безъ сомнѣнія будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ, уже отправивъ невѣсту въ Венгрію, не могъ отмѣнить брака, однакожь взялъ сторону Грековъ. Стефанъ — кажется, досадуя на тестя — развелся съ молодою супругою и женился на дочери Австрійскаго Герцога. — Не смотря на союзъ съ Императоромъ, Галицкій Князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы Константинопольской, и далъ ему въ Удѣлъ нѣсколько городовъ (⁴¹³). Андроникъ, какъ пишутъ Византійскіе Историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его Совѣтѣ Государственномъ, жилъ во дворцѣ, обѣдалъ за столомъ Княжескимъ, и собиралъ для себя войско. Изъявивъ не-
удовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ

Андро-
никъ
жилъ
въ Рос-
си.

ея Государей. — Исполняя требованіе честолюбивыхъ Новгородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ Епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться *Архіепископомъ* ⁽⁴¹⁴⁾. Сей Митрополитъ, умершій не за-долго до кончины Великаго Князя, славился ученостію, и слыша о желаніи Папы, Александра III, знать особенныя Догматы нашей Церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ Латинскомъ и достойно Пастыря Христіанскаго. «Не знаю» (говоритъ сочинитель), «какимъ образомъ произошли ереси въ «Вѣрѣ Божественной; не понимаю, какъ могутъ «Римляне именовать насъ лже-Христіанами. Мы «не слѣдуемъ такому примѣру, и считаемъ ихъ «своими братьями; хотя и видимъ, что они во «многомъ заблуждаются.» Предложивъ ученіе обѣихъ Церквей, и доказавъ согласіе нашего съ Апостольскимъ, добрый Митрополитъ убѣждаетъ Папу возстановить древнее единство Вѣры; кланяется ему отъ имени всего Духовенства, и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ Христіанъ ⁽⁴¹⁵⁾.

ГЛАВА XVII.

Великій Князь Мстиславъ Изяславичъ Кіевскій.

Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167 — 1169.

Вѣроломство Владиміра. Пѣгнаніе Святослава изъ Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мстислава. Клевета Бояръ. Пенависть Андрея ко Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Влади— г. 1167.
міръ, народъ Кіевскій и Червые Клобуки — исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго Великаго Князя — звали на престолъ Мстислава Волинскаго. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ Удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго Тіуна въ Кіевъ, и скоро узналъ отъ нихъ, что для его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и Князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичъ, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе го-

Віро-
ломство
Владі-
міра.

рода (416). Мстиславъ оскорбился; призвавъ Галичанъ, Ляховъ, и выступилъ къ Дяб-пру съ сильною ратію. Усердно любивъ отца, Кіевляне любили и сына, знамени-того дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію, и Князя смирились. Только Вла-диміръ Мстиславичъ, малодушный и вѣро-ломный, дерзнулъ обороняться въ Выше-городѣ (417): Великій Князь могъ бы нака-зати мятежника; но желая тишины, усту-пилъ ему Котельницю, и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. Свиданіе ихъ было въ Обители Печерской. «Еще не обсохли уста твои, которыми ты «цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго «дружества!» говорилъ Мстиславъ, и тре-бовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ оную, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ Боярамъ своимъ, что Берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились пови-новаться клятвенпреступнику. «И такъ От-«роки будутъ моими Боярами!» сказалъ онъ и пріѣхалъ къ Берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ: ибо сіи варвары, бывъ дѣйствительно съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и Князьями и Боя-рами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ.

Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, Княземъ Дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; общалъ ему Удѣлъ, и велѣлъ жить въ области Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: «ты свободна: иди куда хочешь; но могу ли быть съ тобою «въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ «головы моей и смѣется надъ святостію «крестныхъ обѣтовъ?»

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другаго изгнанника, Святослава Ростиславича. Новгородцы — думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву — въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего Князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки, и велѣлъ объявить Новгородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. «А мы не хотимъ «имѣть тебя Княземъ,» отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери, и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область, и съ помощію Андрея обративъ въ пенель Торжекъ, граблъ окрестности. Съ другой стороны Князь Смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки ⁽⁴¹⁸⁾. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя

Изгна-
ніе Свя-
тослава
изъ Но-
вгоро-
да.

защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы Новгородцы смирились предъ Святославомъ. «Вамъ не будетъ новаго Князя,» говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ Посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ, и просилъ сына у Великаго Князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новгородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный Посадникъ Якутъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Русы: сей Князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и чрезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

г. 1168.
Война
съ Половца-
ми.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ Князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ Князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: «Земля Русская, наше отечество, стонаетъ отъ Половцевъ, которые не премѣнили донынѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся

Рѣчь
Мстислава.

«быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣ-
 «няють Христіанъ, и множество невольни-
 «ковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безо-
 «пасности для купеческихъ судовъ нашихъ,
 «ходящихъ по Диѣпру съ богатымъ гру-
 «зомъ. Варвары думаютъ совершенно овла-
 «дѣть торговымъ путемъ Греческимъ ⁽⁴¹⁹⁾.
 «Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйстви-
 «тельнымъ и сильнымъ. Друзья и братья!
 «оставимъ междоусобіе; воззримъ на Небо,
 «обнажимъ мечъ, и призвавъ имя Божіе,
 «ударимъ на враговъ. Славно, братья,
 «искать чести въ полѣ и слѣдовъ проло-
 «женныхъ тамъ нашими отцами и дѣдами!»
 Всѣ единодушно изъявили согласіе уме-
 реть за Русскую землю, и каждый привелъ
 свою дружину: Святославъ Черниговскій,
 Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Пе-
 реяславскій, Михаилъ братъ его, Князья
 Туровскій и Волынскіе. Бояре радовались
 согласію Государей, и народъ благослов-
 лялъ ихъ ревность быть защитниками оте-
 чества. Девять дней шло войско стѣня-
 ми ⁽⁴²⁰⁾: Половцы услышали, и бѣжали 2 Мар-
та.
 отъ Диѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья,
 оставивъ назади обозъ, гнались за ними,
 разбили ихъ, взяли многія вежи на бере-
 гахъ Орели, освободили Россійскихъ не-
 вольниковъ и возвратились съ добычею, съ
 табунами и плѣнниками, потерявъ не бо-
 лѣе трехъ человекъ. Сію добычу, слѣдуя

древнему обыкновению, раздѣляя между собою Князя, Бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ изъ Греціи: Князя ходили съ войскомъ на встрѣчу къ оному, чтобы защитить купцевъ отъ нападенія Половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ии Мстиславъ, иируя тогда съ союзниками подѣ Каневымъ ⁽⁴²¹⁾, ии Кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ Греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: Князя жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орела, тайно посылалъ ночью дружину свою въ слѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два Боярина, удаленные Великимъ Княземъ отъ Двора за гнусное воровство, старались также поссорить братьевъ, увѣряя Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ заключить ихъ въ темницу ⁽⁴²²⁾. Легковѣріе свойственно правамъ грубымъ. Бояре Кіевскіе, знавшіе чистосердечіе Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи, и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: «кто жь захочетъ впредь осте-

Клевета
Бояръ.

«регать насъ?» Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичъ, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ Великій Князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе Новгородцевъ, и долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ Смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ, и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ Новгородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться Главою Князей Россійскихъ: по крайней мѣрѣ оставивъ на время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго; тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ Полоцкимъ Княземъ; взялъ дружину у Владѣтелей Рязанскаго и Муромскаго, ему покорныхъ; собралъ многочисленную рать;

Незавѣсть
Андрея
къ
Мстиславу.

поручилъ ее сыну Мстиславу и Воеводѣ
Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ идти къ
Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ
Ростиславичъ и гдѣ надлежало соединиться
г. 1169. всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе
одиннадцати Князей (въ числѣ коихъ былъ
и юный Всеволодъ Георгіевичъ, пріѣхав-
шій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сто-
ронъ къ Диѣпру (⁴²³); а неосторожный
Мстиславъ ничего не видалъ, и въ то же
время послалъ вѣрнаго ему Михаила Геор-
гіевича, Андреева брата, съ отрядомъ Чер-
ныхъ Клобуковъ къ Новугороду (⁴²⁴): Ро-
стиславичи схватили сего Князя на пути
вмѣстѣ съ купцами Новогородескими. Мсти-
славъ едва успѣлъ призвать Берендѣевъ и
Торковъ, когда непріятели стояли уже
подъ стѣнами города; два дни оборонялся
мужественно: въ третій союзники взяли
Кіевъ приступомъ: чего не бывало дотолѣ.
Сія, по слову древняго Олега, *мать* горо-
довъ Россійскихъ, нѣсколько разъ осаждае-
мая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя
врата свои непріятелямъ; но никто не вхо-
дилъ въ нихъ *силою*. Побѣдители, къ сты-
ду своему, забыли, что они Россіяне: въ
теченіе трехъ дней грабили, не только жи-
телей и дома, но и монастыри, церкви,
богатый храмъ Софійскій и Десятинный;
похитили иконы драгоцѣнныя, ризы, кни-
ги, самые колокола — и добродушный Лѣ-

Мартъ
8. Вал-
тіе и со-
першен-
ное па-
деніе
Кіева

тописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что Кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ, и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго Митрополита Константина! . . . Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волинію, оставивъ жену, сына, Бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ (⁴²⁵), и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, Черными Клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; по сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ *Великимъ Княземъ Россіи*; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ся мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

К О Н Е Ц Ъ І І Т О М А .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ. II.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

Г. 1013—1019.

Стр.

Святополкъ похититель престола. Добродѣтель Бориса. Братоубійства. Безразсудная жестокость Ярославова. Великодушіе Новгородцевъ. Битва у Любеча. Союзъ Ярослава съ Императоромъ Нѣмецкимъ. Война съ Болеславомъ Храбрымъ. Битва на Бугѣ. Взятіе Кіева. Вторичное великодушіе Новгородцевъ. Вѣроломное избіеніе Поляковъ. Болеславъ оставляетъ Россію. Черная рѣка. Битва на Альтѣ. Бѣгство и смерть Святополка

5

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ или ГЕОРГІЙ.

Г. 1019—1054.

Война съ Полоцкимъ Княземъ. Побѣды Мстиславовы. Паденіе Козарской Державы. Голодъ въ Суздаалѣ. Битва у Листвена. Миръ. Основаніе Юрьева или Дерпта. Завоеванія въ Польшѣ. Смерть Мстислава. Единовластіе. Судиславъ заключенъ. Новые Удѣлы. Побѣда надъ Неченъгами. Каменные стѣны и Соборъ Св. Софіи въ Кіевѣ. Митрополитъ. Строеніе монастырей. Любовь Ярослава къ книгамъ. Война съ Ятвягами,

Литвою, Мазовшанами, Ямью. Походъ на Грековъ. Древнее предсказаніе. Брачные союзы. Митрополитъ Россіянинъ. Наставленіе и кончина Ярослава. Гробъ его. Свойства сего Князя. Крещеніе костей. Первое народное училище. Кіевъ второй Царьградъ. Монета Ярославова. Демественное пѣніе. Россія убѣжище изгнанниковъ. Сѣверныя владѣнія Россіи. Законы

19

ГЛАВА III.

ПРАВДА РУССКАЯ ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ.

Законы уголовные. Денежныя пени за убійство. Вира. Гражданскія степени. Дикая Вира. Потокъ. Пеня за удары. Дворъ Княжескій есть мѣсто суда. Охраненіе собственности. Воровство. Оцѣнка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Сводъ. Кража людей. Бѣглые. Кабала. Долги. Торговля рабовъ. Сохраненіе пожитковъ. Росты. Улики, оправданія. Испытаніе желѣзомъ и водою. Право наследственное. Судіи Присяжные. Общій характеръ законовъ. Уставъ о мостовыхъ. Уставъ церковный.

47

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІЗЯСЛАВЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ДИМИТРИЕМЪ.

Г. 1054—1077.

Удѣлы. Побѣда надъ Голядами и Торками. Половцы. Ужасныя чудеса. Освобожденіе Судислава. Междоусобія. Пораженіе Россіянъ на берегахъ Альты. Митежъ въ Кіевѣ. Бѣгство Великаго Князя. Разбитіе Половцевъ. Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію. Ізяславъ возвращается съ Поляками. Кіевъ новая Капуя. Война съ Полоцкимъ Кня-

земъ. Перепесеніе мощей Бориса и Глѣба. Новое бѣгство Великаго Князя. Изяславъ у Нѣмецкаго Императора. Посольство Генрика IV въ Кіевъ. Письмо Папы къ Изяславу. Россіяне въ Силезіи. Возвращеніе Изяслава. Междоусобіе. Смерть Великаго Князя. Свойства его. Уничтоженіе смертной казни. Монастырь Кіевопечерскій. Россіяне служатъ въ Греціи. Зависимость нашей Церкви отъ Греческой. Перениска съ Патріархами. Пророки и волшебники

71

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ.

Г. 1078—1093.

Междоусобія. Олегъ въ Родосѣ. Подвиги Мономаха. Убіеніе Ярополка. Нападеніе Болгаровъ на Муромъ. Засуха и моръ. Землетрясеніе. Видѣнія. Набѣги Половцевъ. Слабость Великаго Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генрикомъ IV. Митрополитъ Іоаннъ. Его сочиненіе. Крестильницы. Праздникъ 9 Маія. Сношенія съ Римомъ

100

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ-МИХАИЛЪ.

Г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха. Война съ Половцами. Бракъ Святополковъ. Безпокойный Олегъ. Жалкое состояніе южной Россіи. Саранча. Побѣды. Вѣроломство Россіянъ. Междоусобія. Гордость Олега. Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго. Храбрость и добродушіе Мстислава. Краснорѣчивое Мономахово письмо. Вѣроломство Олегова. Великодушіе Мстислава. Съѣздъ Князей. Злодѣй-

ство Давида и Святѣиѣла. Ослѣпленіе Василька.
Слезы Мономаховы. Рѣчь Митрополита. Пре-
красная душа Василькова. Местъ Ростиславичей.
Корыстолюбіе Поляковъ. Новое коварство Свя-
тополка. Умѣренность Ростиславичей. Пораженіе
Венгровъ. Междоусобія. Новый съѣздъ Князей.
Усмиреніе Давида. Строитвность Новгородцевъ.
Совѣтъ Князей. Счастливая война съ Половцами.
Война съ Мордвою и съ Князьями Полоцкими.
Бѣдствіе Россіянъ въ Семигалии. Новые успѣхи
въ войнѣ съ Половцами. Походъ знаменитый.
Имя Тмуторокани исчезаетъ въ лѣтописяхъ. Кон-
чина Святополкова. Евреи въ Кіевѣ. Брачныя
союзы. Митрополиты. Князь Святѣиѣла. Св. Ан-
тоній Римлянинъ. Путешествіе Данила. Россіане
въ Іерусалимѣ. Конецъ Несторовой лѣтописи.
Старецъ Янъ 111

ГЛАВА VII.

ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ
ВАСИЛИЕМЪ.

Г. 1113—1125.

Грабятъ Жидовъ въ Кіевѣ. Мономахъ усмиряетъ
мятежъ. Новое препѣсненіе мощей Бориса и Глѣ-
ба. Законъ о ростахъ. Побѣды въ Ливоніи, въ
Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону. Черныя Кло-
буки. Бѣловещицы. Дѣла съ Греками. Монома-
хова шапка. Царевичъ Леонъ. Усмиреніе Мни-
скаго Князя и Новгородцевъ. Изгнаніе и бѣд-
ствіе Князя Владимірскаго. Венгры, Богемцы и
Поляки въ Россіи. Ихъ неудача. Плѣнь Воло-
даря. Смерть трехъ Князей знаменитыхъ. Кон-
чина Мономахова. Свойства его. Поученіе. Ос-
нованіе Владиміра Залѣскаго. Гяда, супруга
Мономахова. Ея дѣти. Сочиненіе Митрополита
Никифора 116

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

Г. 1123—1132.

Набѣгъ Половцевъ. Изгнаніе Ярослава Черниговскаго. Начало особенныхъ Княженій, Муромскаго и Рязанскаго. Удаленіе Половцевъ за Волгу. Междоусобіе въ юго-западной Россіи. Ссылка Князей Полоцкихъ въ Грецію. Война съ Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голодъ. Древнѣйшая грамота. 179

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Г. 1132—1139.

Неустройства. Дань Печорская. Завоеваніе Дерпта. Битва на Ждановой горѣ. Кровопролитіе въ южной Россіи. Изгнаніе Князя изъ Новгорода. Великодушіе Василька Полоцкаго. Цсковъ отдѣлился отъ Новгорода. Уставъ о церковной дани. Новгородцы опять изгоняютъ Князя. Междоусобіе въ южной Россіи. Миръ и кончина Великаго Князя. Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княженіе. Характеръ Владимірка. Борись воюетъ съ Королемъ Венгерскимъ; является въ станъ Короля Французскаго; убитъ измѣнникомъ. 188

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ ОЛЬГОВИЧЪ.

Г. 1139—1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава. Междоусобія. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благородіе. Равнодушіе Новгородцевъ къ Кня-

жеской чести. Безпокойства въ Новѣгородѣ. Смерть Андрея Добраго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россіане въ Польнѣ. Первая вражда Георгія съ Изяславомъ. Мореходство Новогородцевъ. Браки. Походъ на Галичъ. Іоаннъ Берладникъ. Всеволодъ избираетъ наследника. Дѣла Польскія. Война съ Галицкимъ Княземъ. Мужество Воеводы Звенигородскаго. Кончина Всеволода

202

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ.

Вѣче въ Кіевѣ. Измѣна Кіевлянъ. Рѣчь Изяслава. Корыстолюбіе Черниговскихъ Князей. Предательство. Игорь взятъ въ плѣнъ. Грабежъ въ Кіевѣ

217

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Г. 1146—1154.

Строгость Великаго Князя. Коварство Черниговскихъ Князей. Добродушіе Святослава. Георгій возстаетъ на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимникъ. Искренность Святославова въ дружбѣ. Начало Москвы. Бродники. Поставленіе Россійскаго Митрополита. Любовь къ Мономаху. Измѣна Черниговскихъ Князей. Убіеніе Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгія. Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. Рѣчь Изяслава. Опустошеніе земли Суздальской. Неправедливость Великаго Князя. Битва у Переяславля. Бѣгство Изяслава. Союзъ съ Венграми, Богемцами и Поляками: Мужество Андрея. Памятникъ коноу. Миръ. Коварство Георгія. Новая

вражда. Добросердечіе Ізяслава и Вячеслава. Побѣда Владимірка. Бодрость Андрея. Хитрость Владимірка. Твердость Ізяславова. Воинская хитрость. Безпечность Георгія и торжество Ізяслава. Ристаніе въ Кіевѣ. Справедливость Великаго Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность къ Королю Венгерскому. Осада Кіева. Мирозлюбіе Вячеслава. Цылкостъ Андрея. Отступленіе Георгія. Усердіе Кіевлянъ. Битва. Ізяславъ раненъ. Бѣгство и вѣроломство Георгія. Помощь Венгровъ. Рѣчь Ізяславова и побѣда. Притворство Владимірка. Простодушіе Гейзы. Любовь Георгія къ южной Россіи. Вѣроломство Владимірка. Подвиги Андрея. Насмѣшка Владимірка. Печальная одежда. Смерть Владимірка. Рѣчь Ярослава. Сомнительная побѣда. Бракъ Ізяславовъ. Дѣла Новгородскія. Кончина Ізяслава. Характеръ его. Своевольство Полочанъ.

222

ГЛАВА XIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ МСТИСЛАВИЧЪ.

Г. 1154—1155.

Любовь Кіевлянъ къ Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагодарность и малодушіе Ростислава. Гордость Мстиславова. Своевольство Новгородцевъ. Кіевляне поддаются Ізяславу. Георгій вступаетъ въ Кіевъ

284

ГЛАВА XIV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ИЛИ ЮРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ,
ПРОЗВАНІЕМЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Г. 1155—1157.

Удѣлы. Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу. Тишина въ Россіи. Новое кровопролитіе. Берендѣи быють

Половцевъ. Союзъ съ Половцами. Смятеніе въ
Новѣгородѣ. Союзъ противъ Георгія. Смерть его
и свойства. Ненависть къ нему. Дѣла церковныя. 288

ГЛАВА XV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВЪ ДАВИДОВИЧЪ КІЕВСКІЙ.
КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГО-
ЛЮБСКИМЪ.

Г. 1157—1159.

Паденіе Великаго Княженія Кіевского. Новое силь-
ное Княженіе Владимірское. Происшествія въ
западной Россіи. Мятежный духъ Полочанъ. Раз-
доръ за Берладника. Безкорыстіе Святослава.
Неблагодарность Изяславова. Бѣгство Великаго
Князя. Странное завѣщаніе Митрополита. Моръ
въ Новѣгородѣ 297

ГЛАВА XVI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЪ ВТОРИЧНО
ВЪ КІЕВѢ. АНДРЕЙ ВЪ ВЛАДИМІРѢ СУЗДАЛЬСКОМЪ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова. Союзъ Ростислава съ Святославомъ.
Городъ Берладъ. Впаденіе Половцевъ. Андрей за
Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ. Клевета
на Ростислава. Ростиславъ изгнанъ. Смерть Изя-
слава. Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи.
Ссора и миръ Великаго Князя со Мстиславомъ. Удѣ-
лы. Набѣгъ Ляховъ. Единовластіе Андрея. Изгна-
ніе братьевъ его въ Грецію. Кончина Святослава:
ея слѣдствія. Вѣроломство Епископа. Безпокой-
ства въ землѣ Полоцкой. Война съ Болгарами.
Побѣда надъ Шведами. Россіяне бьютъ Полов-
цевъ въ стѣнахъ. Кончина Великаго Князя. Его
свойства. Союзы и браки. Дѣла церковныя . . . 308

ГЛАВА XVII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЪ КІЕВСКІЙ.
АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКІЙ ИЛИ ВЛАДИМІРСКІЙ.

Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра. Изгнаніе Святослава изъ
Новагорода. Война съ Половцами. Рѣчь Мсти-
слава. Клевета Бояръ. Ненависть Андрея ко
Мстиславу. Взятіе и совершенное паденіе Кіева. 329

2007041102